

**Санкт-Петербургский государственный университет
Философский факультет
Кафедра культурологии
Кафедра философской антропологии
Центр современной философии и культуры (Центр
«СОФИК»)
Лаборатория постклассических гендерных исследований**

ПАРАДИГМА

Философско-культурологический альманах

Издается с 2005 года

ВЫПУСК 16

**Санкт-Петербург
2011**

ББК 71.0

П 18

Главный редактор М. С. Уваров

Редакционная коллегия номера: д-р филос. наук Н. В. Голик; д-р филос. наук Б. В. Марков; д-р филос. наук Е. Г. Соколов; д-р филос. наук Ю. Н. Солонин; Ф. В. Каплан (отв. секретарь); д-р филос. наук Н. Х. Орлова (зам. гл. редактора)

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
философского факультета
Санкт-Петербургского государственного университета*

Парадигма: Философско-культурологический альманах.
Вып. 16/ Отв. ред. выпуска Н. Х. Орлова. СПб., 2011. 202 с.

П 18

ISSN 1818-734X

В очередном выпуске альманаха (вып. 15 вышел в 2010 г.) публикуются материалы Международной научной конференции «Метафизика искусства VII. Российский гендерный порядок: искусство, литература, массовая культура», состоявшейся в рамках очередных Дней петербургской философии (СПбГУ, 19 ноября 2010 года).

Выпуск предназначен для работников высшей школы, аспирантов, студентов, всех, кто интересуется актуальными проблемами современной философии и культуры.

ББК 71.0

ISSN 1818-734X

© Авторский коллектив, 2011

© Философский факультет, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

ГЕНДЕРНЫЙ БЕСПОРЯДОК

Базуева Е. В. Институциональное обеспечение воспроизводства гендерной власти в современной России	5
Уваров М. С. Гендерная игротка отечественного спорта.....	13
Павлова О. Н. Нарциссическая андрогиния современной культуры и рождение новых форм «женского»	20
Номеровская А. Д. Трансгендерное общество: воспроизводство гендерной идентичности в массовой культуре.....	28
Латина С. В. «Унисекс» как «стирание граней» между феминным и маскулинным (на материале интернет-сайтов).....	36
Сташкунас А. А. Миф об идеальном мужчине.....	45
Соколова Е. Э. Проблемы мужчин в современной России.....	55
Кондаков А. А. Порядок дискурсов в формировании девиантных черт гомосексуальной субъективности.....	65
Бунтури В. В. Женские и мужские роли в традиции петербургского литературного салона.....	75
Орлова Н. Х. «Крейцера соната» Л. Н. Толстого как увертюра к дискуссии о сущности брака.....	84
Каплан Ф. В. Опыт материнства в художественных практиках современной России.....	96
Белова Ю. Н. Нищие «мужики» и «бабы» на этюдах Антуана Ватто.....	103
Маслякова А. И. «Андрогинистические» идеи в русской философской мысли конца XIX – начала XX веков и их отражение в музыкально-эстетической концепции композитора-космиста А.Н. Скрябина.....	110
Лыгалов А. А. Мужские и женские образы и возможности исследования музыкального языка.....	119
Коленько С. Г. Гендерная роль певца-кастрата: жизнь и игра.....	128
Турутина Е. С. Женщина-мать и половое воспитание детей: история и современность.....	137

Бобылева В. О. Гендерное измерение высшего образования.....	145
Тукмачева Е. А. Профессиональное самоопределение молодежи: гендерный аспект.....	152
Ассадулина О. А. Влияние общественных стереотипов на гендерную социализацию младших школьников.....	161

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Богатова Л. М. Квази-пол – гендерный симулякр постмодерна.....	165
Богословский М. М. Биологические и социальные основы женской культуры.....	179

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ГЕНДЕРНЫЙ БЕСПОРЯДОК

Е. В. Базуева

Институциональное обеспечение воспроизводства гендерной власти в современной России

Начнем с определения исследуемого феномена. Не вдаваясь в анализ его герменевтики в феминистских исследованиях и концепции власти, разрабатываемой в рамках структурно-конструктивистской парадигмы,¹ и используя наработки современной экономической теории, под гендерной властью, на наш взгляд, следует понимать потенциальную возможность субъекта власти воздействовать на поведение объекта власти посредством угрозы применения санкций с целью максимизации собственной функции полезности (присвоения ренты власти) в условиях асимметрии распределения экономических ресурсов.² Исходя из этого следует заметить, что для установления гендерно асимметричных отношений было не достаточно создания неравного обмена ресурсами между мужчиной и женщиной в семье и обществе, нужно было закрепить соответствующие институциональные роли в «коллективном действии», или, говоря словами Дж. Р. Коммонса, «действующем коллективном институте» через систему правил, регулирующих взаимоотношения между агентами экономической системы. Причем, по мнению теоретиков экономики власти, именно эти институциональные роли, реализуемые в границах заданной системы правил (институциональной среды), поддерживающих их, и есть исключительный источник власти.³ В этой связи в рамках данной публикации остановимся на рассмотрении институциональных факторов воспроизводства гендерной власти. Напомним, что институциональная среда включает три типа правил: надконституционные (неформальные), конституционные и экономические правила. Дадим краткую характеристику каждого уровня институциональной среды.

Надконституционные правила состоят из общих и трудноизменяемых неформальных правил, передающихся путем обучения и имитации от одного поколения к другому, т. е. имеющих глубокие исторические корни. Неформальные ограничения

тесно связаны с преобладающими стереотипами поведения и зачастую не осознаются индивидами. Они не закрепляются в официальных источниках, их исполнение гарантируется разветвленной системой санкций. Среди них выделяют вину, стыд, санкции, требующие издержек от наказывающей стороны, и другие. Эффективность неформальных правил надконституционного уровня институциональной среды зависит от: 1) размера социальной группы, в которой они действуют; 2) величины издержек, которые несет нарушитель, подвергающийся наказанию; 3) относительной стабильности и устойчивости характера взаимодействий между экономическими агентами в обществе.

Конституционные и экономические правила относят к формальным правилам, которые являются «официально закрепленными нормами права, обязательные для исполнения всеми, и транспарентны».⁴ В свою очередь, конституционные правила устанавливают иерархическую структуру общества, его фундаментальную структуру принятия решений и наиболее важные характеристики контроля за политическими процедурами.⁵ Экономические правила непосредственно определяют формы организации хозяйственной деятельности, в рамках которой экономические агенты формируют институциональные соглашения и принимают решения об использовании ресурсов.

Далее дадим характеристику действующим в обществе формальным и неформальным правилам, определяющим диспозицию гендерной власти. При этом, что касается системы неформальных правил, то в процессе развития общества их содержание практически оставалось неизменным, расширился лишь спектр их разновидностей по мере накопления социального опыта. Все они закрепляли положение женщин в качестве объекта гендерной власти.

Проследивая генезис системы неформальных правил, регулирующих отношения гендерной власти на крупных этапах развития общества можно выделить несколько блоков:

Для первобытного общества содержание неформальных правил выражается мифами и легендами: «Мужчина – основной добытчик, женщина – расточитель, потребитель продуктов мужского труда» (О. А. Афанасьевский); «Женщина (gynai) – «рожающая детей», мужчина – носитель всей духовной жиз-

ни» (Г. Лихт); мифы о великой физической мощи мужчин и физической слабости женщин.

Для рабовладельческого общества общества содержание неформальных правил выражается изречениями, афоризмами, постулатами, аксиомами: *Familus* – «домашний раб, «семья» – совокупность принадлежащих одному человеку рабов (Ф. Энгельс); «Женщина есть низшее существо, импонентное животное, пассивный сосуд для мужского «жара», высшей творческой силы. Активная творческая форма – вот участь мужчины, женщина же, по своей сути, – бесплодная инертная материя, не имеющая души, и посему не может быть отнесена к настоящим людям. Высшее благо, рациональность не находит себе пристанища в мертвом плотском существе, которым, несомненно, является женщина (Аристотель).

Для феодального общества содержание неформальных правил закрепляется в поговорках, пословицах, приметах, двух- и трехсловных определениях, библейских канонах: «Бабе дорога – от печи до порога» (поговорка), «Женский быт, всегда он бит!», «Мужик в семье, что матица в избе» (пословицы); «Жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу, потому, что муж есть глава жены, как Христос глава церкви» (Библия); «Мужья стоят над женами за то, что Аллах дал одним преимущество перед другими» (Коран).

В капиталистическом обществе нормативы проявляются в образных ярких тезисах научных трудов: «Такими хочу я видеть мужчину и женщину: его – способным к войне, ее – к деторождению! (Ф. Ницше); «В отличие от нас женщины по крайней мере не обязаны стремиться к величию. У мужчин даже вера, даже смирение призваны доказывать величие. Это так утомительно» (А. Камю); «Женщина городского типа – наемная работница, источник дешевого неквалифицированного труда» (А. Поляков).

Социализм - девизы, лозунги, идеологизированные названия произведений литературы и искусства, электоратные призывы: «Женщина – резерв в борьбе за коренное переустройство общества и основная производительная сила государства» (В. И. Ленин); «Мужчина – номадический субъект, трудовая и боевая единица, не обремененная частной собственностью и ответственностью за семью, основной строитель/защитник коммунизма» (О. А. Здравомыслова, А. А. Тёмкина); «Член

правительства», «Свинарка и пастух», «Сельская учительница», «Трактористы»..

Смешанная экономика вырабатывает межстрановые типажы, имиджевые образы и модели жизнеповедения, внедряемые СМИ: имидж женщины-хозяйки на фоне стирки, уборки, заботы о муже и детях (А. В. Гармонова); «Танцующая домохозяйка, готовящая суп» – идеальный образ, наилучший образец для подражания (Г. Холмс); «Безропотная бабуля и добрая тетюшка из пятидесятых с половником в руках» (Т. А. Шилова); «Образ мужчины в рекламе – образ собственника».

Характер отношений к женщинам, закрепляемый системой формальных правил, как может показаться на первый взгляд, претерпевал значительные изменения. Они прежде всего зависели от типа проводимой государственной политики в отношении женщин. В ней отражен генезис институциональных ролей мужчин и женщин, которые, как было отмечено нами выше, в рамках действующей институциональной среды экономические агенты вынуждены «играть» для достижения поставленных целей

Генезис содержания формальных правил, определяющих диспозицию гендерной власти, и адекватных институциональных ролей⁶ выглядит следующим образом:

- для доиндустриального периода с патриархальным типом характерны ограничение участия женщин в профессиональной деятельности; ограничение доступа женщин к высшему образованию; ориентация женского образования на подготовку к выполнению традиционных обязанностей; отстранение женщин от участия в политической жизни; ограничения женщин в сфере владения имуществом.

- для индустриального периода с патерналистским типом государственной политики характерны признание равенства прав для мужчин и женщин во всех сферах общественной жизни; вовлечение женщин в общественное производство; создание системы общественного воспитания детей; создание системы семейных льгот и пособий, закрепленных исключительно за женщинами; установление квот для женщин как отдельной категории для продвижения в политической системе.

- для индустриального периода с либеральным типом госу-

дарственной политики характерны интеграция женщин в полную занятость на оплачиваемой работе; отстраненность женщин от участия в высших эшелонах государственной и политической власти; признание функции воспитания и ухода за детьми функцией семьи; слабое участие государства в поддержке репродуктивной функции женщины.

- для постиндустриального периода с эгалитарным типом государственной политики характерны равный доступ женщин и мужчин к производительным ресурсам и источникам получения дохода, включая управление государством; распространение государственных льгот, связанных с уходом за детьми, на обоих родителей; нивелирование действия гендерных стереотипов в экономике семьи и общества; одинаковая отдача на человеческий капитал у мужчин и женщин; гендерная экспертиза нормативно-правовых программно-целевых документов и управленческих решений.

Исходя из вышесказанного, возникает вопрос: Почему изменение системы формальных правил, приведенное нами, не повлекло за собой аналогичного изменения в системе неформальных правил? Для ответа на него необходимо напомнить возможные виды соотношений формальных и неформальных ограничений между собой. Вслед за Д. Нортом принято выделять две формы.

Первая – «формальные правила могут дополнять неформальные ограничения и тем самым повышать их эффективность».⁷ В этом случае возможны два варианта взаимодействия: 1) формальные правила и неформальные ограничения могут находиться в гармонии друг с другом, т. е. трудно провести границу между формальными и неформальными механизмами принуждения; 2) формальные правила и неформальные нормы поведения могут принуждать экономических агентов к разным видам поведения, при этом они совместимы между собой и служат достижению одной социальной цели.

Вторая – «формальные правила могут вводиться для того, чтобы модифицировать, пересмотреть или изменить неформальные ограничения».⁸ Данная форма взаимодействия, кроме перечисленных выше, также предполагает два варианта соотношений: 1) формальные и неформальные правила могут быть не согласованы друг с другом, т. е. они сущест-

вуют как независимые друг от друга системы общественного контроля, любые попытки усовершенствовать формальное правило приведут к ненужной растрате ресурсов; 2) формальные правила могут противоречить неформальным, находясь с ними в конфликте, тогда неформальные правила будут подталкивать людей к сопротивлению правилам формальным. Подобное состояние конфликта между различными группами правил наиболее отрицательно сказывается на развитии экономики, поскольку в этом случае значительно возрастают издержки контроля и принуждения к исполнению формальных правил.

Если дать гендерную интерпретацию обозначенным выше формам соотношения формальных и неформальных правил, образующих институциональную среду гендерной власти, то только на этапе доиндустриальной экономики данные правила находились в гармонии, усиливая друг друга, и соответствовали институциональным условиям функционирования экономики доиндустриального типа. Следовательно, такое взаимодействие способствовало эффективному функционированию всей экономической системы.

Начиная с индустриальной экономической системы, формальные и неформальные правила перестали соответствовать друг другу. На этапе строительства социализма формальные и неформальные правила стали принуждать женщин и мужчин к разным видам поведения. Так системой формальных правил было закреплено равноправие мужчин и женщин в реализации их трудовых функций, так как государство нуждалось в увеличении «армии работников».

При этом сущностные характеристики системы неформальных правил остались неизменными, продолжая перманентно воспроизводить вторичное положение женщины в экономике семьи и общества. Это было возможно в результате того, что в институциональном проектировании советского варианта равноправия мужчин и женщин отсутствовало санкционирование гендерной власти. В результате за видимым равноправием, регламентируемым системой формальных правил, были сохранены все формы гендерной власти и санкции за их невыполнение, закрепленные и поддерживаемые системой неформальных правил. Данное внутреннее противоречие институциональной среды гендерной власти

было спроецировано и на современный период развития нашей страны.

Напомним, что с переходом нашей страны к рыночной экономике система формальных правил начала формироваться с учетом международного законодательства, которое было ратифицировано нашей страной. В соответствии с ним в России необходимо было создать институциональные условия, обеспечивающие равные возможности мужчинам и женщинам в реализации их потенциалов, а значит, фактически нивелирующие возможность установления диспозиции гендерной власти.

В этой связи нашей страной были ратифицированы все Конвенции ООН, регламентирующие данную область правоотношений, началась модификация нормативно-правовых документов, обеспечивающих потенциальную возможность нивелирования гендерной власти. Однако, институциональная ловушка, сформированная на предшествующих этапах развития институциональной среды гендерной власти общества, и приобретение новых при институциональном проектировании ее адекватно требованиям международного законодательства привело к тому, что институциональный конфликт между системой формальных и неформальных правил ее составляющих только усугубился. Этому способствовало, во-первых, то, что закрепленные в национальном законодательстве формальные правила не охватили всего правового поля гендерного взаимодействия экономических агентов; во-вторых, нарушение содержащихся норм формальных правил сопровождается обязательным применением в отношении субъектов соответствующих санкций только в случае проявления гендерной власти, основанной на насилии.

Причем, имеется в виду только насилие, совершенное с применением физической силы. Следовательно, институциональный механизм, предусматривающий санкции за проявление различных видов гендерной власти, основанной на обмене, отсутствует. Поэтому нет необходимости и в создании специализированных структур, контролирующих их выполнение. В результате формальные нормы, направленные на нивелирование гендерной власти в нашей стране не действуют. Поэтому большинство населения продолжает

следовать неформальным нормам, закрепляющим подчиненное положение женщин в экономике семьи и общества. Механизм лоббирования⁹ новых стандартов гендерного поведения, когда общество может выбирать между альтернативными вариантами норм поведения, в данном случае не действует, т. к. большинство женщин и мужчин продолжают считать действующие неформальные нормы лучшими, а число тех, кто хотел бы их изменить пока немногочисленно.

Кроме того, перманентное воспроизводство данного институционального противоречия обусловлено также и тем, что в настоящее время, как отмечалось нами ранее, гендерная власть рассредоточена между несколькими субъектами: мужчинами, организациями, государством и самими женщинами (в части внутренней власти). Следовательно, каждый из них может формировать собственную систему ограничений для объекта власти в отведенной области регулирования властных отношений, извлекая при этом ренту власти. Ее размер будет зависеть от властного потенциала субъекта власти, который определяется размером и значимостью ресурсов, которыми он обладает. В соответствии с этим обозначаются границы власти данного субъекта над данным ее объектом. При этом разные субъекты власти находятся между собой в отношениях доминирования, которые создают иерархию гендерной власти, в рамках которой один и тот же экономический агент может выступать в одном властном отношении как объект власти, а в другом – как ее субъект.

Таким образом, можно сказать, что в совокупности они образуют иерархизированную систему институтов гендерной власти, изучение которой позволит расширить представление о значимости институциональных факторов перманентного воспроизводства гендерной власти. Однако это станет предметом нашего дальнейшего исследования.

¹ Подробнее об этом см.: *Базуева Е. В.* Методологические подходы к исследованию категории власти в гендерной экономике // Актуальные проблемы современной гендерологии. Выпуск 4. Материалы 54 ежегодной научно-методической конференции «Университетская наука – региону». Москва – Ставрополь, 2009. С. 15–25.

² Заметим, что в качестве субъекта гендерной власти в современной

экономике выступают не только мужчины, но также государство, предприятия и группы людей. При этом если вводить такую ее разновидность как внутренняя власть, то на этом уровне субъектом власти также становятся и сами женщины.

³ Дементьев В. В. Экономика как система власти // Министерство образования и науки Украины. Донецкий национальный технический университет. Донецк, 2003. С. 165.

⁴ Мальшиев Ю. А. Теория, методология и практика исследования институциональных отношений в территориальных сообществах. Екатеринбург, 2005. С. 139.

⁵ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. С. 68.

⁶ Составлено по: Гендерные аспекты политической социологии: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М., 2004, С. 79–107; Российский гендерный порядок: социологический подход: Коллективная монография. СПб., 2007.

⁷ Норт Д. Указ. соч. С. 67.

⁸ Там же.

⁹ Термин введен Полтеровичем В. М. См.: Полтерович В. М. Элементы теории реформ. М., 2007., С. 75.

М.С. Уваров

Гендерная игротека отечественного спорта

«О, спорт, ты – мир!». Знаменитый тезис основателя олимпийского движения Пьера де Кубертена стал лозунгом не только мира, существующего без войны, но и мира как символа наивного глобализма. Возрождение олимпийского движения в конце XIX века олицетворяло воссоздание ситуации земного мира без войны. Эти утопические надежды были перечеркнуты XX веком, когда Олимпиада то и дело уступала место либо войне, либо бойкоту по идеологическим принципам, в основе которого опять же была война.

Своеобразные принципы отношения к спорту прорастали и в традициях, первоначально мало связанных с утопическим олимпизмом, но в конечном итоге приводивших национальный спорт к олимпийскому движению. Один из наиболее характерных примеров здесь – эволюция отношения к спорту в нашей стране. В течение почти 100 лет послереволюционного развития это отношение неоднократно трансформировалось, но за каждой трансформацией прослеживались вполне

объективные причины идеологического, общекультурного, повседневного и иного порядка.

К революционным годам Россия подошла в качестве государства, постепенно вливающегося в общемировое олимпийское движение. Все происходило достаточно спонтанно, поскольку еще не существовало строгой системы международных спортивных организаций. Мировой спорт переживал стадию «младенчества», искреннего любительства. Легендарная золотая медаль фигуриста Панина-Коломенкина, завоеванная на летней Олимпиаде начала века, в дальнейшем стала парадоксальным символом и зарождения, и крушения идеи вхождения России в олимпийскую семью. На этом этапе идеологию олимпизма на отечественной почве олицетворяют исключительно мужчины: русский женский спорт не стал частью олимпийского движения.

В России начала XX века были выдающиеся мужчины-спортсмены. Особенно это касается интеллектуальных (шахматы, шашки), силовых (борьба) и технических (авиация) видов спорта. Такая ситуация вполне адекватно демонстрировала три составляющие прорыва в будущее, которыми наша страна могла гордиться и благодаря которым – из глубин национальной повседневности – могла смело смотреть в лицо западной цивилизации. Спортивная мощь, интеллект и техническая независимость – все это косвенно свидетельствовало о темпах развития новых капиталистических отношений, свидетельствовало в пользу России. Экзотический «силач Бамбула», приходящий ко многим из нас из детских воспоминаний, на самом деле был реальным спортсменом – соперником легендарных русских борцов Заикина и Поддубного на борцовском ковре. Но куда ему до наших чудо-богатырей! Не случайно, что русская авиация постоянно пользовалась символами-именованиями, идущими из былинно-спортивной традиции (Илья Муромец, Микула Селянинович, Богатырь – так назывались первые русские самолеты).

Ситуация в мировом спорте конца XIX и первых десятилетий XX века почти полностью повторяла ситуацию общекультурную. Так, например, развитие шахматного искусства (от В. Стейница, П. Морфи и А. Маршалла до А. Алехина, Х. Капабланки и М. Ботвинника) в ускоренном темпе воспроизводило историю мировой культуры. Шахматы в своем

развитии (с момента начала розыгрыша первенства мира в XIX в.) миновали этапы эллинско-возрожденческой классичности, барокко и романтизма, а в лице «гиперреалистов» (уже в тридцатые годы, наиболее типичный пример здесь – З. Тарраш) стали предтечей постмодернистских веяний в искусстве и спорте. Например, в тех же шахматах путь от «модернистского» гения А. Алехина и М. Таля до почти компьютерного/постмодернистского «супергения» Г. Каспарова был пройден за три-четыре десятилетия. Затем (примерно в начале нынешнего века) наступил существенный кризис, связанный с реальным вторжением компьютерных технологий в шахматы. Серьезная шахматная программа сегодня легко обыгрывает чемпиона мира «среди людей» и является необходимым элементом домашней подготовки профессионального шахматиста. На первый план выходят гроссмейстеры, умеющие выстроить свое шахматное мышление как аналог компьютерного. В частности, игра на использование мелких погрешностей соперника в затянувшемся эндшпиле, совершенно не понятная рядовому шахматисту, становится символом высшего шахматного мастерства. Как итог – потеря интереса к шахматам как уникальному виду интеллектуального единоборства. Важно отметить, что при относительно бурном развитии женских шахмат в 70 – 90 гг. XX столетия, когда и у нас, и за рубежом появилось несколько шахматисток, играющих в силу сильного гроссмейстера-мужчины (М. Чибурданидзе, Ю. Полгар и др.) «компьютерный кризис» не позволил развиваться этим успехам в дальнейшем. С точки зрения шахматной психологии речь, по-видимому, может идти о спонтанном «протесте» лучшей половины человечества против утери спортивными шахматами интуитивно-творческого начала.

Но вернемся к послереволюционным десятилетиям. Первые послереволюционные годы в России характеризовались двумя тенденциями. Во-первых, это вполне объяснимый интерес к массовой физкультуре (как антиподу «буржуазного спорта»). Выдающиеся достижения отечественной легкой атлетики родом из этого времени. Во-вторых, культивирование шахмат в качестве игры, воплотившей в себе высокий интелектуализм нового строя. Шахматы синтезировали в себе то, что первый советский чемпион мира Михаил Ботвинник

впоследствии теоретически обосновал в качестве союза спорта, искусства и науки. Совсем не случайно шахматы стали тем видом спортивных единоборств, который особенно пестовался первичной советской идеологией. Шахматы были слепком разнородных тенденций в культуре, что в наибольшей степени подходило для оправдания революционных тенденций в идеологии и повседневной жизни.

Физическая культура как массовое движение воплощала идею народного героизма, самоотречения; шахматы, борьба и бокс – личного героизма в революционной борьбе. Обе тенденции (культивирование индивидуальных видов спорта и массовой физической культуры) означивали одну и ту же парадигму, а именно культ героического энтузиазма. Известные литературные сюжеты у И. Ильфа и Е. Петрова, а также у В. В. Набокова на тему шахмат, немой фильм В. Пудовкина и Н. Шпиковского «Шахматная горячка (1925 г.) были лишь художественным выражением массового спортивного энтузиазма. Тем не менее, именно массовая физическая культура и вполне профессиональные индивидуальные виды единоборств, включая шахматы, в конечном счете, стали той базой, на которой сформировались будущие выдающиеся достижения советского спорта.

На фоне массового физкультурного движения оформился первый из народных видов спорта – футбол, на долгие десятилетия, вплоть до наших дней, ставший «безымянной» звездой массового сознания (и не только спортивного) по степени недостижимости идеального успеха. Возникнув из тех же идеологических истоков (*«эй, вратарь, готовься к бою: часовым ты поставлен у ворот...»*), футбол объединял в себе идеи массового физкультурного движения с интеллектуализмом коллективного достижения простейшей цели (в противовес шахматному индивидуализму: гол против мата).

Футбольная команда, защищающая рубежи Родины, стала, кроме того, и символом революционного единения (вспомним легендарные матчи советских футболистов против сборной команды басков). Символизация футбольной мечты в годы Великой Отечественной войны превратилась в мощную легенду. Знаменитый матч в блокадном Ленинграде и легендарный расстрел киевского «Динамо» в Бабьем Яру после победы над гитлеровской футбольной командой – это особые

категории мифологизированной советской ментальности. В 40-е годы победное турне московского «Динамо» по футбольным полям Великобритании выражало торжество советского духа в тяжелых условиях послевоенного восстановления. Трансформация футбольной идеи в дальнейших десятилетиях советской истории была весьма поучительной. Через победы и поражения не только спортивного характера – вплоть до серьезного обсуждения вопроса о том, может ли футбол быть интегративной национальной идеей (конец 90-х годов), а также до безусловной уверенности в победе на чемпионате мира 2018 года в России.

Лучшие страницы советского футбола связаны с тем, что высокая техническая подготовка футболистов базировалась на недостижимом для большинства европейских команд уровне физической подготовки (это было следствием развития массовой физической культуры). Как только преимущество массовости и физического превосходства из нашего футбола ушли в прошлое, его уровень быстро упал. В целом, можно достаточно точно проследить основные этапы взлетов и падений футбольного искусства в СССР (России) в зависимости от конкретных социально-политических условий.

Следующий этап становления спорта высших достижений связан с культом ледовых арен. Помимо общенационального преклонения перед искусством выдающихся советских хоккеистов, подаривших поистине уникальный спортивно-творческий результат в поколении Рагулина – Фирсова – Харламова – Мальцева, речь идет также о конькобежном спорте и фигурном катании. «Зимнее прозрение» соответствовало и отечественной ментальности, и образу «русского медведя» в сознании инакомов. При всех различиях между ледовыми видами спорта их объединяла все та же интегративная идея единения силы и искусства. Фигурное катание, в частности, реализовало подсознательную мечту советского человека о том, что не только классический балет подвластен русским, но и кое-что еще. Что касается хоккея и коньков, то реализация реактивных скоростей и полетности, характерных для этих видов спорта, как нельзя лучше дополняли национальную идею покорения Вселенной первопроходцами космоса.

В послевоенный период по-настоящему заявляет о себе и женский спорт. Первые послевоенные Олимпиады характе-

ризуются выдающимися достижениями наших женщин-легкоатлетов, гребцов, гимнасток. Идеал вечной «советской женственности», до сей поры проявлявшийся только в массовых спортивных парадах и художественных символах (в частности, в замечательных картинах А. Н. Самохвалова и А. А. Дейнеки 1920–30 гг., а также парковых скульптурных композициях) теперь реализуется на практике – в качестве реальных спортивных побед.

Особую роль в этом смысле выполняла женская гимнастика. Упомянутый идеал «вечной женственности», столь близкий национальному духу, в концентрированном виде реализовался в достижениях нескольких поколений советских гимнасток. Квинтэссенцией этого процесса была знаменитая история с выбором Натальи Кучинской «невестой Мехико» во время очень непростой для советских спортсменов летних Олимпийских игр 1968 г. Постепенная девальвация идеи женского начала в спортивной гимнастике, имевшая место в 1980–1990 гг., когда культ искусства и женской красоты уступал место технической «подростковой» сложности, приводил к частичной потере интереса к этому олимпийскому виду спорта. Вместе с тем сохранению идеи «вечной женственности» способствовали наши не менее выдающиеся достижения в художественной гимнастике.

Лыжный спорт (в большей степени женский) воплощал другую идею, идущую с незабвенных 20–30 годов. Выносливость в сочетании с мастерством всегда были условием возвышения советской женщины – будь то тракторная бригада Паши Ангелиной или же работающая за двадцатерых ткачиха-ударница. Редкие появления в этом виде спорта иконических ликов лыжниц-красавиц, нарушающих привычный стереотип (например, Юлия Чепалова, ставшая фотомodelью для нескольких журналов), представляя собой исключение из правил, лишь подтверждали давнюю тягу к синтезу спортивной мощи, высокого искусства и идеала красоты.

Но и здесь нас подстерегало разочарование. И Юлия Чепалова, и многие другие наши лыжницы были уличены в применении допинга, запрещенного в любительском спорте, и одна за другой вынуждены были уходить из большого спорта.

Компенсаторную функцию в начале XXI в. в какой-то степени выполнили женский теннис и легкая атлетика, выдвинувшие не только ряд выдающихся спортсменов, но и новых героинь фотомодельного бизнеса. Показательно, что сочетание общекомандных побед наших теннисисток с не самыми высокими индивидуальными достижениями, всегда компенсировалось красотой, физической мощью и непосредственностью спортсменок (А. Курникова, М. Шарапова и др.). Рубеж XX–XXI вв. дает новые координаты в соединении спорта высших достижений, физической красоты и финального успеха (не обязательно спортивного). Элегантный, модный и дорогой спортивный костюм окончательно становится частью имиджа спортсменки, и это касается практически всех видов спорта. Сексуальность не просто приветствуется, но становится одной из значимых частей спортивного бизнеса.

Вместе тем на фоне значительных неудач российских спортсменов-мужчин женский спорт постепенно занимает те лидирующие позиции, которые были характерны для него в советские времена, вновь напоминая нам о «вечной женственности».

Давно ожидаемый и настигнувший в последние годы российский спорт кризис свидетельствовал о том, что на уровне государственной политики необходимо было переосмыслить основания его развития. Речь шла не просто о заимствовании какой-то уже известной парадигмы, но о выработке принципиально новой стратегии спортивного движения, включающей в себя символическое означивание повседневного опыта. Достижения советского периода, отражавшие генеральные этапы становления советской политики и идеологии, вряд ли могут повториться. Возрождение отечественного спорта, возможно, произойдет на базе нового синтеза высокого интеллектуализма, спортивной мощи, разумного спортивного бизнеса и повседневных ценностей. Вместе с тем, трудно освободиться от мысли о том, что культивирование и возвышение тех или иных видов спорта будет самым непосредственным образом связано не только с идеологией, но и с этапами становления гендерной игротехи постсоветской ментальности.

**Нарциссическая андрогиния современной культуры
и рождение новых форм «женского»**

Каково же лицо нарциссизма в наше время, которое мы видим уже не в отражении водной глади потока реки Дона-кон, где, по свидетельству Павсания, на тростниковом ложе Нарцисс увидел свою сестру или, по Овидию – себя самого. Сегодняшние отражения человеческой субъективности в зеркале мира – это продукты цивилизации, мы можем видеть их глобальные черты в культуре, в обществе, дополняя картину штрихами, полученными из выводов, сделанных в процессе теоретических осмыслений и анализа историй, рассказанных людьми, в том числе и в процессе глубинного их познания – психотерапии. Это не прикладные аспекты концепции нарциссизма – это еще один важный и необходимый источник понимания процессов, идущих в ментальности современного человека. «Когда говорят о человеке, то вместе с ним имеют в виду всю сумму его культурного опыта», – писал Д. Винникотт.¹ Давно и всем известно, что все течет и все меняется. Каждому времени характерна своя специфичность как нормальных, так и патологических проявлений человеческой души. Теории, которые создаются и применяются, есть также продукт своего времени. В соответствии с этим можно сделать вывод об изменяющихся проявлениях нарциссизма в личности человека: как количественных, так и качественных. Эти трансформации ярко и выпукло проявлены в современной культуре и у них есть свои отличительные черты, обусловленные сегодняшним днем в эволюции культуры.

Неоспорим факт, что искусство всегда обозначает ведущие и передовые направления в новых приобретениях Homo sapiens, отвечая на вопрос: «Куда же мы идем?». Так же оно отражает и тенденции в виртуальном психическом человечества, по которым, если быть внимательным толкователем или интерпретатором, можно определить, что же происходит в этой «Вселенной».

Осенью прошлого года (2009) в Москве проходила Третья Московская Биеннале Современного искусства под символическим названием «Против исключения». Там были собраны шедевры современных мастеров живописного жанра со все-

го мира. Объекты, представленные как экспонаты выставки, тщательно отобраны международными экспертами, специалистами в области современного искусства как лучшие из лучших, что может предложить современное человечество в форме авангарда в искусстве. Эти произведения современного искусства, представленные на выставке, заставляют нас остановиться в удивлении и глубоко задуматься, что же происходит с внутренним содержанием нынешней личности. Что происходит с «человеческим» внутри человека?

Прежде всего стоит отметить, что шедевры искусства нашего времени оставляют странное послевкусие, стагнируя эмоции, заставляя человека еще некоторое время после просмотра пребывать в шоке. Можно попытаться ответить себе на важный вопрос: «Почему я так себя чувствую, что собственно на меня так воздействует?»

В свое время Александр Дольский пел под гитару известную лирическую бардовскую песню и в ней была такая строчка: «Разделились безвозвратно мы на женщин и мужчин...». Сегодня, посмотрев современные произведения искусства – полотна, инсталляции, скульптуры и фотографии, становится предельно очевидно, что человечество стремительно избавляется от половой дихотомии, оно больше не делится на женщин и мужчин. Нарушается основополагающий принцип образования человеческой идентичности, явно видна намечающаяся катастрофа в ее ядерной части. Сейчас уже никого этим не удивишь, вполне нормальным считается факт размытости границ между мужским и женским. Имеющийся в виду «третий пол» как категория унисекс, не является ли он реализацией нарциссической мечты об андрогинии, о возможности иметь неограниченные сверхчеловеческие потенции? Омnipотентность, обретенную через сексуальность, – иметь оба удовольствия, и мужское, и женское, будучи в одном теле, что мифологически было позволено лишь богам? Нарциссическую андрогинию как степень нынешнего повреждения человеческой идентичности можно попытаться оценить по усиленной тенденции к разрушению бисексуальности человеческой природы, объединяющей в себе мужское и женское в его дихотомии и диалектическом взаимодействии, с определенным доминированием одного начала в личности человека, предначертанного телесной детерминантой.

Возможно ситуация с половым вопросом еще более сложная, и здесь можно отметить некоторые переключки с идеями Ж. Делеза и Ф. Гваттарри о людях как о желающих машинах. «Микроскопическая транссексуальность, благодаря которой в каждой женщине столько же мужчин, сколько в мужчине, а в мужчине столько же женщин, способных проникать друг в друга, связываться друг с другом, вступать в отношения производства желаний, которые переворачивают статистический порядок полов».² Такие личности, выступающие как желающие машины обладают нечеловеческим полом, который нельзя представить как один или два, по мнению Ж. Делеза и Ф. Гваттарри – это объединенное множество полов – «n полов»: «каждому по собственному многообразию полов».³ Так достигается аннигиляция чувствования человека принадлежащим к определенному полу (мужскому или женскому) в процессе дефрагментации половой идентичности.

В связи с этими «острыми» проблемами, стоящими перед всем человеческим сообществом в целом и перед отечественным – в частности, необходимо осмыслить происходящее с человеческой сексуальностью и в отношении женской идентичности. Поэтому в дальнейшем речь пойдет о специфических женских образах, которые «вызрели» в недрах культуры нашего общества, о некоторых аспектах глубинного психического устройства молодых женщин нашего времени, об определенной специфике женской идентичности, о психическом здоровье молодых девушек в возрастной категории от 20 до 30 лет, сдвигающемся все более в сторону специфической «патологии», которая в настоящий момент уже все более выглядит как норма жизни и не вызывает особо острого резонанса в обществе, как, к примеру, проблемы зависимостей – интернет, алкоголь, наркотики. Но несмотря на низкоамплитудные, мягкие и синтонные формы своего проявления, последствия этих изменений могут быть не менее глобальными, опасными и деструктивными в плане их реализации, а также следствий, которые они вызовут в результате своего действия в социальном устройстве вообще и в семейном в частности. Молодые женщины, которые стали объектом и предметом для рассмотрения проблематики, непосредственно влияющей на гендерный баланс в отношениях мужчина – женщина, а следовательно и на специфику устройства семьи

и климата в ней – фактически это как раз те люди, кто будет участвовать в устройстве нашего общества в недалеком будущем, определять законы и правила его существования, исходя из заложенных уже сегодня в их психическом социумных тенденций.

Самыми «острыми» наметившимися тенденциями трансформаций женской идентичности в отношении вышеуказанной проблематики нужно отметить все более возрастающую нарциссизацию женской идентичности, сдвиг в сторону мужских идентичностей и обострение внутриспсихических конфликтов «мать – дочь». Все три составляющих являются прямым следствием изменения положения и статуса женщины в обществе и работают в прямо противоположном направлении, относительно реализации ее женского предназначения: материнства, роли сексуального партнера мужчины – жены в семейном устройстве – и домохозяйства. Данные изменения в женской репрезентации нашли свое знаковое отражение (и легко узнаваемы) в области современного отечественного искусства: живописи, литературе, кино.

Произошедшие, достаточно быстрые (если учесть весь исторический период существования «женского» по определенным, установленным мужчинами законам в сообществе) изменения, являющиеся следствием роста и борьбы феминистического движения за равноправие женщин, приведшие в сторону глобального улучшения социального положения женщин в обществе, имеют свои негативные последствия. К сожалению, этот реверс в пылу и радости достигнутого, о котором так долго мечталось и который так дорого дался, не в сфере учета и внимания. Однако в настоящее время именно он становится во главе угла отмечающегося кризиса женской идентичности в западной культуре, «стирающего» «патриархальную» женственность с лица Земли и приводящего к возникновению «третьего пола» – «ни женщина ни мужчина» или «и женщина и мужчина» – нарциссического андрогина.

Основной нарциссический вектор трансформации женской идентичности можно обозначить вектором развития фактора перверсности⁴ современной женской идентичности. Определяющим перверсность «женского» наших дней является отношение современной женщины к реальности различия

между полами. Женская идентичность кристаллизует в себе и формирует вокруг себя в социальных отношениях перверсивный мир, в котором реальность гендерных отношений искажается, а также женщина сама по себе и для себя самой репрезентируется ложным образом. Эти искривленные образы женственности, порождаемые специфическими структурами женской идентичности, допускают существование противоречащих друг другу реальностей: я и мужчина, я и женщина. Поэтому в бисексуальном поле женской идентичности одновременно существуют и мужские, и женские идентификации в равной степени актуализации, расщепляя ее идентичность надвое и образуя конгломерат психической андрогении.⁵ В результате трудно понять, кто же она на самом деле?

Андрогеническое «женское» образует странные коллизии, укорененные в глубинных отношениях между женскими и мужскими частями идентичности, и существует в двух своих наиболее ярко проявленных во внешнем взаимодействии ипостасях: «женское» как оболочка мужского и «женское» как функционал⁶ «мужского».

В первом случае, где для обозначения женской идентичности употреблена метафора телесной женской оболочки для мужчины, стоит вспомнить идеи Люси Иригарей,⁷ рассматривающей в философском дискурсе проблему гендерного различия через призму «женского» как статуса оболочки мужского в отношениях мужчины и женщины. Одетый в тело женщины внутренний психический «мужчина» есть продолжение или следствие гендерных взаимодействий, отмеченных Л. Иригарей между мужчиной и женщиной, – во внутреннее поле женской идентичности. «Психический мужчина» внутри женщины очень недоволен и раздражен положением вещей, он не поддерживает «женское», отрицает его, ненавидит или не любит «свое» женское тело и его проявления. Женское в данном случае становится заложником или тюремным заключенным, запертым на бессрочное время в своей реализации и актуализации. Произошедшее поглощение женского мужским заставляет чувствовать женщину сознательно или бессознательно саму себя как мужчину (даже если она не готова признаться себе в этом, окружающим хорошо заметен определенный характерный стиль ее жизни) и соответствующим образом вести себя в социуме. Только

спустя определенное время терапевтической работы приходит некоторое осознание женщиной происходящего, и она может артикулировать свои протестные жизненные кредо: «Детей не хочу», «Я не знаю, кто я мальчик или девочка, я просто часто чувствую себя как маленький ребенок», «Почему я должна убираться в своем доме? Кто сказал, что это дело женщин?» Чаще всего такая женщина (не психически больная, отметим, здоровая по всем параметрам и вполне успешная с точки зрения социумных критериев) не строит совсем отношения с мужчиной в направлении семьи и брака или, найдя себе «подходящего» мужчину, живет рядом с ним в параллельных мирах, соприкасаясь по вопросам быта и получения удовольствий – альянс «нам вместе жить-то удобней». Мужчина рядом с такой женщиной играет роль ребенка, функционально заполняя пустоту того факта, что женщина не хочет себе позволить материнство.

Во втором варианте женщина выглядит как женщина, ухаживает за собой, имеет сексуально-привлекательный женский вид, но главное в ее жизни – работа, карьера. Такое «женское» стоит на службе чисто мужских социальных функций: привлекательность, красота, обаяние ее женственности – инструменты и атрибуты карьерного роста. Чтобы продвинуть свои осознанные желания, стремления, потребности власти, денег, славы женщина использует женские идентификации и качества в силу необходимости – как защитный нарциссический кожух или скафандр.⁸ Здесь женская сексуальность не на службе удовольствия, а способ сделать карьеру, расплатиться с мужчиной за его поддержку и помощь в продвижении. И это не вопрос моральной оценки и тем паче осуждения ее стиля жизни, просто многое из того, что могло бы ей как женщине принести счастье, остается за бортом лодки ее жизни. Дети, собственно, тоже не являются ее целью и смыслом жизни – так надо, чтобы женщина была как все, чтобы не выбивалась из строя, «быть нормальной, сопоставимой с общепринятыми стандартами очень важно для успешной карьеры и как наличие составляющих благосостояния, в ряду квартиры, дачи и машины. Современная мода «на пятеро детей» совсем не обеспечена чадолубием. Она ненавидит или пренебрегает женскими функциями в семье и доме, вся ее жизнь проходит на работе, по этой причине ее дом неуютен и запущен, в холодильнике «мышь повесилась» в

обнимку с бутылкой пива. Ей трудно найти мужчину, чаще всего она инициирует сама встречи с мужчиной «для секса». Если все же она организует семью (сама), отношения, которые женщина строит с мужчиной, носят характер комменсальной⁹ связи (она прикреплена и пользуется им в силу своей необходимости) – в отношениях с ней мужчина вместо нее играет ее женскую роль и выполняет чисто женские функции, за ним закрепляется удовлетворение ее сексуального желания, уход за домом и детьми. Но чаще всего женщина живет одна, воспитывая ребенка, с меняющимися «папами» или приходящими «на одну ночь» мужьями. Такие женщины имеют серьезные проблемы с проявлениями женственности (нежности, ласки, душевной теплоты, заботы, поддержки и т. д.). Трудности в сексуальной жизни часто приводят к повышенной раздражительности и спонтанно проявляемой агрессивности, что отражается на мужчине и воспитываемых ей детях, и, конечно же, в других социумных контекстах: на работе, в других человеческих коммуникациях. Такое «женское» выполняет защитные функции, находясь на бессрочной «службе» или в «аренде» у внутренней мужской части в поле женской идентичности.

Современная женственность, отраженная в зеркале гламурной индустрии СМИ, может быть определена следующими основными критериями: манифестирующая промискуитетная фактически активная по-мужски сексуальность, не направленная на организацию семьи и реализацию женского желания иметь детей, а лишь как погоня за сверхудовольствием и коллекционированием побед; сверхкоммуникабельность, но не построение длительных связей и глубоких отношений любви и привязанности; молодость всегда, даже если тебе уже под сто лет; красота в соответствии с канонами, противоречащими и мешающими природной предопределенности женщины (женщина с телом угловатой и очень худой девочки-подростка с фальшивыми силиконовыми женскими формами, которая вряд ли в состоянии иметь месячные, а значит – зачать, выносить и выкормить ребенка в силу своей аноректичности и недозрелости).

Взгляды на современное состояние проблемы и обобщения, приведенные выше, сделаны на объемном практическом материале моей непосредственной психоаналитической клинической работы и психологического консультирования, соб-

ранном на протяжении более чем пяти лет. Мои выводы подтверждаются также данными моих коллег – психотерапевтов и психологов-консультантов, полученными в процессе супервизионной программы Русского психоаналитического общества 2005–2010 годов. Кроме того, для анализа использованы материалы из практики преподавательской деятельности – проведения практикума по клинической психологии со студентами-психологами Национального института имени Екатерины Великой и непосредственных наблюдений за сферой окружающей жизни.

Возможно, я немного сгустила краски для наглядности представления происходящего за счет использования эмоционально окрашенных метафор, но в целом картина достаточно типичная, которую наблюдают психоаналитически ориентированные терапевты в своих кабинетах. Сегодня это еще не катастрофа, и обычным глазом обывателя проблема не сильно видна, поэтому и не тревожит душу, но профессионалы видят это и предупреждают: «А что будет с обществом завтра, а так же с семьями и детьми, если женщины не захотят рожать и будут стремиться жить одни?»

¹ Винникотт Д. Игра и реальность. М., 2002, С. 178.

² Делёз Ж., Гваттарри Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург, 2008. С. 465.

³ Там же.

⁴ Здесь перверсия употребляется не в сексологическом значении извращения, как принято понимать ее в нашем отечественном научном дискурсе. Большинство зарубежных словарей (разных областей знания) толкует ее в более широком контексте искаженного мышления, понимаемое как отклонение от правильного, от истинного восприятия и осмысления реальности (в данном случае реальности различия полов).

⁵ См. легенду Платона о шарообразных людях.

⁶ Функционал – это функция от функций (мат. термин).

⁷ Иригарей Л. Этика полового различия. М., 2004.

⁸ Понятие нарциссической брони как защитного образования личности введено В. Райхом

⁹ Комменсализм (от лат. *con mensa* – буквально «у стола», «за одним столом») – разновидность симбиоза, при которой наблюдаются определенные взаимоотношения между индивидами или группами разных видов, которые сосуществуют без конфликтов и без взаимопомощи (биолог. термин).

**Трансгендерное общество: воспроизводство
гендерной идентичности в массовой культуре**

Вопрос о гендерной идентичности – это вопрос, строго говоря, принадлежности к одной из двух полярностей – маскулинной или феминной. Эти два комплекса поведенческих, психических и биологических особенностей всегда находили яркое отражение в массовой культуре: в кино и на телевидении. Женские и мужские образы и характеры, большим потоком сливаемые с экранов, насаждают зрителю стереотипное мышление в категориях он – она. Этот процесс однозначно двусторонний, однако нельзя отрицать, что продукты массовой культуры всегда были согласованы с официальной идеологией. Массовая культура – культура большинства – является носителем тех нормативов, в рамках которых индивид должен и может осуществлять свою гендерную идентификацию. Культура XX в. внесла свои коррективы в понимание феномена гендерной идентичности. Этот процесс разворачивался сначала на Западе, а затем и в России. Как будет продемонстрировано ниже, имея сходные предпосылки, но разные условия, Россия и Западный мир в XXI в. оказались на разных уровнях понимания и усвоения новейших гендерных концептов.

На острие гендерной проблематики на Западе уже давно не стоит вопрос о бинарной дихотомии пола. Обратив взгляд к истории вопроса, мы можем вспомнить, что «гендерная проблема» (не сам «гендер» как понятие социального измерения пола) появилась в связи с назреванием идей феминизма на Западе, когда женщина начала отстаивать свои права иметь эти самые права наравне с мужчиной. Но на тот момент общество, которое позже будет определено как фаллоцентристское или патриархатное, никак не хотело признавать в женщине «человека». Эта проблема была весьма актуальна для феминистской идеологии на протяжении нескольких столетий. Такова была ситуация на Западе, тогда как в России эмансипация женщины шла более сглаженным путем, так как русская женщина (на соответствующей ступени социальной лестницы) имела гораздо больше возможностей реализовать себя в социуме.

К XX в. женщина как социальная единица приобрела заслуженные бонусы: возможность образования, избирательные права, достойный социальный пакет. Феминизм также сменил направление своего теоретизирования. Гендерная проблематика на Западе существенно расширила свое поле и имеет и сейчас довольно «пеструю» структуру. Западные страны, а в большей степени США, с их мультикультурным наполнением и присущим космополитизмом породили большой пласт дискурсивных практик. Таким образом, в постфеминизме, выступающем против любой унификации в рассмотрении природы пола и гендера, выявляется неоднозначность таких категорий как «мужчина» и «женщина» и их расщепление на проблемы белых мужчин и черных мужчин, белых мужчин и белых женщин, белых женщин и черных женщин, черных женщин и черных мужчин. На каждом из этих культурных срезов существует свое конфликтное поле реализации гендерных стереотипов. Это специфически западная модель феминизма.

Отголоски западных идей и лозунгов всегда неизменно находили свое место и отражение в русской философской мысли, пройдя путь феминизма первой и второй волны, постструктурализма и киберфеминизма. Так, когда в 60-е гг. на Западе сексуальная революция достигла своего пика, в России некоторый сдвиг в общественном сознании произошел уже в 70-е гг., однако осознание изменений произошло только в 80-х гг. Идеи сексуальной революции подготовили почву для реализации гендерного вопроса в новой перспективе. В этой новой философско-антропологической перспективе феминизма появилась проблема гендерной идентичности, а именно ее свободы и свободы выражения себя, как гендерного/сексуального «меньшинства». В широком понимании, отсутствие идентификации или смена пола может быть понята как трансгендер, в узком – это несовпадение гендерной идентификации субъекта с его биологическим полом. Поэтому знаковым событием явилось появление целого отдельного направления в философии феминизма – трансгендеризма. Идеологами его стали в большинстве своем сами субъекты гендерной дилеммы.

С рождения индивид маркируется одним из двух полов, и потом вынужден жить в соответствии с приписываемой ему гендерной ролью. Те, кто отказываются идти по пути типоло-

гизации полоролевых характеристик, попадают в маргинальную субкультуру, становясь «изгоем гендера». Официальная массовая культура стремится вытеснить подобные маргинальные проявления, упорно работая над идеальным образом гетеросексуального субъекта. Зародившись в недрах феминизма, гендерная проблематика, разработка которой стала основой в процессе обретения гендерных свобод, пошла по известному пути – от приведения гендерных вариаций (гомосексуализма, транссексуализма, транссестизма, трансгендеризма) с точки девиантности к нормативности, узакониванию однополых браков и депатологизации и декриминализации самого факта существования в обществе форм гендерной вариативности. Следующим шагом была борьба за обретение прав и уравнивание в правах. Трансгендер в широком понимании как свобода принятия любой гендерной роли без отнесенности к каким-либо биологическим или телесным признакам стал собирательным термином для обозначения гендерного меньшинства.

Но это меньшинство при сохранении традиционного полового диморфизма и заметном ослаблении гендерной бинарности все же остается на задворках культуры, проявляя себя в массовой культуре лишь сегментарно. Интернет сообщества, парады, кинофестивали, объединяющие всех, чья идентичность не укладывается в рамки гетеросексуальности и привычных поло-ролевых признаков, за права меньшинств, против любых форм ксенофобии.

Трансгендеристы верят в само-означение личности и убеждены, что существующая биполярная гендерная культура утверждает апартеид пола, который затуманивает разум людей. Критика существующей системы предлагает достаточно радикальное решение этой проблемы. Как утверждают адепты трансгендеризма: полов столько же сколько и людей на земле.¹ В этом случае проблемы транссексуалов не существует, в том плане, что это культурная болезнь, рожденная жесткой биполярной гендерной системой, которая лечится не изнутри, а снаружи – путем изменения существующей гендерной культуры. Гордон Ольга МакКензи, как пишет автор, восклицает в заключении своей книги «Трансгендерная нация» (Transgender Nation): нужно сорвать существующую одно-национально-полово-разделенно-неравноценную и принять трансгендерную нацию. Только когда это станет

возможным, появится шанс действительно начать Революцию Гендера.

Кейт Бронштейн, которая родилась с мужской анатомией, стала самым ярким защитником трансгендеризма. Она описала себя так в книге 1994 г. «Изгой гендера» (Gender Outlaw): «Половая идентификация многими считается чем-то “природным”, так как человек чувствует себя “как мужчина” или же “как женщина”. Когда я впервые начала разговор о поле, единственный вопрос, который я не переставала задавать себе: “Ты сейчас чувствуешь, что ты женщина?”, “А ты когда-нибудь чувствовала себя мужчиной?”, “Откуда ты знаешь, как должна ощущать себя женщина?” Я не имела никакого представления о том, как должна “женщина” ощущать себя. Я никогда не знала, что значит быть девушкой или женщиной, в то время как я была четко убеждена, что никогда не была ни мальчиком, ни мужчиной. Это было отсутствие всякого чувствования, которое, более чем наличие оно, заставило меня поменять пол».² Как пишет автор, мы живем в мире мужчин и женщин, где пол определен и узнаваем, и кажется, что существующий порядок вещей универсален и естественен. Однако существуют категории, которые не вписываются в традиционное понимание пола и гендера. Транссексуальность (transsexuality), трансгендерность (transgender) переворачивают с ног на голову наши привычные представления и предлагают новые возможности понимания таких категорий, как биологический пол, гендер, женственность, мужественность, нормативность, девиантность. В то же время трансгендерность – это проблемы инаковости людей, меняющих свой пол, их исключенности из дискурса, их отчуждение и социальная незащищенность.

Этот проект феминизма на Западе получил широкую реализацию, помимо появления интернет-сообществ, медиа-событий и флеш-мобов, новые герои пришли в кинематограф, и не только в авторское кино, но и в массовый кино-продукт. Как правило, эти фильмы разворачиваются в комическом ключе или же представляют собой полу- или автобиографические фильмы, в этом случае это наверняка будет драма. Начиная с 50-х гг., американский кинематограф выходит за рамки привычной гетеросексуальной канвы (если говорить именно об основной сюжетной линии).

В 1953 г. выходит черно-белый фильм Эда Вуда (Ed Wood) «Глен или Гленда», в котором провозглашаются идеи толерантности по отношению к трансвеститам и транссексуалам. Подзаголовок этого фильма революционно объявлял: «I Changed My Sex!» Как кинопродукт он не был удачным, однако ссылка на название фильма (имена главных героев) часто используется в фильмах со сходной проблематикой. Автобиографических фильмов действительно было снято множество, среди них: «Let Me Die a Woman» («Позвольте мне умереть женщиной», 1978 г.) – документальный фильм, содержащий интервью транссексуалов, перенесших операции по перемене пола. И «Just like a Woman» («Совсем как женщина», 1992 г.) – фильм, основанный на автобиографическом романе Моника Джей (Monica Jay) «Gerald/ine», о том, как преуспевающий финансовый руководитель осознал, что он трансвестит.

Игровое кино также претерпело изменения, и многие фильмы российский зритель смог увидеть на своих экранах: «В джазе только девушки» («Some Like It Hot»), «Тутси» («Tootsie»), «Миссис Даутфайер» («Mrs. Doubtfire»). Например, в кинокомедии Сидни Поллака 1982 г. «Тутси» (в советском прокате – Милашка или «Душечка») комедийный жанр фильма все же не может не затронуть хотя бы в символической форме некоторых острых моментов данной проблематики. Если убрать социальную канву и юмористический контекст – то в ленте много знаковых моментов, через которые проходят многие транссексуалы и трансвеститы. Герой Дастина Хоффмана – Майкл Дорси – начинающий актер, отчаявшись, решает пройти кастинг для участия в мыльной опере в образе женщины (переодевшись). Новоявленная Дороти Майклз получает долгожданную роль, достигает успеха на съемочной площадке и получает множество других благ, в том числе добивается расположения прекрасной девушки Джули (Джессика Лэнг), о которой Майкл и мечтать не мог. Она находит в Дороти искреннюю поддержку и доверяет ей как своей подруге (действительно в жизни, что особенно актуально для западной культуры, мужчины-геи часто становятся лучшими «подружками» для женщин). Надо отметить, что до перевоплощения у Майкла была подружка Сэнди Лестр (Тери Гарр), которая как это часто бывает в жизни уже после «появления»

Дороти оставалась в неведении относительно перевоплощения Майкла не смотря на множественные «улики».

Важный момент, показанный в фильме также символично, это акт «coming out» (от англ. «выход») – акт раскрытия своей подлинной ориентации/идентичности перед близкими, семьей. В фильме это кульминационный момент, когда герой раскрывает свою подлинную сущность, после чего ему вновь приходится завоевывать доверие близкого человека – той самой Джули. Для любого человека, который не идентифицирует себя с привычными формами гетеросексуальности, акт «coming out» – это тяжелый психологический груз, однако свобода может оказаться такой же легкой, как пустой и холодной – и новый груз непонимания, антипатии, отчужденности может стать вполне реальной перспективой для каждого, кто решится на этот шаг. Это достаточно серьезный вопрос и ЛГБТ-сообщества (сообщества за права лесбиянок, геев, бисексуалов и трансгендеров) в России и на Западе посвящают этому вопросу специальные встречи, темы для online дискуссий, издают брошюры на эту тему. Но в фильме Майкл Дорси, снимая с себя маску, остается «полноценным» мужчиной, «нормальным» с общепринятой точки зрения, ведь его фарс был продиктован лишь материальной необходимостью и стремлением быть профессионально востребованным, а не трагическим желанием быть не тем, кем ты должен быть по общепринятым стандартам. Здесь зритель не увидит трагической неизбежности обретения мужества «быть собой», но такова подача данной темы в американском кино. В основном, всю плеяду сюжетов западных фильмов можно свести к нескольким идеям. Первая, которая была рассмотрена выше, комедия, где мужчина или женщина меняют свой облик, чтобы избежать больших проблем, преследований, или наоборот, обрести какие-то блага, то есть имеют скрытые мотивы такого поведения. Вторая идея также реализуется в комедийной форме и сводится к тезису: гей/лесбиянка/трансвестит/транссексуал – тоже «человек». В этих фильмах главные герои проявляют гуманистические качества – сострадание, самопожертвование и т. д. Третья серия фильмов – биографические и псевдобиографические драмы.

Российский кинематограф не изобилует подобными сюжетами. Россия не готова и еще долго будет не готова к широ-

кому распространению вышеобозначенных идей. Несмотря на это, в фильме Веры Сторожевой «Люби меня» (2005 г.) главный герой – Шурик (Павел Деревянко) также (как и в «Тутси») переодевается женщиной, ради успеха в работе над рекламным проектом, и дальнейшие сюжетные линии в общем схожи. В 2009 г. вышла трагикомедия Феликса Михайлова «Весельчаки» о травести-артистах, в которой показаны различные судьбы и внутренний мир главных героев – гомосексуалистов, которых объединила работа в ночном клубе. Тема чудесного перевоплощения мужчины в женщину, которому пришлось столкнуться с реальными проблемами того, что называется «быть женщиной» является главной темой сериала «Маргоша» (2009 г.), который был снят по мотивам комической латиноамериканской мыльной оперы, герой которой попадает в глупые ситуации вследствие своего превращения.

Этот обзор показал, что Российский кинематограф не чужд теме гендерных инверсий. Однако, встраивание трансгендерного субъекта в общее поле культуры еще не началось. Сегодняшние индивиды сталкиваются с проблемой идентификации в полярной системе – мужчина/женщина. Однако не находя себе места ни в одной из ниш, они не хотят поддерживать существующий порядок и принимать то, что не отвечает их внутреннему содержанию.

Подобные фильмы призывают расширить понятие гендер, адаптировать его к социальной действительности. Ведь культура должна быть не только сдерживающим механизмом наших инстинктов, как утверждал Фрейд, но и адекватно отвечать запросам общества. В заключении, нужно упомянуть, что история культуры знает немало случаев социального оправдания существования в обществе «третьего пола».

В традиционном европейско-американском дискурсе есть две принятые гендерные ролевые формы: мужская и женская, и первая – изначальная и ведущая. В культуре навахо, ведущей родство по материнской линии, выделяют третью форму – надлехе (nadleeche). «Настоящий» надлехе рождается с физиологическими признаками обоих полов. Особи мужского пола племени навахо определялись как мальчики или мужчины, особи женского – как девочки или женщины, а социальный «пол» надлехе, теоретически, являлся «двудушным», он был одновременно и женским, и мужским, истин-

ный надлехе должен был быть освобожден от рамок «гетеросексуальности» при сексуальном общении как с мужчинами, так и с женщинами. Индивид не обязан предъявлять двуполые гениталии, чтобы быть надлехе. В противоположность евро-американской системе, где пол всегда определяет гендер, у навахо можно быть причисленным к женскому гендеру, являясь мужчиной по полу рождения, и быть мужчиной, являясь по полу женщиной. По представлениям навахо, надлехе были людьми, «наделенными двумя душами» – как женской, так и мужской; они использовали одно слово для обозначения обоих: мужчин-женщин и женщин-мужчин, но гендерно они определялись как разные. «Двудушные» с мужским телом, как носители двойственной природы, овладевали женским поведением и носили женскую одежду. Такой человек мог исполнять и женскую, и мужскую работу, но женский аспект подчеркивался выбором одежды и сексуальной ориентацией. Таким же образом, «двудушный», наделенный женским телом, рассматривался как носитель двух начал, и мог выполнять мужскую работу и жениться. Как поясняет автор, мужчины-надлехе навахо («двудушные» мужчины) имели сексуальные связи с гетеросексуальными мужчинами, то есть теми, которые во всех остальных случаях имели отношения с женщинами, а женщины-надлехе имели отношения с гетеросексуальными женщинами (утверждение о женщинах-надлехе чисто гипотетическое, ибо надлехе в женском теле не были до сих пор проинтервьюированы). Все другие виды сексуальных связей, как следует из этого, были недопустимы. И только настоящий «двудушный» мог выбирать себе или женщину, или мужчину в супруги. То, что индивид с амбивалентными половыми органами будет распознан как надлехе, определяется по его пристрастиям в выполнении работ: молодой человек может быть идентифицирован как надлехе, если он проявляет интерес к выполнению работ, предназначенных женщинам.³ «Двудушные» также носило название «бердашизма». Надлехе ассоциировались с первыми мужчиной и женщиной, которые, согласно мифологии, были двуполы, и согласно этому надлехе рассматривались как духовное проявление этой двуполости, их рассматривали как святых и священных.

Благодаря культурной конструкции множественности гендера, западные концепты «транссексуальность» и «гомосексу-

альность» не могут быть применимы к представителям коренных племен Америки, носящих название жено-мужчины и муже-женщины, например, при сексуальных контактах двух людей одного пола, так как это вовсе не обязательно будет считаться гомосексуализмом в гендерной системе, которая предоставляет четыре или более пола для принятия индивидами. Таким образом, концепт «гомосексуализма», который получил развитие в культуре, признающей лишь два пола, здесь попросту неприменим.

Таким образом, традиция «двудушия» во всех ее возможных гендерных вариациях, демонстрирует, что дуальная западная гендерная классификация – это только одна из множества возможных гендерных систем. Исследования в данной сфере констатируют, что традиция «двудушия» – это отдельная от мужчины и женщины категория; однако сами представители бердашизма говорят, что мужчина и женщина, мужское и женское – это не единственные универсальные категории пола. В этой культуре зародились основы трансгендерного поведения и ее по праву можно назвать трансгендерным обществом. Обществом, свободным от гендерных стереотипов, по крайней мере, относительно биологического пола индивида.

¹ Ramet S. P.. Gender reversals and gender cultures. An introduction. London, New York. 2007. P. 14.

² Bornstein K. Gender Outlaw: On men, woman and the rest of us. New York, London, 1994. P. 24.

³ Bolin A. Traversing Gender // Gender reversals and gender cultures. London, New York, 2007. P. 28.

С. В. Латина

«Унисекс» как «стирание граней» между феминным и маскулинным (на материале интернет-сайтов)

Гендерный подход прочно вошел в культурологические исследования конца XX – начала XXI века и представляет собой одну из доминантных исследовательских парадигм. Это связано с тем, что «гендер» стал не просто использоваться в социогуманитарном знании, а явился одним из ключевых понятий современной культуры. СМИ, как элемент культуры, транслирует культурные ценности, воспроизводя образы и

модели поведения, представления о мужественности и женственности, принятые в обществе. СМИ, таким образом, является институтом социализации, который формирует картину мира каждого индивида. Гендерные представления индивидов опираются, прежде всего, на стереотипы фемининности-маскулинности, сложившиеся в социуме, и транслируются через СМИ, в частности через Интернет-ресурсы. В свою очередь Интернет-сайты ориентированы и создаются с учетом запросов общества. Объектом нашего исследования стали гендерно-ориентированные рекламные сайты Интернета: www.marmot.com – Marmort Clothing and Equipment,¹ www.aromatnee.net – Женская и мужская парфюмерия,² www.zontshop.ru – Zont Shop.ru,³ www.stormlondon.ru – Storm London.⁴

Анализ Интернет-сайтов показывает, что информация на них располагается с учетом категории гендера. Сайт «Marmort Clothing and Equipment» предлагает одежду и экипировку, предназначенную для мужчин, женщин, мальчиков, девочек и одежда «унисекс». Все категории размещаются на сайте в разделе гендер (gender), а не пол (sex).

На Интернет-сайте Zont Shop.ru можно выбрать товар не только в зависимости от производителя, цвета, рисунка, ситуации, размера купола, цены, длины, веса, но также и половой принадлежности, т. е. женские или мужские, а также в категории «унисекс». Следует обратить внимание, что зонты, предназначенные для мужского пола, не отличаются разнообразной цветовой гаммой, как правило, это черный, серый и синий цвета. Зонты в основном однотонные, редко в полоску, клетку или мелкий геометрический рисунок, что говорит о строгости и практичности. Женские зонты – прозрачные, розовые, салатные, голубые, красные, бордовые, с рюшами, с кантами, гипюром, цветами, животными, пейзажами; разнообразная цветовая гамма и рисунок указывают на эмоциональность, экспрессивность. Зонты из категории «унисекс» одинаково подходят и мужчинам, и женщинам. Сочетание светлых и темных тонов подчеркивает универсальность зонта.

Всемирный бренд «Storm London» предлагает часы и аксессуары, выполненные в разных стилях и ориентированные на мужчин, женщин и «унисекс». Товары «унисекс» представляют классику в черно-белом исполнении и подходят как мужскому, так и женскому полу.

Сайт парфюмерии aromatnee.net также рекламирует продукцию, предназначенную как для мужчин и женщин, так и в стиле «унисекс». Здесь стоит обратить внимание на форму флаконов. Мужской парфюм – это, как правило, флаконы строго прямоугольных форм. Для женской парфюмерии характерны флаконы округлых форм. Форма флаконов отражает анатомические особенности мужчин и женщин, и именно рост и форму фигуры. Ароматы «унисекс»:

- парные ароматы, имеющие одинаковое название, но разные запахи и предназначенные для мужчин и женщин (Emporio Armani Summer Diamonds Her и Emporio Armani Summer Diamonds Him), т. е. внутри категории «унисекс» прослеживается разделение товаров по половой принадлежности;

- непарные ароматы, которые могут использовать как мужчины, так и женщины.

Таким образом, информация, содержащаяся на сайтах, отражает гендерный порядок, имеющийся в обществе. Для привлечения потенциальных клиентов и увеличения их количества организаторы сайта используют не только стандартные категории «мужчина» и «женщина», а учитывают запросы социума и развития, происходящие в науке, используя дополнительную категорию «унисекс».

По Юнгу, в каждом человеке есть как типичные мужские, так и женские черты, но культурные нормы и правила ориентируют человека на развитие лишь одной стороны; девочек воспитывают, учитывая, что в дальнейшем они станут женщинами, и поэтому развивают в них стереотипно женские черты; в мальчиках развивают инструментальные характеристики.

Исследователи отмечают, что наше общество делится не только на мужчин и женщин. Согласно исследованиям Сандры Л. Бем, в зависимости от уровня маскулинности или фемининности все люди делятся на четыре группы: 1) маскулинные индивиды с ярко выраженными традиционно мужскими качествами; 2) фемининные индивиды с ярко выраженными традиционно женскими качествами; 3) индивиды, не имеющие признаков ни выраженной маскулинности, ни фемининности; 4) андрогины – индивиды, сочетающие в себе как традиционно мужские качества, так и традиционно женские качества.⁵

Интерес к андрогинии, то есть сочетанию маскулинных и фемининных характеристик в одном индивиду, появился в 70-е гг. XX века. Концепция андрогинии явилась настоящим прорывом и вызовом в науке и получила широкое распространение в научных кругах и отразилась в искусстве. Если раньше считалось, что, маскулинность и фемининность являются ключевыми характеристиками человеческой личности, то согласно концепции андрогинии маскулинность и фемининность – это культурные стереотипы, в соответствии с которыми людям приходится жить. А, соответственно, андрогинность относится не только к психическому уровню, но и к социально-культурному. Тело андрогина сохраняет свой конкретный пол, но сознание больше не идентифицирует себя с ним. Также С. А. Бем утверждает, что раньше считалось, что для того чтобы мужчины и женщины ощущали себя психически здоровыми, мужчины должны были содержать в себе маскулинные черты, а женщины, соответственно – фемининные. Концепция андрогинии предполагает, что каждый индивид может сочетать в себе и маскулинные, и фемининные черты. А стандарты психического здоровья должны быть свободными от гендерных стереотипов. Поэтому предполагается, что андрогинная личность имеет более богатый набор поведенческих ролей и может его гибко использовать в зависимости от постоянно изменяющихся социальных условий.⁶

Несмотря на, казалось бы, столь очевидный идеализм, концепция андрогинии была подвергнута явной и суровой критике. Однако можно предположить, что данная концепция находит свое отражение в современной моде, сфера действия которой реально безгранична и распространяется на самые различные области социальной жизни и культуры. Мода диктует форму прически, манеру одеваться, использовать парфюм и косметику, носить украшения независимо от половой принадлежности. Таким образом, можно наблюдать размывание границ мужского и женского; трудно сказать, что именно относится к мужскому, а что к женскому, и результатом этого является возникновение такого явления в моде как стиль «унисекс».

Направления и стили в массовой моде возникают при условии, что есть возможность изменения социального статуса и подражания одних социальных групп другим через заимствование определенных культурных паттернов. Поэтому одной из

нескольких причин возникновения явления «унисекса» стало изменение социальных ролей мужчин и женщин. Если до этого только мужчины стояли во главе профессиональной сферы, а существование женщины протекало в рамках семьи, то после первой мировой войны жизнь стала диктовать другие условия. Мужчин стало меньше и женщинам пришлось заменить мужской пол во многих профессиональных сферах. Женщины почувствовали, что могут управлять имуществом, принимать решения, занимать лидирующие позиции на правах мужчин.

Унисекс является одним из стилей массовой моды и массовой культуры, представляющий собой смешение «мужского» и «женского», при котором противоположный пол становится образцом для подражания.

Унисекс определяет внешний вид человека: одежду, причёску, макияж и парфюм. Одеваться в стиле унисекс значит носить одежду, которая будет скрывать признаки пола, при этом цвет одежды не должен быть ярким и бросающимся в глаза. Как правило, это оттенки серого, темно-синего, а также цвет в стиле «милитари». Обувь в стиле «унисекс» не признает утонченных шпильек и бантиков на туфельках. Она требует носить кеды, кроссовки, ботинки. Таким требованиям вполне отвечает джинсовая мода.

Унисекс возник как молодежная мода. Французский дизайнер Андре Курреж разработал новый стиль в одежде, который отвечал требованиям молодежи: свобода, комфорт, практичность, утилитарность, доступность и красота. Пьер Карден – выдающийся дизайнер одежды и реформатор моды – поддерживал начинания Куррежа, распространив высокую моду на промышленность.⁷

Одним из известных «поэтов французского кутюра», «воплощением творческого духа Франции», новаторов стилей «сафари», «милитари» и «унисекс» является Тед Лапидус. «Отец унисекса» был одним из первых, кто понял, что в обществе назрела «революция» в области социальных ролей мужчин и женщин. «Прекрасную даму» сменила «воинствующая амазонка», которой понадобились соответствующие аксессуары: причёска, одежда, обувь и макияж. Одной из его излюбленных материй был деним. Джинсы помогли Лапидусу раздвинуть временные границы и бросить вызов Высокой Моде, чем снижал упреки от гляцевых журналов.⁸

Джинсовая мода регламентировала первую массовую «бесполоую» одежду. Джинсовые брюки одинаково хорошо смотрятся и на мужчинах, и на женщинах. История джинсов относится к 1850 году и связана с именем Леви Страуса. Они привлекли внимание и завоевали популярность в 60-х годах. Джинсовую одежду стали носить все, кто хотел идти в ногу с модой. Когда джинсовая мода достигла кульминации, в этом стиле стали шить одежду и из других тканей.

Жан-Поль Готье – один из гениальных дизайнеров, авангардных, непредсказуемых и скандальных французских модельеров конца XX столетия, начинал свою карьеру у П. Кардена. Отличительными характеристиками его творчества, передающего особенности своего времени, является смешение нескольких жанров, оригинальное использование материалов и трансформация привычных вещей. В 1984 г. Ж.-П. Готье показал мужскую коллекцию под названием «Мужчина-объект», в которой мужчины предстали одетыми в тельняшки и юбки, декольтированные платья со шлейфами, пиджаки с открытой спиной и корсеты. Эта коллекция одежды отражала тенденцию к стиранию границ между полами в эпоху постмодерна. Эта тема прослеживается в названиях его коллекций: «Гардероб для двоих», «И Бог сотворил мужчину», «История мужчины», в которых мужчины носили юбки, а женщины становились «андрогинами». В 1992 г. вышла его джинсовая коллекция. По словам Готье, он создает одежду, соответствующую времени, в котором живут люди.

Парфюмерия, так же как и одежда следует за нашим быстро меняющимся миром. Ароматы «унисекс» – это ароматы, отражающие динамику, свободу и протест современного общества. Эти ароматы легки и ненавязчивы, как правило, это цитрусовые или озоновые, реже зеленые запахи.

Данный стиль может вводить в заблуждение при попытке определить принадлежность к половой категории. К. Уэст и Д. Зиммерманн описывают случай встревоженности покупателя из-за невозможности определить пол продавца: «Субъект, отвечающий на мои вопросы, был, конечно, продавцом. Но при этом невозможно было отнести его к категории мужчин или женщин». На что покупательница обращала внимание? (1) Волосистой покров на лице: «У него/нее была гладкая кожа, но у некоторых мужчин также мало волос на лице или они совсем не растут. (Это зависит от расы. Американские индейцы и

чернокожие часто не имеют волос на лице)». (2) Грудь: «Он/она был(-а) одета в свободную рубашку, свисающую с плеч. И, как многие женщины, пережившие подростковый возраст, в 1950-е годы знают, к своему стыду, женщины часто бывают плоскогрудыми». (3) Плечи: «Его/ее плечи были слишком узки и покаты для мужчины и широковаты для женщины». (4) Руки: «Длинные тонкие пальцы, суставы слегка крупноваты для женщины и маловаты для мужчины». (6) Его/ее обхождение: «Не было никаких признаков, которые бы указали на то, что мы принадлежим к одному или к разным полам. Не было даже признаков того, что он/она сознает, насколько трудно отнести его/ее к какой-нибудь категории по признаку пола, и, когда мы обсуждали покупку – компьютерную бумагу, я продолжала думать над этим, хотя старалась не показывать этого, чтобы не привести его/ее в замешательство. Я покинула магазин, так и не определив пола моего продавца, и этот вопрос продолжал меня волновать (поскольку я – дитя своей культуры)», т. е. воспитанная по типично женским стереотипам.⁹

Таким образом, видно, что пол может «теряться» в стиле, однако это может выражаться не только в одежде, стрижке и нейтральном парфюме. Это выражается в тех мироощущениях, которые испытывает приверженец данного стиля. Человек, предпочитающий «унисекс», сознательно отказывается от внешних признаков, указывающих на его половую принадлежность, и выражает свою индивидуальность через поступки и образ мыслей.

Унисекс как явление указывает на такой серьезный социальный процесс как трансформация интимности. Э. Гидденс, обращаясь к этому вопросу, делает социологический анализ сексуальности. Он констатирует превращение сексуальности в личностный ресурс, которым каждый из нас обладает, сознательно культивирует, и рассматривает в качестве одного из компонентов собственного жизненного стиля. При этом сексуальность рассматривается как сфера свободы (освобождение сексуальности от культурного давления) и природного предназначения (естественное стремление к биологической репродуктивности). В ходе трансформации сексуальность, по мнению Гидденса, приобретает полную независимость, в результате чего становится одним из важнейших качеств межличностного взаимодействия.¹⁰ Поэтому можно констатировать смешение сексуальностей в данном стиле. Он стирает гендерные

стереотипы и дает свободу мужчинам и женщинам, позволяет им избавиться от признаков собственной половой принадлежности. Поэтому можно сказать, что унисекс – это своего рода завуалирование гендерной идентичности. Унисекс не отрицает демонстрацию сексуальности, а сексуальность в свою очередь открывает пространство личной свободы. В то же время унисекс расширяет это пространство за счет преодоления категорий феминного и маскулинного. Таким образом, гендерная идентичность в данном стиле никак не определяется.

Мода влияет на поведение индивидов и групп, составляющих социальную систему, а также способствует адаптации данной системы к изменяющимся внутренним и внешним условиям ее существования. Во второй половине XX века иметь в гардеробе и носить мужские аксессуары и мужские костюмы (пиджаки, брюки, ботинки «милитари» и т. п.), использовать парфюмерию «унисекс» стало обыденностью и нормой для женщин.

Если раньше феномен андрогинии рассматривался как психическая характеристика человека, то сегодня его принято относить к социокультурным факторам. Современная постмодернистская реальность невозможна без андрогинии и подтверждением тому является навязывание образа андрогина со сцены (например, шоу трансвеститов Ж.-П. Готье) или экрана ТВ (самый популярный мужской тип – это относительно андрогинные юноши – Шура, Витас, группа БиС и другие), распространение «унисекс»-товаров через Интернет-сайты.

XXI век – это век высоких технологий, с помощью которых человечество создало искусственный мир. Это мир, в котором люди общаются друг с другом, узнают последние новости, совершают покупки через всемирную «паутину» Интернета. Подхватив идею унисекса, Интернет-сайты используют ее в своих целях, а именно рекламируют товар не только для мужчин и женщин, но и для людей так называемого «третьего пола». Раздел «унисекс» на Интернет-сайтах позволяет не утруждать себя вопросом о различии в «женском» и «мужском» при выборе предметов личного пользования и не ждать осуждающего мнения общества, при неверном выборе.

Высокая конкуренция вынуждает организаторов размещать на Интернет-сайтах информацию, содержащую общие закономерности в предпочтениях мужчин и женщин, и предлагать товары, которые направлены в равной степени на оба пола. Однако, гендерные отношения – отношения между мужчина-

ми и женщинами в современном мире – сильный ресурс для создания новых продуктов, а именно продуктов «унисекс», значительно расширяющих круг потенциальных клиентов.

Суммируя вышеизложенное, можно сказать, что «унисекс» является категорией, занимающей пространство между социальными понятиями «феминное» и «маскулинное», и как категория он сам создает пространство, которое объединяет в себе мужское и женское. Унисекс – зона свободы не только от стереотипов в моде, но и зона свободы от гендерных стереотипов. В культуре происходит комбинирование / взаимопроникновение маскулинности и феминности, создается уникальный, индивидуальный облик общества.

В завершении хочется обозначить ряд перспективных направлений, которые возникли в ходе исследования данной проблемы:

- отражает ли унисекс дезориентацию человека или это выражение протеста обществу?
- можно ли мужчину в стиле «унисекс» назвать метросексуалом?
- кто чаще всего пользуется Интернет-сайтами с целью покупки товаров и кто чаще открывает разделы «унисекс»?

¹ Электронный ресурс. Режим доступа свободный: www.marmot.com.

² Электронный ресурс. Режим доступа свободный: www.aromatnee.net.

³ Электронный ресурс. Режим доступа свободный: www.zontshop.ru.

⁴ Электронный ресурс. Режим доступа свободный: www.stormlondon.ru.

⁵ Бем С.Л. Линзы гендера: Трансформация взглядов на проблему неравенства полов. М., 2004. С. 172.

⁶ Там же. С. 173.

⁷ Орлова Л.В. Азбука моды. М., 1988.

⁸ Тед Лапидус: Портной нашего времени // Электронный ресурс. Режим доступа свободный: <http://booknik.ru/context/?id=30566&articleNum=1>.

⁹ Уэст К., Зиммерман Д. Создание гендера // Гендерные тетради. Труды СПб филиала ИС РАН, 1997. С. 94–124 // Электронный ресурс. Режим доступа свободный: www.philos.nsu.ru/res/6.htm.

¹⁰ Гидденс Э. Трансформация интимности. СПб., 2004.

Миф об идеальном мужчине

Вопросы гендерной самоидентификации в наши дни важны для каждого и приобретают часто животрепещущий характер. В то же время, достаточно сформированное поле знания в этой области лежит за пределами обыденного сознания. Культурные стереотипы настолько отличаются от реальной ситуации, что столкновение с жизнью часто превращается в шок, заставляя личность в меру ее возможностей адаптироваться к реалиям современного социума (или не адаптироваться, вступить в конфронтацию).

Таким образом, знакомство даже с очень разноречивыми теориями, с историей гендерных отношений помогает выбору собственного пути, оказывает существенную поддержку в гармонизации отношений индивид – социум, что особенно необходимо в сложнейшей обстановке современного мира.

Стремление способствовать формированию сознательного отношения к собственной гендерной идентичности, к пониманию себя, своего места в мире как мужчины или женщины наталкивается, однако, на определенную табуированность вопросов как социокультурного, так и биологического пола в современной российской культуре, в общественном сознании.

Конфликт этот лежит в области противоречия между просветительскими традициями западноевропейской культуры и многовековыми установлениями отечественного язычества и средневековой парадигмы мышления, оставившими глубокий след в структуре формирования личности каждого россиянина. Западноевропейская традиция, несмотря на насчитывающую несколько столетий практику существования на российской почве, так и не стала основой культуры отечественной. На сложившуюся ситуацию оказали влияние принципы советского государства, которое, как и всякая тоталитарная система, обладало огромным количеством различных табу в самых разнообразных сферах, в том числе, и в области пола. В то же время универсальная значимость пола/гендера во всех сферах жизнедеятельности человека представляется банальной истиной.

В последнее время активизировались научные исследования в области мужского и мужественного и их репрезентации, тем более что аналогичный дискурс активно идет и в массовой культуре. Сейчас наметился очевидный крен в пользу возвращения к образам патриархальной мужественности, который, как представляется, связан с возрастанием социальной напряженности, изменением политического курса.

Мужчина сильный, твердый, берущий на себя ответственность за все, диктующий свою волю, принимающий решения и добывающий результат, активно реализующий себя в общественной жизни находится в центре внимания. Ностальгические настроения становятся все сильнее. Вопрос, однако, состоит в том, достаточно ли дифференцируются и осознаются все аспекты традиционной маскулинности и все ли участники движения за возвращение «настоящего мужчины» в действительности подразумевают под этим одно и то же.

Процесс перестройки, как и любая эпоха политических катаклизмов и переустройства, например Французская или Октябрьская революции, всколыхнул феминистские настроения в обществе. Однако консервативные декларации уже обрели былую силу, обеспеченные не только указаниями консервативных политических институтов и средств массовой информации, но и относительной стабилизацией социальных институтов, утратой прежних возможностей, экономической ситуацией и стремлением снять с себя становящееся все более тяжелым бремя ответственности за собственную жизнь и переложить его на чужие плечи. Это касается и мужчин, и женщин.

В качестве выразителя надежд представительниц «слабого пола» может быть избрана на основании популярности автор так называемого женского детектива Людмила Устинова. В своих романах она, собственно, и специализируется на теме исполнения, среди хитросплетений детективного сюжета, желаний различных категорий женщин в matrimониальной сфере. Полные и худощавые, бедные сироты и успешные бизнес-леди, учительницы и богатые наследницы, одинокие и обремененные родственниками обретают счастье в личной жизни, и, соответственно, в жизни в целом. Кто же те люди, которые способны удовлетворить потребности столь широкой аудитории? Удивительно или нет, все они являются мо-

дификациями «настоящего мужчины», казалось бы полностью укладывающегося в рамки гегемонной маскулинности.

«Он... отпрыгнул от дивана, как очень большой и тяжелый, но все же тренированный зверь.

– Лежать, – сказал он. – Лежать и спать...

Он сказал: «Лежать и спать!» – как будто она была его собакой. Какое счастье, что он сказал ей: «Лежать и спать!» Так говорят только очень близким, самым близким. Самым понимающим. Своим. Как будто она давно и безраздельно принадлежит ему, и он в ней совершенно уверен».¹

Следующий герой «обошел ее, развязал пояс халата, стянул с плеч и бросил его в кресло. Огонь от камина, в котором пылали дрова, отсветом прошелся по совершенному, как у римского воина, телу. Лера отвела глаза...

...он одним махом разрешил все ее трудности и избавил от всех ее бед, которые казались неразрешимыми...

Женщинам такие вещи представляются очень важными, знаете ли! Им, знаете ли, иногда важно, чтобы появился мужчина и взмахом волшебной палочки устранил все затруднения, будто это не затруднения вовсе, а так, ерунда какая-то!

Сила и власть всегда привлекательны – вот уж новость, так новость!»², – декларирует Устинова.

Созданный ее воображением мужчина сексуально активен. «Кто-то из его “временных удовольствий”, – пишет автор бестселлеров, – оставил у него в ванной гель для душа “Лавандовый”».³ В другом романе встречаем: «Себя Родионов почитал куда как более честным мужчиной. Он романтики никакой не признает. Он завел себе Люду, к примеру, и спит с ней, когда время есть. Нет времени – не спит и не звонит».⁴

Герой Устиновой – прекрасный любовник.

Смел и, если необходимо, постоит за себя и своих близких: «Свободной рукой он ударил разговорчивого сопляка и даже успел заметить в его глазах несказанное изумление, прежде чем тот захрипел и рухнул на асфальт. Остолбеневшему от неожиданности Вовану он коротко заехал в физиономию, поймал выскользнувший, как рыбка, нож и положил в карман пиджака. Вспомнив про пиджак, он посмотрел на присевшего от удара противника и ударил еще раз. Просто так, от злости. Калечить их он не собирался». Несколько далее

следует: «Егор проверил предохранитель и привычным движением сунул пистолет за пояс.

– Мы же не знаем, как там и что, – сказал он. – И не собираюсь я стрелять...

– Шубин, – нежно сказал Заяц, – ты, да еще с пистолетом, замочишь весь отряд Шамиля Басаева с ним самим во главе ровно за пятьдесят две секунды. Ты чего, забыл, где ты был?!» И вообще «Он в одно мгновение стряхнул с плеч пальто (кашемировое – А. С.) и привычным движением, как будто делал это каждый день, натянул на лицо черную шерстяную маску с дырками для глаз».⁵

Подобные проблемы решают если не своими, то чужими руками. На слова убийцы: «Вы все равно ничего не докажете» – олигарх Тимофей Кольцов обеспечивает простой выход из ситуации.

«– Да мы и не станем, – холодно сказала Катерина Кольцова, и в гостиную вошли два охранника ее мужа. – Мы и без доказательств разберемся уж как-нибудь.

И разобрались».⁶

Олигархов среди персонажей много, и все они готовы разобратся. Встречаются также предприниматели, сотрудник уголовного розыска, дизайнер, писатель, разведчик, иностранный журналист, врачи... Все они успешны в своей профессиональной деятельности, потому что умны, а некоторые даже гениальны, упрямы и «чудовищно самоуверенны», часто знамениты – малообеспеченных и щуплых нет.

При этом, после бурного секса заполучив своего избранника, женщина Устиновой может твердо рассчитывать, что мужчина оказался в ее власти. «Эта женщина может с ним сделать все, что пожелает. То есть решительно все – например, исчезнуть из его жизни, и выбираться из-под обломков он будет долго, трудно, мучительно, и, вообще говоря, неизвестно, выберется или нет». Герой размышляет: «Я боюсь сделать ей больно – не в том смысле, что придаваю с медвежьей силой! Но я могу не справиться с жизнью, чего-нибудь не учесть, запутаться, и она останется одна, без меня, а я за нее отвечаю!»⁷

Оказывается, что все мужчины Устиновой всю жизнь мечтали, иногда неосознанно, о семейной жизни и нежных детях. Более того, это и было главной целью и смыслом всего.

«Его мечты – о том, чтобы пятнадцать лет, как один месяц, о собственном щенке, о веселом мальчишке, который висел бы на его джинсах и называл его папой, о том, чтобы вернуться со своей поганой работы, обнять ее и ни о чем не думать и не волноваться».⁸ Герой отчетливо понимает, что «Он не отделается от нее, а Маша не отделается от него, и он станет переживать, если вдруг ее случайно обидит, и ходить за ней, и просить у нее прощения, и маяться, если прощения получить не удастся, хоть ему вовсе не хочется ничего этого делать! Он станет есть сваренные ею макароны, смотреть с ней кино, возить в школу ее детей, поздравлять с днем рождения ее мать – даже если вместо всего этого им планировались другие, гораздо более увлекательные занятия».⁹

И действительно, после десяти лет семейной жизни герою от поцелуя становится «тяжело в голове» и он «с тоской думает, что до ночи, когда они наконец останутся одни, еще полжизни пройдет!»¹⁰ «Вдруг осознав, что все десять лет после женитьбы он ходит вокруг нее как бычок на веревочке, и, в сущности, демонстрирует полную покорность, зависимость и предсказуемые реакции, Тимофей Ильич рассвирепел. Он всегда свирепел, когда это осознавал. Однако его жена, знавшая его как свои пять пальцев, взъяриться ему не дала».¹¹

Писатели – мужчины, исповедующие традиционные гендерные нормы, дают достаточно агрессивный ответ на такие притязания. Оттенки смыслов и особенности лексики отечественных авторов не позволяют процитировать репрезентативные высказывания последователей идеологии в стиле Роберта Брэннона, тезисы которого уважаемый Игорь Семенович Кон энергично перевел: «без бабства», «большой босс», «крепкий дуб» и «задай им жару».¹²

Напористый, энергичный слог Устиновой, избыточный короткими предложениями, уверенное построение психологически заведомо недостоверной любовной интриги не оставляют сомнений в характере личности автора, который отчетливо понимает потребности потребителя.

Попытка женщин решить усложняющиеся жизненные задачи традиционным способом наталкивается, таким образом, на определенные сложности. Декларируя приверженность и считая себя приверженцем патриархального идеала,

женщина уже не способна мириться с тем, что ранее представлялось естественным, – с подчинением мужчине независимо от его успешности или отсутствия таковой. Женщина готова демонстрировать подчинение, но только тому, кто стоит выше нее на социальной лестнице. Смирение отошло в прошлое. Стало возможным даже резкое высказывание по адресу представителя сильного пола относительно привлекательности его как партнера, прежде недопустимое в публичной дискуссии, дискредитирующее саму женщину, снижающее ее ценность. Представление XIX века о том, что, выбирая мужчину, женщина выбирает себе жизнь, претерпело изменение. Общественное мнение склоняется к образу работающей, строящей собственную карьеру и жизнь. Женщина, заявляющая, что она готова посвятить жизнь мужу, домашнему хозяйству и воспитанию детей, воспринимается как слабый человек и, таким образом, обесценивается как партнер. Большинство девушек супруг умозрительно воспринимается как дополнение к собственным стратегиям и, когда жизнь показывает, что схема не работает, спутник жизни ожидает противоположного и прекрасно умеет пользоваться устоявшимися поведенческими стереотипами, возникает раздражение. Таким образом, поиск, собственно, сводится в реальности к поискам успешного партнера независимо от его пола. Отсутствие у большинства мужчин возможности выполнить условия традиционного норматива мужественности, прежде всего, нормы статуса, которая, как исторически сложилось, предусматривает материальное обеспечение существования семьи, приводит к тому, что как бы ни стремился субъект жить в пределах патриархального и легитимированного, не вызывающего негативной реакции большинства, путь назад уже недоступен.

Ответом «женской литературе», находящейся в поисках настоящего мужчины в определенном смысле является проза Олега Зайончковского, неоднократно номинировавшегося на отечественные литературные премии.

В романе «Счастье возможно» отчетливо кристаллизуется новый образ мужчины.

Чистая, прозрачная стилистика позволяет автору передать нежное и неспешное течение жизни созерцательной и мечтательной. Роман написан от первого лица. Городские пейза-

жи, люди, встреченные случайно, становятся музыкальной темой, которую развивает герой, строя их дальнейшие неприязнительные судьбы в соответствии с настроением судьбы собственной, сплетающейся с его легким, но продуманным вымыслом. Маленькие остроумные замечания, тонко переданные оттенки кокетливой самоиронии и раскаянья – герой плавно движется в потоке времени, иногда возвращаясь в прошлое, появляется образ жены, которая оставила его, забыв, в погоне за материальным благополучием, на даче. Их юная влюбленность, студенческие годы... Единственная отчетливая характеристика жены: «щечки, губки»... Впоследствии оказалась волевой и целеустремленной женщиной, сделала карьеру, «каждое повышение и соответствующая прибавка жалования вызывали в ней всплеск потребительских амбиций»,¹³ последней из которых оказался новый муж на Гелендвагене. Этот Гелендваген всплывает каждый раз при обращении к теме нового мужа, он становится чем-то похожим на постоянный эпитет и таким образом, восполняет скупые речевые характеристики примитивного характера, сообщенные автором персонажу.

Размышляя о собственных потребительских возможностях, герой понимает, что неспособен продать себя. Даже с помощью мужа экс-супруги, который привез его на новый «пир Трималхиона», завершившийся получением аванса за будущую книгу. «Однако спустя два-три дня волнения мои улеглись. Разумеется, сага о желудочном культуртрегерстве у меня не получилась, да я не шибко и старался. Аванс я потратил, как и собирался, на поездку в Чехию (чудесная страна!). Но сбежать и ложиться на дно мне не пришлось. “Сырники” какое-то время еще пытались достать меня через Дмитрия Павловича, а потом плюнули и списали, как испорченную антилопу».¹⁴ Герой предпочитает безвозмездно одалживаться у соперника и поддерживать с парой дружеские отношения. «Фил (собака – А. С.) не рычит на него потому только, что уже исследовал приехавшие с гостями сумки и теперь прикидывается милягой псом – в надежде на пожизну. Мотив понятный, хотя и не очень-то красивый. А вот зачем притворяюсь я – милягой и любящим родственником, – этого я понять не могу».¹⁵

Герой сидит у реки (в буквальном и переносном смыслах) и ждет. Ожидание скрашивают забавные знакомые и девушка-агент по сделкам с недвижимостью, которую он соблазняет под предлогом продажи собственной квартиры, а затем –

«Мне стало даже грустно от сознания, что я больше никогда не увижу это симпатичное неодоушевленное существо.

Спустя два часа мы с Филом уже драпали из Москвы на дачу. Там, в Васькове, я и просидел с выключенным мобильником до конца октября. Марина, конечно, со временем поняла, что обманулась во мне».¹⁶

Ожидание у реки приносит известные плоды: труп поверженного врага действительно проплывает – сначала, утомившись от борьбы, начинает приезжать на свидания любимая бывшая жена, а затем, когда обнаруживаются плоды этих встреч, счастье оказывается возможным.

Небезынтересной, с точки зрения тематики данной работы, представляется вставная новелла, которая не случайно носит то же название, что и книга. Некая Лида Суркова, побывав замужем за львовским искателем московских невест, мечтает о «настоящем мужчине».

«– Попадись мне такой, – мечтала она как-то за бокалом “чинзано”, – такой любящий, настоящий, прямо взяла бы и за ним побежала. Несмотря ни на что.

– Так-таки несмотря? – усомнилась Тамара. – А если он окажется итээровец в дырявых носках?

– Ты не поняла, – усмехнулась Лида. – Я же говорю – настоящий.

– Настоящий в смысле состоятельный, – догадался я .

Лида слегка покосилась в мою сторону:

– Ну, типа того... А этого добра в дырявых носках мы насмотрелись.

– Ну да, ну да, – понимающе закивала Тамара».¹⁷

Через пятнадцать лет мечта исполнилась, и молчаливый, прекрасно обеспеченный мужчина, от которого неизвестно почему «ушло две жены», разрушил свой брак с Лидой неистребимой склонностью к перверсии.

Наконец путем активного поиска в сети Интернет женщина находит свое счастье с существующим на пособие по инвалидности иностранным гражданином по имени Тим, рыжеватым, лысоватым, несколько робким. «Лида как женщина

ему, конечно, очень нравится, но без виагры он в постель к ней не идет, да и то надо долго уговаривать...

– Ну а все-таки, что ты в нем нашла? – выпытывала у Лиды Тамара. – Признайся мне как подружке.

И тут я впервые увидел, – пишет автор, – как Суркова краснеет.

– Не знаю... – ответила она почти шепотом. – Полюбила, наверное».¹⁸

Мечта мужчины...

Олег Зайончковский любовно относится к реалистической детали, обозначающей парадоксальность человеческого бытия, настойчиво подчеркивает ничтожность материальных устремлений. Авторский слог, местами отсылающий к стилистике Довлатова, лишен темперамента последнего, часто переходит в элегическую ритмизованную прозу, что позволяет передать тонкие оттенки ощущений и мыслей.

Таким образом, мужчина есть существо мыслящее и тонко чувствующее, он умеренно совестлив и в целом добродушен и необходим женщине, потому что дарит любовь (в меру своих способностей). Функции его в семье, выражаясь юридическим языком, ничтожны. Жена возвращается, ибо зачала. Думается, это сможет ее надолго занять и дать новый жизненный стимул, волю к продолжению борьбы. Герой будет неподалеку.

Разбираясь в современных гендерных ролях, стратегиях и практиках отношений между полами следует учитывать то, что, будучи существом биологическим, человек включен в большую экологическую игру, которой занимается природа в целом. Главной задачей биологической формы с точки зрения природы является воспроизводство. Представления о человеке и культуре, как о чем-то отдельном, инкапсулированном в теле природы не кажутся верными. Многие человеческие проявления, расценивавшиеся как присущие лишь человеческой сущности, при ближайшем рассмотрении оказываются достоянием и иных биологических видов. Разум, который выдвигался как критерий, определяющий исключительно человека, способность людей пользоваться орудиями или изготавливать их в силу развития этологии уже не кажутся чем-то исключительным. Чувства – и того менее. Многие важнейшие ценности и смыслы человеческого существова-

ния – любовь, верность предстают перед нами в новом свете. Социальная природа человека также не является исключительным фактором. Гиены и шакалы, гориллы и многие другие животные образуют достаточно сложные сообщества, дифференцированные в общественном смысле. Ни в одном из этих сообществ мы не найдем абсолютной гармонии, которая может представляться лишь далекой умозрительной целью, к которой может устремляться человечество. Борьба за выживание, внутривидовая и межвидовая, являются законом, который практически невозможно миновать. Этому закону подвластен и человек. Следовательно, если патриархат победил, значит, на определенном этапе он оказался оптимальной системой. Круг предоставляемых природой вариантов организации воспроизводства очень широк. Виды однополые, двуполые, виды, где самка крупнее самца и где самец крупнее самки, виды, не вступающие в долгосрочные отношения для производства потомства и вступающие, образующие моногамные и полигамные союзы, гетеросексуальные и гомосексуальные, виды, где о потомстве заботится самец и где заботится самка. Человек как вид использует далеко не все из возможных вариантов. Можно говорить об эмансипации в современном обществе воспроизводства населения от брачных практик. Однако это будет не совсем верно, потому что практика подобного воспроизводства существовала всегда, изменилось лишь отношение к ней. В целом мы можем исходить из всего наличествующего в природе, но нет ни одной формы, вырывающейся за пределы этой данности. Разнообразие, предлагаемое природой, вероятно, имеет значение для выживания вида. Надежда Хаджимерзановна Орлова пишет: «Вмешательство в творение человека посредством репродуктивных технологий выводит размножение из контекста половой жизни и семьи, сводя его к сумме материальных причин и условий, на которые человек может воздействовать».¹⁹ Не заглядывая столь далеко, хотелось бы сказать, что, может быть и устаревшая, поливариантность союзов между людьми представляется все же привлекательной и гуманной идеей.

¹ Устинова Т. Миф об идеальном мужчине. М., 2004. С. 277, 284.

² Устинова Т. Пять шагов по облакам. М., 2006. С. 333.

-
- ³ Устинова Т. Запасной инстинкт. М., 2004. С. 45.
⁴ Устинова Т. Саквояж со светлым будущим. М., 2006. С. 78.
⁵ Устинова Т. Большая игра. М., 2003. С. 39, 153, 161.
⁶ Устинова Т. Саквояж со светлым будущим. М., 2006. С. 356.
⁷ Устинова Т. Дом-фантом в приданое. М., 2005.
⁸ Устинова Т. Миф об идеальном мужчине. М., 2004. С. 345
⁹ Устинова Т. Саквояж со светлым будущим. М., 2006. С. 374, 375.
¹⁰ Там же. С. 107.
¹¹ Там же. С. 106.
¹² Кон И. С. Мужчина в меняющемся мире. С. 76.
¹³ Зайончковский О. Счастье возможно. Роман нашего времени. М., 2009. С. 77.
¹⁴ В том смысле, что в ресторане подавали мясо антилопы с маринованными орхидеями. Там же. С. 110.
¹⁵ Там же. С. 29.
¹⁶ Там же. С. 148.
¹⁷ Там же. С. 47.
¹⁸ Там же. С. 49.
¹⁹ Орлова Н. Х. Демографические изломы европейской цивилизации // Цивилизация: вызовы современности. СПб., 2009. С. 205.

Е. Э. Соколова

Проблемы мужчин в современной России

Пятнадцать лет назад я занималась гендерными проблемами, защитила диссертацию по феминизму в 1997 году. В центре моего внимания, как и многих, занимавшихся в то время гендеристикой, были женщины. Под «гендерными исследованиями» тогда всегда подразумевались «женские». О проблемах мужчин не говорили до выхода в России книг И. С. Кона¹ и С. Ушакина, а затем – Месснера и Киммела². Кроме того, я много лет занималась психоанализом, и сегодня из всех теорий гендерной социализации психоаналитическая кажется мне наиболее убедительной.

В настоящей статье мне бы хотелось поговорить о проблемах российских мужчин. Как психоаналитик, могу уверенно сказать, что большинство моих клиентов – женщины (соотношение примерно один к четырем). И вовсе не потому, что женщины «больнее», просто мужчинам труднее раскрыться, у них существуют серьезные проблемы с выражением эмоций. Им трудно мыслить в терминах чувств. Если мужчину спра-

шивают: «Что вы чувствуете?», он, как правило, отвечает о том, что думает. В отечественном фильме «О чем говорят мужчины» у героев наблюдается характерное смешение мыслей и чувств. Российский мужчина, вне зависимости от социальной успешности, не в состоянии признаться в какой-либо психологической проблеме, которую зачастую рассматривает как личное банкротство. В то же время проблемы у мужчины есть; возможно, их еще больше, чем у женщины.

Все дело в том, что требования, предъявляемые к российским мужчинам со стороны общества, чрезмерно велики. Ценность мужчины зависит от его успешности в социальной жизни, а также способности обеспечить семью. В то же время воспитание, полученное в детстве, не всегда позволяет соответствовать этим требованиям.

От мужчины в социальном плане требуется многое. Начиная с пресловутых наказов из детства: «Не плачь, ты же – мальчик!», «Умей дать сдачи!», «Помогай маме!»; до требований к юноше и взрослому: «Иди работать!», «Делай карьеру!», «Обеспечивай семью!» и всеобъемлющего упрека «Ну сделай же что-нибудь! Ты же – мужчина!». Требования исходят как от общества в целом через социальные ожидания, систему распределения гендерных ролей и стереотипы, так и от конкретных женщин.

На мой взгляд, за постсоветское время социальные ожидания по отношению к мужчинам возросли. В советское время зарплаты были «средними», и получать такую зарплату было относительно легко. Возможность заработать больше имелась, взяв так называемую «халтуру», но ненамного. Большинство мужчин не хотели перерабатывать, цenia свободное время, общение, хобби, возможность проводить время с семьей. Э. В. Лимонов писал: «В советском кино не было Героя и не было примеров, на которых бы воспитывались мальчишки. Их герои Остап Бендер (жулик-еврей), Никулин, Вицин и Моргунов – пошляки, доминошники, управдомы».³ Под Героем Лимонов имел в виду мужчину-мачо, с мечом или кольтом, владеющего приемами борьбы, в то же время сексуального. Да, таких персонажей действительно было мало. Однако мы помним героев советских фильмов – Бузыкина, Семен Семеныча, Шурика, героев Мягкова в фильмах Рязанова – добрых, застенчивых, неуклюжих, положительных

людей. В постсоветское время ценности изменились. На первое место вышел личный успех, выраженный в материальном эквиваленте. Общество стало навязывать мужчинам соперничество, борьбу всех против всех, конкуренцию с юных лет. Это породило враждебность к другим людям, зависть, а также недовольство собой. «Будь успешен! Неважно, каким образом!» – эта установка отражена сегодня в массовом искусстве; сериалы «Бригада», «Реальные пацаны», «Глухарь» показывают нам маскулильных парней с волевыми подбородками, сильных, бесчувственных и абсолютно не нуждающихся в человеческом тепле и понимании. В российских фильмах и сериалах создается некий «параллельный мир», в котором насущные социальные проблемы общества не замечаются. Складывается ощущение, что их и вовсе нет! Сериалы «Солдаты», «Гаишники» или «Дальнобойщики» формируют повышенные социальные ожидания от мужчин.

В России материальный успех всегда преимущественно достигался работоголизмом или воровством (взяточничеством). Оба пути опасны. Воровство связано с риском попасть в тюрьму, и этот скользкий путь подходит далеко не всем; а работоголизм – тяжелая зависимость, болезнь, сопровождающаяся рядом психосоматических расстройств. За последние годы в крупных психиатрических больницах стали открываться отделения для работоголиков, подавляющее большинство пациентов которых мужчины. В то же время сегодня в России нормально, неаддиктивно работающий мужчина, не вор и не взяточник, редко способен в одиночку обеспечить семью. Таким образом, общество предлагает мужчинам заведомо невыполнимые задачи.

Некоторые спросят, почему при конкуренции, охватившей все общество, я выделяю мужчин, как наиболее страдающих субъектов? Сегодня гендерный менталитет в России таков, что от женщин требуется гораздо меньше. Да, многие женщины работают и делают карьеру. Но согласно опросам, они это делают, в основном, не ради денег, а «в целях самореализации», «чтобы не было скучно», «чтобы заниматься любимым делом» и т. д. Такое отношение женщины к своей работе считается нормальным. В нашей преподавательской среде зарплаты, как известно, неприлично маленькие. Разговаривая с коллегами, я часто слышу: «Работает муж, помогают

родители, иначе я не могла бы здесь работать. Пришлось бы искать работу ради денег»; «Иметь детей и работать в вузе сегодня невозможно». То есть, замужняя женщина может позволить себе «работать не ради денег, а ради удовольствия», взвалив ответственность за семью на мужа.

Наступление на мужчин идет и со стороны женщин. Я опросила своих студенток 20–25 лет в рамках исследования «Гендерная социализация студентов Полярной академии» (2009 год). 66% из них хотят, чтобы их обеспечивал мужчина («Иначе, зачем он нужен?» – добавляют некоторые из респонденток). 25% опрошенных девушек готовы только помогать в вопросах материального обеспечения семьи, но полагают, что основной капитал в семью должен нести мужчина. Кроме того, они считают, что все, заработанное ими, они имеют право тратить только на себя. И лишь единицы готовы наравне с мужчиной обеспечивать семью или брать это целиком на себя.

В Полярной академии учатся студенты разных национальностей. Помимо русских, это – тувинцы, ненцы, алтайцы, якуты, эвенки, буряты. Наиболее потребительские установки в отношении будущего мужа высказывают русские девушки. Тувинки, например, вполне готовы к равному распределению обязанностей в семье, и в их родительских семьях было именно так. Среди алтаек много девушек, готовых взять на себя обеспечение семьи. Тувинцы и буряты наиболее маскулинны, активны, независимы. Среди них редко встречаются те, кто вырос в неполной семье, напротив, как правило, они растут в расширенных семьях.

Требования к мужчине высоки, и многие пытаются им соответствовать. Социолог Майкл Киммел пишет: «Патриархальные ценности, обещающие мужчинам высокий статус и привилегии, играют с ними злую шутку: мужчины расплачиваются поверхностными межличностными отношениями, плохим здоровьем и преждевременной смертью».⁴

Социальная власть важна для мужчин и потому, что она ассоциируется с сексуальностью. У Э. В. Лимонова в одном из рассказов герой-эмигрант, потерявший в чужой стране социальную силу и власть, ставший «ником», живущий на пособие, говорит так: «Но там, – ...я понял, что он имеет в виду нашу бывшую родину, – там у меня была сила, магнетизм, –

...Там я на них, как змей на кроликов, глядел. А если руку на задницу соизволивал класть, – так она сразу чувствовала, что хозяин пришел, и вся под ноги швырялась... Топчи меня, ходи по мне, ешь меня... Здесь я потерял силу... Когда ты не хозяин, то в прикосновении твоём – робость. Чтоб тверда рука была, ты должен победить другого самца или самцов. А здесь мы – никого победить не можем».⁵

Казалось бы, соответствовать требованиям общества могут только маскулинные мужчины. Идентифицировавшись с отцом (в психоанализе – «врагом», «соперником»), они могут жить только по принципу «Я не буду, но и ты не смей». Победить другого самца – вот их задача. Настоящий мужчина – автономный и независимый – ни с кем не должен быть душевно близок, просить помощи; все должен контролировать, а если понадобится, то и драться. Настоящий мужчина много работает, внешне иногда действительно очень успешен. Он мало говорит, не жалуется. Невозможно понять, что он, на самом деле, чувствует. Видя таких мужчин, понимаешь, насколько велик разрыв между личностью и эмоциональной жизнью. Такой разрыв ставит под сомнение психическое здоровье маскулинных мужчин, свидетельствует о глубокой невротической патологии.

Если кто-то нарушает правила, то наступает война – нормальный способ общения мужчин. При опросе своих студентов-юношей я с удивлением узнала, что хотя они не хотят идти в армию («тратить время»), но «с удовольствием пошли бы на настоящую войну по контракту». Лимонов писал в книге «Анатомия героя»: «Многие солдаты делают войну с удовольствием... это есть основная мужская работа».⁶ В книге о семье «Монстр с заплаканными глазами» Лимонов утверждает, что в России мужчину лишили возможности воевать, лишили войны, сделав из армии посмешище. Матери, бабушки, жены образуют «Комитеты солдатских матерей» и решают за мужчин, служить им или нет, воевать или нет. Возможно, именно женское воспитание делает из наших юношей плохих воинов, заставляя проигрывать многие компании. Другое дело – на востоке, даже в наших юго-восточных республиках, мальчики с юных лет растут среди мужчин и учатся у них тому, что юноша должен узнавать именно от мужчины. Недаром восточные отцы при разводе с

российскими матерями так бьются за то, чтобы ребенок остался с ними.

Почему большинство российских мужчин не соответствуют требованиям, предъявляемым к ним обществом и женщинами? Все начинается с воспитания. Сколько сегодня мальчиков в России растут без отцов? Мне попалась цифра – более 50%.⁷ В регионах эти цифры разнятся: в южных республиках РСФСР – меньше в разы, в крупных российских городах – наиболее велики. Среди моих знакомых мужчин меньше трети воспитаны в полных семьях. Среди моих пациентов все(!) мужчины выросли в материнских семьях, часто с бабушками и сестрами. Таким образом, можно утверждать, что большинство мальчиков в России получают «женское» воспитание (оберегающее, оранжерейное).

Оберегающее воспитание хорошо демонстрирует следующий эксперимент: отцы и матери сидят и наблюдают, как их сын валяется в снегу. Большинство отцов вообще не обращает внимания на ребенка (читают газету, пьют пиво) и уходят только тогда, когда сыну надоест игра; меньшая часть мужчин всю игру проводят вместе с сыном, и уходят, когда сыну надоело; и только единицы через какое-то время сами одергивают сына, настаивая на смене занятия. Подавляющее большинство женщин зорко следит за поведением сына. Несколько минут они дают ему на «опасную игру», а затем уводят его. Разница между женщинами заключается лишь в том, какое количество времени они способны выдержать «пытку». И лишь единицы готовы присоединиться к ребенку в процессе игры.⁸

Опасность оберегающего воспитания заключается в том, что долгое время подрастающий ребенок почти не имеет проблем; их за него решают взрослые (в случае неполной семьи – мать). При этом обычно задается высокая планка социальных и жизненных достижений. Лишь когда ребенок достигает некой «точки взрослости» (это обычно связано со старением или смертью родителей или матери), он обнаруживает, что вынужден все решать сам. А это – крайне неприятно, а подчас и невозможно для мужчины. Какое-то время жертва оберегающего воспитания пытается биться за реализацию заданного семьей высокого уровня самооценки, а потом сдается – рано стареет, становится раздражитель-

ным, его самочувствие ухудшается, возникают головные боли, усталость и бессонница. Вот типичная картина неврастения, которую некоторые психиатры называют мужским неврозом. На этом фоне у мужчин часто развивается алкоголизм. «Алкоголь помогал мне добиться в обществе каких-то высот, которые, как я думал, мне нужны. Теперь я знаю, что они были нужны моей матери, которая меня воспитала одна, а вовсе не мне. Борясь с этим миром, пытаюсь все контролировать, как меня учили, я проиграл и стал совсем опустившимся человеком. Теперь вот выкарабкиваюсь» (из рассказа лечащегося алкоголика).⁹

Воспитание в материнской семье не дает мальчику возможности идентифицироваться с мужчиной (соперником); выработать систему ценностей, позволяющих сосуществовать с врагом. Американский исследователь Стивен Бергман считает, что разрыв мальчика с матерью в возрасте 6–8 лет – первое и главное потрясение в жизни ребенка. Однако, не имея возможности для эмансипации, мальчик так и продолжает пребывать с ней в симбиотическом контакте. Это зачастую поощряется матерью, которая, не имея личной жизни, «переносит» на сына нереализовавшееся чувство к мужчине. Ее требования к сыну зачастую напоминают требования именно к мужу; она не желает сыновнего ухода из дома и женитьбы. Мать требует от сына отчета о его расходах, где он был, с кем встречается. Она скорее согласится (подсознательно, конечно), чтобы ее сын начал пить. Тогда она в своей созависимости от него будет ему нужной и полезной. Она будет ругать его, даже бить, но при этом мыть в ванной и укладывать спать. А если в этой ситуации сын уходит, умирает или перестает употреблять, у матери возникает парадоксальное ощущение внутренней пустоты, ненужности и депрессии.

Есть и другая сторона проблемы. Мальчик, выросший с доброй, любящей матерью, сам не хочет уходить из дома, жениться и жить собственной жизнью. Брак воспринимается им как дополнительное бремя, с которым трудно и незачем справляться. «Я живу с матерью. Говорю, чтобы ухаживать за ней, но, на самом деле, она еще вполне могла бы жить сама... Просто она меня не напрягает. Не нервирует, как было бы, если б я был женат. Им (женщинам – Е. С.) все

время что-то нужно. Дети – тоже источник постоянных проблем. Я вообще не понимаю мужчин, которые добровольно взваливают это на себя» (из высказываний знакомого).

В отсутствии мужской фигуры мальчик неизбежно идентифицируется с матерью, формирует «женское» ядро личности. Феминистка-психолог Сандра Бем называет таких мужчин «андрогинами». В 70-е годы прошлого века психологи пришли к выводу, что мужчины-андрогины – хорошие семьянины, ценят выше всего межличностные отношения, дружбу и отцовство. Таким образом, последовал своеобразный призыв женщинам заводить отношения именно с такими мужчинами. Отчасти в этом действительно есть смысл. Однако многие женщины обнаруживают, что не так сильно ценят качества своего мужа-андрогина. Жены, которые вначале были довольны именно дружбой, ощущением равенства с мужьями-андрогинами, начинают требовать от них социальной реализации, успеха, материального достатка, но именно эти требования андрогин выполнить не может. В социальной жизни он, как правило, достигает немногого. Его вполне устраивает стабильная, невысокооплачиваемая работа, которая бы оставляла ему больше времени на семью и, возможно, на хобби. Интересно, что даже женщины, которые сами неплохо зарабатывают, и должны были бы ценить мужей, готовых взять на себя заботы по дому, в душе тоскуют по сильному мужчине, «на которого всегда можно опереться». Одна моя пациентка, вполне успешная в социальном плане, говорит о своем муже с возмущением: «По каждой проблеме он советуется со мной!» По ее мнению, настоящий мужчина не должен снисходить до обсуждения с женщиной своих проблем.

Другой вариант Эдипова комплекса – гипоопека матери, которая в ответ на влечение сына отталкивает его, не дает ему тепла и внимания, часто отсутствует. В таких случаях мальчик не в силах обратить обиду на мать, впоследствии обращает ее на других женщин. «Обиженный женщинами» в поведении своей жены или подруги будет искать предательство, подлость и измену. Не имея опыта душевной близости с матерью, он не сможет ни с одной женщиной установить близкие душевные отношения. В фильме «О чем говорят мужчины» герои отрицают любовь к женщине как духовную и душевную близость; жена для них – как контролер, правду

ей сказать невозможно. Другой пример «обиженных» мужчин – форум сайта «Антивумэн».¹⁰ Названия наиболее посещаемых тем – «Предательство, измена», «Топор в спине», «Бросила», «Я доверял ей во всем, а она изменила мне с лучшим другом», «Жена оскорбляет», «Наконец ушла», «Забрала детей», «Не дает видиться с детьми» – говорят сами за себя.

Женственные мужчины и мужчины, обиженные женщинами, составляют большинство мужчин в нашей стране; это последствия безотцовщины и «женского» воспитания.

Есть еще один аспект мужской дискриминации: сегодня в России мужчина практически не участвует в обсуждении вопроса о рождении своих детей. Все решает мать, нередко теща, но только не будущий отец. Нередко женщина решает забеременеть в тайне от мужа. При незапланированной беременности опять-таки женщина выбирает: оставлять или не оставлять ребенка. Слово «аборт» из уст мужчины воспринимается как кощунство, преступление. Нередко говорят: «Он послал ее на аборт». В то же время, если женщина сама решается на аборт, к ней относятся с сочувствием и снисхождением.

В вопросах воспитания детей после развода мужчина еще более дискриминирован. От него требуют алименты, но ничего не дают взамен. Многие женщины не в состоянии забыть нанесенную разводом травму, и мстят бывшему мужу запретом на общение с их общим ребенком. Во Франции существует понятие «гостевая семья», когда ребенок по полгода живет у отца, и у матери, не только не лишаясь родителей, но и расширяя свой социальный опыт и кругозор. У нас такая практика невозможна. Декларативные действия властей в помощь матерям-одиночкам, например, публичная охота за «алиментщиками–неплательщиками», несправедливые и невыполнимые требования закона по отношению к ним, скорее вредят, чем приносят пользу самим детям, обостряя отношения между их родителями.

Мужчины и женщины в России крайне разобщены, плохо понимают друг друга. Из опыта работы терапевтических групп Ал-Анон (для созависимых, т. е., родственников алкоголиков или наркоманов): в Москве произошло отделение мужской группы от сообщества Ал-Анон. Отделившиеся мужчины так объяснили свой поступок: «наши проблемы не

похожи на проблемы женщин-созависимых; те могут жить со своим алкоголиком по разным причинам, например, материальным, статусным (хоть и пьет, а деньги приносит), из страха одиночества, из-за детей... Что касается мужчин – мужей алкоголиков, то они не бросают их только по одной причине: они их любят».¹¹

Мне хотелось бы надеяться, что мужчины и женщины – во все не существа с разных планет, которые никогда не поймут друг друга.¹² Такая точка зрения – защита для людей, не сумевших построить отношения с противоположным полом, найти любовь. На самом деле, у мужчин и женщин не столь разные эмоциональные потребности: и тем, и другим хочется любви и понимания. В наше время брак и супружество перестали быть только хозяйственными и воспитательными институтами. Тем не менее, люди женятся. Зачем? На мой взгляд, чтобы иметь рядом хотя бы одного человека, с которым можно осознавать то, что переживаешь, и говорить то, что осознаешь. Этот процесс К. Роджерс называл конгруэнтностью. К сожалению, люди сами не понимают, что это – единственная ценность брака.

В то же время приходится признать, что современное российское общество серьезно больно, перспектив к позитивным изменениям не наблюдается; а массовая культура и искусство не отражают реальных проблем, а закрепляют вредные и несокрушимые гендерные стереотипы.

¹ См. Кон И. С. Мужчина в меняющемся мире. М., 2009; Кон И. С. Мальчик – отец мужчины. М., 2009.

² Киммел М. Гендерное общество. М., 2006.

³ Лимонов Э. В. В плену у мертвецов. М., 2002.

⁴ Киммел М. Указ. соч.

⁵ Лимонов Э. В. Муссолини и другие фашисты. Рассказы // Электронный ресурс. Режим доступа свободный: <http://lib.ru/PROZA/LIMONOV/mussolini.txt>

⁶ Лимонов Э. В. Анатомия героя. Смоленск, 1998. С. 12.

⁷ Дементьева И. Ф. Негативные факторы воспитания детей в неполной семье // Социологические исследования, 2001, № 3.

⁸ Модифицированный эксперимент автора из книги Ш. Берн «Гендерная психология».

⁹ Дюжина. Журнал терапевтического сообщества АА. М., 2001, № 1.

¹⁰ См. Электронный ресурс. Режим доступа свободный: <http://www.antiwomen.ru>.

¹¹ Дюжина. Журнал терапевтического сообщества АА. М., 2003, № 4.

¹² Грэй Д. Мужчины с Марса, женщины с Венеры. М., 2005.

А. А. Кондаков

Порядок дискурсов в формировании девиантных черт гомосексуальной субъективности

Порядок вещей

Медиа-дискурс зачастую является транслятором целого ряда «общепринятых», «безусловных», «естественных» истин. Сильное их влияние на общественное сознание поддерживается их предполагаемой истинностью, и в то же самое время конструируется через их восприятие в качестве истинных. Однако формальных механизмов формирования истины у медиа-дискурса нет. Юридический дискурс имеет власть и возможность определять истину через «правосудие». Религиозный – через веру в «необъяснимое». Научный дискурс устанавливает истину посредством знания и экспериментального доказательства. Механизм медиа-дискурса в этом отношении – апелляция к тому, что потребителю уже знакомо, к той истине, которая и является «неоспоримой».

Особенно данная ситуация характерна для коммерческого игрового кино, часто критикуемого за поверхностность и схематичность изображения персонажей. Но даже в попытках производства более глубокого кинопродукта находится место для сознательного или неосознанного обращения к «общепринятым» истинам. Власть дискурсов такова, что механизмы ее действия чаще остаются потаенными для объектов власти, а истины воспринимаются естественными без попыток критического осмысления. Так при съемках кинофильма воспроизводится «вечный» порядок вещей, тем не менее, уже самим фактом создания этого фильма изменяемый.

В создании персонажа фильма и в процессе конструирования субъекта дискурса существует важная взаимосвязь: власть дискурса формирует представление создателя персонажа о самом этом персонаже, а конечный продукт влияет на реформирование дискурса, власть которого сконструиро-

вала персонаж. Медиа-дискурс – это популярный дискурс. Его власть может оказаться важнее для формирования как «истинных» представлений широких масс, так и субъекта дискурса, чем власти институциональных дискурсов. Однако без формального (институционального) механизма формирования самой истины, медиа-дискурс является вторичным по отношению к тому, о чем повествует. Иными словами, такой дискурс формирует свою истину под влиянием других дискурсов, производящих истину первой инстанции. При этом истина, вписываемая в формат масс-медиа, вынуждена соответствовать важному требованию – хорошо усваиваться публикой.

Критический дискурс-анализ, предложенный Мишелем Фуко в его работах, позволяет вскрыть механизмы формирования дискурса, силы властей, участвующие в конструкции субъективности, взаимосвязи интердискурсов. По утверждению Фуко, ничто в мире не имеет смысла без соответствующе сформированного дискурса, определяющего то или иное понятие.¹ Собственно, именно дискурсивные практики наделяют понятие конкретным смыслом, переформулируют его в конкретных исторических и политических реалиях. Один и тот же концепт воспринимается нами по-разному в зависимости от сил, действующих на него в пределах отведенного для этого концепта дискурса. Более того, позднее Фуко предположил существование некоего порядка дискурсов, обусловленного силой воздействия конкретного дискурса, возможностью формулировки им «истинных» смыслов через работу, оценку, распределение и атрибуцию знания.² Так каждый дискурс становится более или менее значимым в разные исторические периоды, по-разному влияет на другие дискурсы и объекты, вдруг всплывает из забвения или неожиданно пропадает в вечности.

Роль медиа-дискурса в этой системе все же всегда остается вторичной. Ни кино, ни даже высокая литература не формулируют истину сами по себе, но пользуются уже имеющимся набором. Важным моментом становится выбор той истины, которая будет представлена на обозрение широким массам. Обстоятельства этого выбора станут предметом дальнейшего анализа.

Веселые ребята

13 октября 2009, более года назад, на большие экраны России вышел первый фильм отечественного производства о гомосексуалах «Весельчаки», выполненный командой вполне признанных киноработников.³ Режиссером и автором сценария стал профессионал, долгое время работающий на «Первом канале». В главных ролях заняты артисты, засветившиеся во многих популярных кинопроектах страны: от «русского финна» Вилле Хаапасало до восходящей звезды Малого драматического театра Европы Даниила Козловского. Будучи первым немалобюджетным российским фильмом на эту тематику, «Весельчаки» репрезентируют львиную долю гомосексуальной формации в целлулоидном дискурсе массовой культуры.

«Весельчаки» состоит из нескольких историй жизни мужчин, выступающих в женских одеждах под фонограмму в одном из московских кабаре. Молодая журналистка берется написать статью об этих людях. Они встречаются в кафе, чтобы рассказать о своей жизни во всеуслышание. Главная цель журналистки – выяснить причины отказа мужчин от нормативных форм поведения и их преданность практикам противоположного гендера.

И хотя формально фильм рассказывает вовсе не о гомосексуалах, а о трансвеститах, многое наталкивает зрителя на мысль о том, что кино все же о геях. Уже самое название фильма – «Весельчаки» – настраивает на нужный лад: «gay» по-английски «веселый». С самого начала фильма его главные герои настойчиво форсируют самоидентификацию в вульгарных терминах русского языка. В этом их поддерживают и второстепенные персонажи, без устали повторяющие: перед нами «пидоры». Собственно, как только зритель уясняет эту прописную истину, фильм продолжает рассказ о том, о чем он и мог быть задуман – о мужской гомосексуальности. Травести-шоу в данном случае лишь оправдание попытки раскрыть иные темы, скрытые еще большим слоем замалчиваний в российском кино, чем трансвестизм. Более того, это и лишний повод подчеркнуть «общепризнанный факт»: все травести – гомосексуалы, и все гомосексуалы – травести.

Таким образом, истории жизни, рассказываемые героями, – это истории жизни гомосексуалов, это попытка определить причины не трансвестизма, но гомосексуальности. Текст фильма вовлечен в круговорот дискурсов, определяющих сексуальность и сопровождающих ее термины и концепты. Фильм «Весельчаки» оперирует несложным набором понятийного аппарата. Но само построение структуры фильма претендует на рассказ «реальной истории», то есть презентацию настоящей («некиношной») истины. Структура фильма оспаривает право артикуляции истины у науки, используя научный механизм определения истинности суждений. Герои фильма – представители разных возрастных категорий, разного социального статуса, разного уровня образования, разного семейного положения. С самого начала мы понимаем, что выборка взята настолько удачно, что она позволяет делать серьезные обобщения, которые в свою очередь приписывают данные об этих людях всей социальной группе, которую они представляют.

Хочется отметить тот факт, что «Весельчаки», скорее всего, задумывался как дружественный к гомосексуалам фильм, способный оправдать гомосексуальность, а не стигматизировать геев. Однако следует понимать, что даже «хорошее» дело в реальности может оказаться тлетворным ввиду подчинения текста кино силам управления дискурсов, в рамках которых развивается дискурсивная формация, взятая создателями фильма в качестве темы. Зависимость истины от дискурсов, в которых она была сформирована, может стать определяющей силой, реконструирующей субъект в кинопродукте – героя.

Как уже говорилось выше, дискурс может исчезать и появляться, с новой силой воздействуя на свои объекты, в разные исторические периоды. Также верно и то, что в рамках разных дискурсов исторически «мертвые» дискурсивные формации могут оживать, являя себя во всем «великолепии» старых добрых истин. Кажется, случай «Весельчаков» с поразительной очевидностью доказывает эту закономерность.

Труд Краффта

Истоки научной «истины» о гомосексуальности и ее причинах следует искать в далеком XIX веке. Поворотным момен-

том в изучении сексуальности стала книга, опубликованная Рихардом фон Краффт-Эбингом в тот самый момент, когда наука отвоевывала знание о сексуальности и власть устанавливать истину по поводу сексуальности у церкви. По утверждению Фуко, именно благодаря этим процессам появляется и сам термин «сексуальность» и особая область, ее исследующая, – психология секса.⁴ Более того, Краффт-Эбинг стал одним из первых использовать термин «гомосексуал» в поздних переизданиях своей работы.

«Psychopathia Sexualis с особым вниманием к антипатичному половому инстинкту: судебно-медицинские исследования» Краффта-Эбинга представляет собой набор «историй болезни» людей, чьи сексуальные практики отличаются от гетеронормативного поведения. Гомосексуалы попали в этот список. Главная задача исследователя – подтвердить свою гипотезу о происхождении сексуальных «перверсий» у индивидов. По мнению Краффта-Эбинга, причина заключается в дегенерации и мастурбации. «По разным причинам, тем не менее, (из-за неврастения, ипохондрических страхов, и т. д.) индивид может воздерживаться от мастурбации. Порой при таких обстоятельствах, скотоложство тоже не вариант. Тогда-то сексуальные отношения с партнером одного пола оказываются кстати – как результат трансформации чувства дружбы, которое на уровне патологической сексуальности легко ассоциируется с сексуальным чувством».⁵

Описание случаев гомосексуалов занимает 30 страниц текста книги между главами о зоофилии и некрофилии в главе о запрещенных законом сексуальностях. «Обычные» случаи гомосексуальности описаны в другой главе – «Общие патологии». Наиболее удачно текст Краффта-Эбинга проиллюстрирует отрывок из самой книги: «Случай 169. *Негативный сексуальный инстинкт, полученный вследствие мастурбации.* Мистер Икс, коммерсант, 29 лет. Родители отца здоровы. Неврозов в семье отца не обнаружено. Сам отец был раздражительным, капризным стариком... Мать умерла в тюрьме, когда пациенту было 6 лет; у нее был глубокий, грубый мужской голос и вульгарная внешность... Первый сексуальный опыт был получен в возрасте десяти-одиннадцати лет, он научился мастурбировать у других мальчиков и практиковал групповой онанизм с ними... В семнадцать лет он

был втянут в акт взаимного онанизма с женщиной, занимающимся любовью с другими мужчинами за деньги. Он нашел в этом удовлетворение... Удовлетворение он испытывал только в том случае, когда исполнял пассивную роль в акте совместной мастурбации».⁶

Краффт-Эбинг связывает гомосексуальность не только с мастурбацией, но и объясняет причины появления «обратной сексуальности» теорией дегенерации, весьма популярной в середине XIX века в Европе.⁷ Дегенерация передается по наследству. Родители, их наличие и их психическое состояние играют, по Эбингу, решающую роль в предрасположенности к гомосексуальности у ребенка.

Теория дегенерации включает в себя широкий спектр осуждаемых качеств личности и форм поведения: алкоголизм, неврастения, бедность, которые в свою очередь приводят к возникновению преступности и, по Краффт-Эбингу, сексуальных перверсий. Достаточно родителям ребенка быть дегенератами (употреблять алкоголь или страдать меланхолией), чтобы ребенок стал гомосексуалом, уже сам «зараженный» дегенерацией. Еще одна черта личности гомосексуала, согласно «Psychopathia Sexualis», – это безответственность, поверхностность в отношении к жизни.⁸ Альтернативой этому автор считает воздержанность, воспитанность, серьезность. По его логике, с помощью этих благодетелей можно избежать возникновения гомосексуальности – достаточно воспитать ребенка, который воздержится от мастурбации, неминуемо ведущей к возникновению влечения к своему полу.

Однозначное отнесение гомосексуальности к медицинской сфере стало «коронным номером» Краффта-Эбинга. Он оспорил как власть церкви, так и власть юриспруденции на гомосексуальность. Идеи, изложенные ученым, стали определяющими в понимании гомосексуальности в XX веке. Мужские половые гомосексуальные практики в книге Краффта-Эбинга совершают плавный переход из категории исключительно уголовных преступлений и греха в категорию тяжелых психических заболеваний.

Происходящие перемены не остаются незамеченными другими учеными. Книга Краффта-Эбинга становится популярной и выдерживает множество переизданий. Она перево-

дится на несколько языков, включая английский. Фуко считает, что именно в это время формируется мощный медицинский дискурс о гомосексуальности, позволяющий появиться и новому субъекту – гомосексуалу.⁹

Черты появившейся идентичности – это ее диагноз. Фуко придает огромное значение исповеди – рассказу о запретном – в истории Европы.¹⁰ Исповедь – есть безусловная истина, произнести которую имеет власть сам человек. Экспроприация истины наукой, соответственно, происходит через кодификацию исповеди,¹¹ а также через ее интерпретацию.¹² В новых условиях «тот, кто слушал, был не просто господином, способным даровать прощение, наказывать или оправдывать, но был повелителем истины».¹³ Однако «целью такого дискурса не является установление истины, но предотвращение самого ее появления».¹⁴ Форма истины, доступная медицине, – это и есть диагноз, установление факта болезни. Медицинский дискурс сделал возможным категоризацию сексуальных практик, их разделение на «нормальные» и «аномальные» (патологизацию).

Наиболее значимым в контексте данного исследования становится то, что «Psychopathia Sexualis» «в конечном счете, задает тон не только в медицинских кругах, но и в повседневной жизни».¹⁵ Через работу регулятивной функции дискурса – через управление – знание или «истина» (медицинский диагноз) о гомосексуальности становится доступной каждому, чтобы регулировать субъект дискурса через распределяемую в обществе власть в фукианском понимании ее смысла.¹⁶

Спустя век

С тех пор знания о гомосексуальности были значительно преумножены. Тысячи работ в разных научных дисциплинах опровергли выводы Краффта-Эбинга, а в конце прошлого века гомосексуальность вообще была вычеркнута из списка заболеваний. Однако понимание гомосексуальности в широком разнообразии дискурсов вычеркнуть не так просто. Идеи могут растворяться в небытии, так же точно они могут из небытия появляться вновь. Это появление и наблюдается в фильме российского производства «Весельчаки». «Истории жизни», представленные в картине, – это «истории болезни» Краффт-Эбинговского свойства.

1-я история болезни. Феломена Безродная – Фира (Алексей Климушкин), средних лет, родителей не знал. Воспитывался дедом-генералом. Алкоголик. Состоит в длительных партнерских отношениях с мужчиной, однако не хранит ему верность. Поверхностность Фиры является одной из основных присущих ей дегенеративных патологий. Узнав о положительном статусе на ВИЧ и о прекращении отношений с партнером в связи с этим, Фира отправляется с друзьями веселиться на генеральскую дачу.

2-я история болезни. Гертруда – Геля (Иван Николаев), около 20 лет. Мать – властная истеричка, портниха. Отца не знал. Страдал меланхолией, клептоманией; чувствовал себя одиноким; алкоголик. Первый сексуальный опыт получил в школе с парнем, который являлся его обидчиком.

3-я история болезни. Алексей Викторович – Лара (Павел Брюн), средних лет, мать – учитель химии, отца не знал. Спокойный, невротами не страдает. В женское переодевается только на сцене. Будучи студентом технического вуза, был атакован приставаниями ректора-трансвестита (круглого сироты, кстати). После того эпизода поступил в театральное и занялся творческой деятельностью.

4-я история болезни. Людмила Марковна Мохнатая – Люська (Даниил Козловский), около 25 лет. Мать страдает всем набором дегенеративных патологий: алкоголизм, неврастения, бедность. Отец был алкоголиком. Сестра находится на содержании в интернате. Люська склонен к необдуманным поступкам, вечно неудовлетворен собственной жизнью, ипохондрик. Сексуальных контактов с противоположным полом боится. Занимается трансвестизмом из-за потребности в деньгах.

5-я история болезни. Розалинда – Роза (Вилле Хаапасало), отношения с родителями неизвестны. Женат на женщине, находящейся в тюрьме за воровство. Вспыльчив. Испытывает неудовлетворенность от собственной жизни, ипохондрик. Вовлекается в сексуальную аферу с маньком-убийцей педофилов (сам является жертвой педофилии). В данном эпизоде педофилия в какой-то степени отождествляется с гомосексуальностью.

Эти «истории болезни» наделяют гомосексуальный субъект качествами, которые были описаны Краффт-Эбингом: пси-

хически неуравновешенный, истеричный, поверхностный, легкомысленный человек, к тому же злоупотребляющий алкоголем и совершающий прочие «дегенеративные» действия. Истоки гомосексуальности лежат в наследуемой дегенеративности индивидов: отсутствии родителей, неврастении, алкоголизме и полном наборе «патологий». Добавляются и «истины» новых дискурсов о гомосексуальности: ВИЧ – болезнь геев, педофилия – угроза, от геев исходящая.

Таким образом, медиа-дискурс формулирует «истины» усопшего медицинского дискурса XIX века в новой реальности, рассчитывая на то, что в качестве предрассудков эти «истины» уже существуют в общественном сознании. Здесь власть старого медицинского дискурса перекликается с властью общественного российского дискурса. Истина конструируется через отношение сторонних интердискурсов, а не в результате каких-либо формальных механизмов, которыми обладает сам производитель текста. Эти «истины» воспринимаются автором как естественные, сами собой разумеющиеся. Оспаривать их для производства оригинального мнения даже не приходит в голову – власть регулятивной функции управления дискурсов подавляет сопротивление «истине».

В то же время, этот фильм – есть попытка масс-медиа узурпировать истину о гомосексуальности, артикулировать ее в своем жанре через средства науки, то есть доказать формально эмпирическими «реальными историями». Однако эта попытка заведомо обречена на провал: истина институциональна.

Среди свойств наиболее сильных дискурсов есть и еще одно. Некоторые из них способны наиболее успешно воскрешать мертвые дискурсивные формации прошлого. Пальму первенства в этом процессе, пожалуй, следует отдать политическому дискурсу, контролирующему порядок как общественного, так и медийного текстов. Влияние политического дискурса просматривается и в фильме «Весельчаки». Российская политическая власть стигматизирует гомосексуальный субъект в своих законах, программах, дискуссиях,¹⁷ тем самым задавая порядок дискурсов – вызывая призраков теории дегенерации из забвения.

Так фильм, который изначально мог задумываться как кино для геев, гомофильский продукт, в результате воздейст-

вия на него целого ряда более властных дискурсов, по сути, репродуцирует дискриминационные предрассудки о гомосексуальности, неосознанно навязывает ей психическую девиантность. Изначальный посыл проигрывает в интердискурсивной борьбе и воспроизводит правду сильных – истину гетеронормативности, из шкафа которой ускользнули странные «перверсивные» элементы. Ускользнули не с пустыми руками – прихватив с собой массу «девиантных» черт, которыми наделил их медицинский дискурс.

¹ Фуко М. Археология знания. Киев, 1996. С. 49–50.

² Foucault M. The Order of Discourse // Untying the Text: A Post-Structuralist Reader. London, 1981. P. 55.

³ Под «признанными киноработниками» я скорее имею в виду то понятие, которое соответствует английскому «mainstream» и противопоставляется независимому кинематографу.

⁴ Foucault M. The History of Sexuality. Vol. 1. An Introduction. New York, 1978. P. 105.

⁵ Krafft-Ebing R. Psychopathia Sexualis with Especial Reference to Antipathic Sexual Instinct. A Medico-Forensic Study. New York, 1906. P. 288.

⁶ Ibid. P. 451.

⁷ Мондмор Ф. Гомосексуальность: Естественная история. Екатеринбург, 2002. С. 57.

⁸ Krafft-Ebing R. Op. cit. P. 572.

⁹ Foucault M. The History of Sexuality. Vol. 1. An Introduction. New York, 1978. P. 43.

¹⁰ Ibid. P. 63–65.

¹¹ Ibid. P. 65.

¹² Ibid. P. 66.

¹³ Ibid. P. 66–67.

¹⁴ Ibid. P. 55.

¹⁵ Oosterhuis H. Stepchildren of Nature: Krafft-Ebing, Psychiatry, and the Making of Sexual Identity. Chicago, 2000. P. 47.

¹⁶ Подробно см.: Deleuze G. Foucault. Minneapolis, 2006. P. 70.

¹⁷ Kondakov A. The Invisible People: Gay and Lesbian Subjects of Discourses in Russia. Saarbrücken, 2010. P. 32.

**Женские и мужские роли
в традиции петербургского литературного салона**

*Люблю я парадоксы ваши...
М. Ю. Лермонтов*

Одним из наиболее важных аспектов культурологического исследования Петербурга является бытовая культура горожан, изучение которой позволяет наилучшим образом почувствовать как характер жизни города, его атмосферу, словом, все то, что мы называем его «духом», так и попытаться представить себе ту или иную эпоху через призму самовыражения его жителей. В данном контексте предметом исследовательского интереса выступают гендерные роли участников литературных салонов как одного из ярких явлений культуры города.

Женские и мужские образцы поведения в литературном салоне (как формы духовной жизни избранного круга интеллектуальной элиты) представлены в период наибольшего расцвета салонной культуры Петербурга на примере реальных исторических личностей и героев страниц произведений русской литературы.

Наибольший расцвет культуры петербургского литературного салона приходится на первую треть XIX века, и связан с аристократической интеллектуальной элитой в России. Учитывая тот факт, что русский романтизм являлся не только художественным направлением, но и ведущим мировоззрением в дворянской среде того времени, духовная атмосфера эпохи способствовала формированию целого поколения людей героического порыва и действия. Для эпохи романтизма общепризнано стремление к слиянию жизни и литературы. «Стихотворения стали сливаться в лирические циклы, образующие «поэтические дневники» и «романы собственной жизни», а биографическая легенда сделалась неотъемлемым условием восприятия того или иного текста как художественного».¹

Характерно, что столичные русские аристократы пытались сравнивать и соизмерять себя с европейцами, не оставляя

без внимания и все то, что было доступно из шедевров мировой литературы, благодаря чему можно было «померить» себя Байроном или Шиллером. Среди них известен Петр Чаадаев, известный денди своей эпохи, образ которого сформирован не без подражания шиллеровскому маркизу Поэе. Однако при всех заимствованиях и параллелях для интеллектуальной элиты всех эпох характерным является стремление к неповторимому и индивидуальному пути, особому личному поведению и реализации собственных талантов.

Касаясь «золотого века» салонной культуры, важно обратить внимание на возрастающую роль женщины в культуре эпохи. Под воздействием русской литературы конца XVIII – начала XIX века создается тип высокодуховной женщины. Благодаря поэзии Жуковского, «женщине, возвышенной до идеала, отводилась область высоких и тонких чувств. Мужчина же должен был быть ее защитником-служителем. Конечно, романтический идеал с трудом прививался к русской реальности», – пишет Ю. М. Лотман, – «как правило, он охватывал мир дворянской девушки – читательницы романов, погруженной душой в условные литературные переживания и черпающей в них “чужой восторг, чужую грусть”». ² В частности, примером объекта рыцарского поклонения была Александра Воейкова – «Светлана» из баллады В. А. Жуковского.

Однако известны и другие образы – хозяйек салонов. В эпоху господства романтических представлений об идеальном женском типе Александра Смирнова-Россет, являясь «одним из изящнейших украшений» эпохи, была носительницей трезвого и рационального взгляда на жизнь. Проведя большую часть своей жизни «в тревоге пестрой и бесплодной большого света и двора», она «Смеялась над толпою вздорной, / Судила здраво и светло, / И шутки злости самой черной, / Писала прямо набело». ³ На страницах «Евгения Онегина» встречается героиня с инициалами – Р. С. «Создавая этот образ, поэт видел живую Россет с характерной для нее смелой и свободной манерой обращения с окружающими, с ее «знаменитыми» парадоксами, искрометным юмором и склонностью к серьезным, далеко не светским по своему содержанию разговорам на балах и раутах». ⁴

Согласно Ю. М. Лотману, «хозяйка петербургского салона соединяет остроту ума, художественную одаренность с кра-

сотой и привлекательностью. Посетители салона привязаны к ней скорее не узами, соединявшими энциклопедистов в том или ином салоне, а коллективным служением рыцарей избранной даме. Таковыми были салоны Софьи Пономаревой в 1820–1823 годах и Зинаиды Волконской во второй половине 20-х годов.⁵ Поклонение хозяйке дополняет лирика альбомной поэзии, наполненная многочисленными шуточными стихами, отражающими, в свою очередь, игровой характер салона. Литературный салон мог быть организован не только хозяйкой, но и хозяином или семейной парой, что было обусловлено особенностями русского бытового поведения, отношения к институту брака и часто нежными и дружескими отношениями супругов, обладающих кругом общих друзей. Выразительным примером служат вечера в доме Дельвига, в салоне Олениных, в гостиной Карамзиных.

Игровой характер, свойственный таким формам организации, как литературный салон, может допускать и «необычный» тип поведения «героев» салонов. Выбор того или иного сценария поведения являлся, по сути, выражением собственной индивидуальности – от светского *«comme il faut»* до экстравагантного, эпатажного. Образ одной лишь Софьи Дмитриевны Пономаревой – хозяйки известного петербургского литературного салона в 1820-х гг., которая, по словам Измайлова, «Была, как Грация мила, / И образованна как Музы», – стоит того, чтобы о нем писали. Представляется обоснованным обратиться к работе Ю. М. Лотмана «Перевернутый образ»,⁶ в которой ученый рассуждает о противоположности двух моделей дамского поведения в обществе. С одной стороны, это экстравагантное, «артистическое» или «любовно-романтическое» поведение как проявление собственной индивидуальности, способом выражения которого мог быть литературный салон. С другой – *«comme il faut»*, главным признаком которого являлась светская безликость, когда своеобразие приравнивается к неприличию, что свойственно светской гостиной. Примером первой модели является поведение С. Д. Пономаревой, которая «подняла», по словам Ю. М. Лотмана, «быт на уровень искусства» и салон которой в 1820-е годы являлся настоящим «произведением искусства». В качестве иллюстрации ко второй модели Ю. М. Лотман приводит пример салона старшей дочери

Н. М. Карамзина Софии Карамзиной: «Салон Екатерины Андреевны и Николая Михайловича Карамзиных при жизни писателя был одним из культурных центров Петербурга 1810-х годов... Теперь... в 30-е гг. – картина резко изменилась, и это тем более заметно потому, что хозяйка салона убеждена, что сохраняет традицию своего отца. Салон Софии Карамзиной лишен своего интеллектуального культурного центра. Он представляет собой хорошо налаженную машину безликого светского общения».⁷ Описание этого салона можно найти в записках А. Ф. Тютчевой,⁸ где представленная картина сильно напоминает сцену из «Войны и мира» Толстого. При этом «эмоциональная оценка в романе Толстого прямо противоположна, но это тем более подчеркивает сходство самой картины. Корень этого сходства в принципиальной ориентации на неоригинальность как высший идеал салона. Характерно и то, что салон Карамзиной показан нам в 1830-е годы, Анны Павловны Шерер – в 1800-е; несмотря на это, в них царит совершенно одинаковая атмосфера».⁹

Возвращаясь к образу С. Д. Пономаревой, обратим внимание на то, что самими современниками ее поведение отмечено как крайне обольстительное, но при этом непредсказуемое и капризное. «Она бросала перчатку, воздвигая свой “пьедестал”, как станут говорить десятилетием позже. Пьедесталом были ум, красота, образованность, дарования. Весь этот арсенал – привлекательный и опасный – составлял ее силу в психологических поединках, в непрерывных единоборствах, где противник обладал равными качествами... В этом было творчество петербургской Цирцеи, – и, когда все стадии любовного чувства были пройдены и увенчаны победой, – она оставляла свою жертву, чтобы избрать себе другую. Ни разу, кажется, эти романы не окончились «соблазнительной связью», как скажет Баратынский, вспоминая о Закревской, – и, естественно, напрашивается сравнение их с «domnei» – «служением» средневековых трубадуров, и с любовным эпистолярным романом французского XVIII века. Но «роман переносился в жизнь или жизнь организовывалась как роман, – бессознательно, а, быть может, отчасти и сознательно», – пишет В. Э. Вацуро.¹⁰ Исследователь анализирует письма и дневники Ореста Сомова и отмечает, как в салоне

Пономаревой появляется тема «Армиды» из рыцарской поэмы. «Облик старинной обольстительницы сквозил в его письмах; в дневнике он нашел слово и произнес его... Орест Сомов берет в руки рыцарскую поэму, ища в ней современного жизненного содержания. И, конечно же, Пономарева делает то же самое... Она должна была узнать модель своего собственного поведения». ¹¹

Таким образом, выбирая себе тот или иной сценарий поведения, хозяйка литературного салона стремится подчеркнуть свою индивидуальность и неординарность. Экстравагантным представляется и образ княгини Е. И. Голицыной, которую в Петербурге прозвали *La Princesse Nocturne*. Ее литературный салон функционировал только для «посвященных» и только в полночь. Беседы в нем длились до самого утра.

В эпоху романтизма черты характера зачастую становились элементом эстетической системы согласно ориентации на единство «песни и жизни». Характерным примером этому может служить комплекс представлений, связанный с восприятием легенды о лениости Дельвига 1800-х годов, поведение которого соответствовало установке карамзинистов, согласно эстетике которых существовало многообразие поведений как выражение поэтического отношения к жизни. Так черты образа идеального поэта переплетались с чертами самого характера Дельвига – хозяина одного из самых примечательных литературных салонов Петербурга первой трети XIX века. Отрывок из письма И. И. Дмитриева к В. А. Жуковскому (1805 г.) иллюстрирует этот образ: «Если бы я умел рисовать, то представил бы юношу, точь-в-точь Василия Андреевича, лежащим на недоконченном фундаменте дома; он одною рукою оперся на лиру, а другою протирает глаза, смотрит на почтовую карету и, зевая, говорит “Успею!”» ¹² Интересным является и образ князя В. Ф. Одоевского. Вот как он представлен в описании И. И. Панаева: «Его привлекательная симпатическая наружность, таинственный тон, с которым говорил он обо всем на свете, беспокойство в движениях человека, озабоченного чем-то серьезным, выражение лица постоянно задумчивое, размышляющее, – все это не могло не подействовать на меня. Прибавьте к этому оригинальную обстановку его кабинета, уставленного необыкновенными столами с этажерками и с таинственными ящич-

ками и углублениями; книги на стенах, на столах, на диванах, на полу, на окнах – и притом в старинных перга-ных переплетах с писанными ярлычками на задках; портрет Бетховена с длинными седыми волосами и в красном галсту-ке; различные черепа, какие-то необыкновенной формы склянки и химические реторты. Меня поразил даже самый костюм Одоевского: черный шелковый, остроконечный колпак на голове, и такой же, длинный до пят, сюртук – делали его по-хожим на какого-нибудь средневекового астролога или алхи-мика». ¹³

Литературные салоны, достигнув своего небывалого рас-цвета в первой трети XIX века, в дальнейшем, уже в 30–40-е годы, утрачивают статус центра культурной интеллекту-альной жизни, все больше превращаясь в кружок. «Ренес-санс» петербургских литературных салонов наблюдается в конце XIX – начале XX века, что вполне обусловлено иной культурной ситуацией, постепенно сложившейся к концу столетия, а также новой эстетической парадигмой «серебря-ного века» русской культуры. Возникновение символизма как философско-эстетической теории и художественного на-правления эпохи повлекло за собой изменение мировоззре-ния интеллектуальной элиты и принятия ей так называемого «декадентского» стиля жизни. В «Петербургских зимах» Геор-гия Иванова ¹⁴ великолепно показана атмосфера литератур-ной жизни Петербурга «серебряного века», в частности, рас-сказано о «башне» «Таврического мудреца» – Вячеслава Иванова, где проходили не только знаменитые литературные «среды», но и более камерные встречи – «вечера Гафиса». «Участники “вечеров” облачались в “восточные” одежды и располагались в “пиршественном зале”, убранном в “восточ-ном” духе. У каждого было свое прозвище, взятое из антич-ности или мифов Востока: Кузмин звался Антиноем, Сомов – Алладином, Иванов – Гиперионом (имя героя романа Гель-дерлина), Зиновьева-Аннибал – Диотимой (имя героини того же романа и в то же время – из “Пира” Платона). За легким ужином пили вино. Разговоры... велись только о прекрасном и отвлеченном, об искусстве. В зале витал дух всеобщей влюбленности – и параллель с античными пирами возникала поневоле». ¹⁵

Проследивая ситуацию во времени, отметим, что на после-революционном этапе развития отечественной культуры наблюдается период так называемого «безвременья» для неофициального общения, хотя и здесь можно обнаружить традиции литературного салона. Среди них салон семьи Гревых в 20-е годы XX века, который посещали А. Ахматова, Е. Шварц, Д. Хармс, Н. Олейников, Д. Шостакович и другие. Петербург этого времени, по мысли Михаила Бахтина, был карнавальным городом. «Все установившиеся веками иерархические барьеры были здесь разломаны, традиционные ценности выброшены, религия подверглась “карнавальной” профанации, и на поверхность всплыли многочисленные эксцентрики разных сортов. Все это, по Бахтину, были важные признаки карнавальной культуры. Они отразились в музыке Шостаковича, прозе Зощенко, стихах Заболоцкого и причудливых выходках Хармса, которые тот называл “фортиками”. Карнавальным духом наполнены картины Филонова».¹⁶

Живой интерес вызывает так называемый «сайгоновский период русской литературы», когда во вторую половину 60–70-х годов XX столетия наблюдается новый всплеск интереса к подобным формам интеллектуальной жизни и центр неформального общения литераторов сосредотачивается, главным образом, в кафе. Среди них наиболее известным являлось кафе на Малой Садовой в Ленинграде, а также легендарный «Сайгон». «Колоритного Кузьминского, бородастого, длинногривого, в экстравагантных желтых кожаных штанах и с тростью в руке, можно было увидеть громогласно декламирующим свои футуристического толка поэмы в любимом месте сборищ ленинградской богемы»¹⁷ и не только... В «Сайгоне» можно было осведомиться о квартирных выставках в «литературном салоне» Константина Кузьминского, о поэтическом вечере у Юлии Вознесенской, обменяться самиздатовскими книжками. «Богемно-артистический» стиль «литературного салона» К. К. Кузьминского отмечен современниками. Юлия Вознесенская, свой “салон” на улице Жуковского «немножко искусственно создавала, специально “взрачивала”... Юлия как будто играла роль хозяйки салона начала века, немного взбалмошной, эксцентричной».¹⁸

Игровой характер определенного сценария поведения характерен для литературного салона Елены Шварц. Вот как

описаны эти вечера современником: «В первой половине 1970-х мы проводили на Лениной квартире так называемые “Шимпозиумы”. Это было очень любопытное мероприятие – изобретение самой Лены. Во время заседаний мы все старательно изображали обезьян и носили соответствующие клички: Шимп, Оранг, Горилл, Макак. Я фигурировал под кличкой Брат Ленивец. На этих “Шимпозиумах” мы по очереди читали доклады, в основном по литературной тематике. По окончании доклада слушатели голосовали разноцветными шнурочками: самой высокой оценкой был черный шнурок, затем – белый, самой низкой красный. Мы были очень строгими судьями: высший приз был присужден только единожды, по-моему, хозяйке».¹⁹

Интересно, что в центрах литературной и интеллектуальной жизни Ленинграда периода «андеграундной» культуры, дружба и неофициальные связи в большей степени предпочитались официальным бракам. «Именно дамы делали из нас донжуанов», – отмечает Олег Охупкин. – «Поэт в “Сайгоне” – это почетно, это такая публика, такие салоны, знакомства... Но никто за нашу братию замуж не выходил».²⁰

В заключение хотелось бы сказать о том, что перед исследователем современных форм литературного общения встает вопрос о правомерности их определения в категориях знаменитых петербургских салонов. И возможен ли литературный салон в наши дни? Позволим себе утверждать, что литературный салон как явление культуры продолжает оставаться эффективной формой живого интеллектуального непринужденного общения и в последующие эпохи. Безусловно, меняется его типологический характер, функциональное значение, практически исчезает «домашность». Тем не менее, и сегодня литературный салон в наиболее яркие периоды своего расцвета может служить ориентиром при выборе модели живого интеллектуального общения, дефицит в котором испытывает не только современная интеллектуальная элита, но общество в целом. Различные сценарии женского и мужского поведения в петербургском литературном салоне могут быть интересны и применимы для современной интеллектуальной элиты, перед которой по-прежнему стоит проблема социокультурной самоидентификации.

-
- ¹ Лотман Ю. М. Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века // Труды по знаковым системам. VIII. Тарту, 1977. С. 88.
- ² Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII–начало XIX века). СПб., 1994. С. 59.
- ³ Иезуитова Р. В. «В тревоге пестрой и бесплодной...» // Петербургские встречи Пушкина. Л., 1987. С. 256.
- ⁴ Иезуитова Р. В., Левкович Я. Л. Пушкин в Петербурге. Л., 1991. С. 167.
- ⁵ Лотман Ю. М. Перевернутый образ // Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М., 1992. С. 155–156.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же. С. 165.
- ⁸ Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания и фрагменты дневников фрейлины двора Николая I и Александра II. М., 1990. С. 13.
- ⁹ Лотман Ю. М. Перевернутый образ // Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М., 1992. С. 166.
- ¹⁰ Вацуро В. Э. С. Д. П. Из истории литературного быта пушкинской поры. М., 1989. С. 64.
- ¹¹ Там же. С. 110.
- ¹² Дмитриев И. И. Сочинения: В 2 т. Т II. СПб., 1893. С. 196.
- ¹³ Панаев И. И. Литературные воспоминания. Л., 1928. С. 148–149.
- ¹⁴ Иванов Г. В. Петербургские зимы // Иванов Г. В. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 3: Мемуары. Литературная критика. М., 1993.
- ¹⁵ Муравьева И. А. Век модерна: Панорама столичной жизни. Т 1. СПб., 2007. С. 247.
- ¹⁶ Волков С. История культуры Санкт-Петербурга. М., 2004. С. 457.
- ¹⁷ Там же. С. 612.
- ¹⁸ Сумерки «Сайгона». СПб., 2009. С. 330.
- ¹⁹ Там же. С. 168–169.
- ²⁰ Там же. С. 141.

**«Крейцерова соната» Л. Н. Толстого как увертюра
к дискуссии о сущности брака**

Современные исследователи творчества Толстого считают, что отстаивавшаяся им в определенный период творчества концепция «вселенского целомудрия», была обусловлена особыми обстоятельствами его личной биографии и тем психическим состоянием, в котором он находился в тот период.

Для великого писателя «идеал христианина есть любовь к Богу и ближнему, есть отречение от себя для служения Богу; плотская же любовь, брак, есть служение себе и потому есть, во всяком случае, препятствие служению Богу и людям. А потому с христианской точки зрения – падение, грех».¹ Яркое отражение этого императива мы обнаруживаем в его работах «Новое Евангелие», «В чем моя вера», «Воскресение» и особенно в «Крейцеровой сонате» (1889) и «Послесловии» к ней. Таким образом, брак дискредитируется до понятия «скверны».

Все творческое наследие писателя дает основание говорить о том, что в нем отчетливо проявлено его противоречивое отношение к женщинам и сексуальности. Впрочем, в более поздних работах Л. Н. Толстой отходит от своего радикального отрицания брака, видя смысл и задачи жизни женщины исключительно в функциях деторождения и помощи мужу.²

Толстой выписывал женские судьбы, жестоко наказывая героинь в своих произведениях. Максим Горький в воспоминаниях так отмечал женоненавистничество Толстого: «Мне всегда не нравились его суждения о женщинах, – в этом он был чрезмерно «простонароден», и что-то деланное звучало в его словах, что-то неискреннее, а в то же время – очень личное. словно его однажды оскорбили, и он не может ни забыть, ни простить».³ Характерным примером является образ Анны Карениной, которая должна была погибнуть, ибо, по Толстому, женщина не должна быть чувственна, не имеет права на страсть. Женская добродетель – это добродетель дочери, жены, матери. Кроме того, судьба Анны «лучше всего иллюстрирует странный и темный фанатизм общества против несчастных семей».⁴ Двойственный подход очевиден

также при сопоставлении образа сексуально привлекательной Степаниды («Дьявол») с тезисом, что «исполняющие свое призвание» женщины готовят новые поколения людей, и в руках женщин «высшая власть спасения» человечества от «существующих и угрожающих зол нашего времени».

С одной стороны, Толстой связывает надежды на спасение мира именно с женщиной-матерью, которую, вместе с тем, он в своих произведениях безжалостно заставляет страдать. С другой стороны, и в «Крейцеровой сонате» проявляется это с очевидностью, он враждебен к женщине в такой степени, которая, по мнению современников писателя, превосходит даже традиционное для того времени пренебрежительное отношение к ней.

Исследователи творчества Толстого находят, что, стремясь выразить отвращение к сексуальности женщины, он использует наиболее унижительное, но легализованное для печати того времени понятие «проститутка». Более того, для него «жена» и «проститутка» являются однопорядковыми статусами. Следует сказать, что в самом отождествлении замужества с проституцией писатель был не оригинален. Укажем на отражение этого вопроса в творчестве таких писателей как А. Дюма-сын («Дело Клеменса»), Ги де Мопассан («В спальне»). Идеи осуждения буржуазного брака как одну из форм проституции высказывали Ф. Энгельс, А. Бебель. В том или ином виде эта тема представлена и в этике Платона, шопенгауэровской метафизике любви, идеологических учениях таких общественных движений как марксизм, феминизм и пр. Однако свои суждения Толстой строит не на экономических и социальных аспектах данного вопроса, а на негативном отношении к женщине и женскому телу в принципе.

Вместе с тем, согласно логике писателя, через детей, их воспитание христианскими «слугами человечества» несовершенный человек хоть как-то служит Божьему делу. В этом случае женщина выходит на авансцену, так как лишь она одна может исполнить то, «чему не может быть оценки, выше чего ничего нет – человека». Таким образом, женщина и сама ее жизнь осмысливаются вложенным в нее призванием – «родить, выкормить и воспитать наибольшее количество детей, способных работать для людей по усвоенному ею мирозерцанию».⁵ Участие в публичной сфере общественного

труда для женщины возможно и оправданно, когда «отрожавшись» и сохранив силы, она оказывает помощь мужу в его труде.

Основные нравственные требования к женщине артикулируются вокруг способа усвоения самого «миросозерцания», которое она затем будет транслировать своим детям, а также насколько «такое драгоценное орудие, как женщина», хочет и способна рожать. Для Толстого очевидно, что идеальной женщине нет необходимости в специальной образованности («посещать курсы»), нет необходимости участвовать в общественном труде: достаточно только «прочесть Евангелие, и не закрывать глаз, ушей и, главное, сердца». По мысли Толстого, мужчина и женщина уравнены перед Богом в своем призвании служить Ему, хотя формы их служения различаются. Равенство обеспечивается равновеликой важностью служений, их взаимообусловленность, а также детерминированность этого служения знанием Божьей истины.

В целом, смыслообразующую доминанту нравоучительных таких работ писателя, как «Половая похоть» и «О женщинах» составляет идея, что целомудрие «дает несравненно больше блага, чем даже счастливый брак». ⁶ Толстой дискредитирует половые отношения без каких-либо оговорок: даже семейные узы не оправдывают их. Для борьбы с «похотью» необходимо осознание своей духовности, тогда половая страсть представится «тем, что она и есть: унижительным животным свойством». ⁷ Дети являются искуплением полового греха, а «брак, состоящий в рождении и воспитании детей, есть посредственное служение Богу через детей». ⁸ В этом случае бездетный брак хуже прелюбодеяния и всякого разврата, ибо здесь отсутствует оправдание и освящение «благословенным детством».

Герой «Крейцеровой сонаты», при всем своем душевном нездоровьи, выступает нравоучительным оратором, бичуя в своей «проповеди» все аспекты сексуально-репродуктивной стороны супружества. Здесь звучит тема контрацепции, тема табуирования половых отношений в период беременности и кормления и пр.

Само начало произведения (разговор в поезде) как бы предугадывает те многоплановые и острые дискуссии, которые развернутся после выхода в свет «Крейцеровой сонаты».

Здесь звучат тема любви как основы брака, добровольности принятия решения, проблема развода и супружеской верности. Справедливости ради отметим, что Толстой вкладывает в уста нескольких попутчиков Позднышева ряд положений, считавшихся для того времени почти феминистскими, однако звучат они неуверенно и сбивчиво. Вместе с тем, доминирующие взгляды, которые в значительной степени отражают точку зрения и самого писателя, проговариваются героями многословно и агрессивно: «А в женщине первое дело страх должен быть»; «Как была она, Ева, женщина, из ребра мужчины сотворена, так и останется до скончания века»; «Загодя укорачивать надо женский пол, а то все пропадет»; «У нас люди женятся, не видя в браке ничего, кроме совокупления. И выходит или обман, или насилие» и т. д.⁹

Устами главного героя подводится некоторый «итог», формулируется идея невозможности существования гармоничного сочетания любви и полового влечения, которое он классифицирует как «похоть»: упростив ее до простой физиологии, он затем и вовсе отрицает возможность любви. Словами Позднышева выносится приговор: «Из страстей самая сильная, и злая, и упорная – половая, плотская любовь, и потому если уничтожатся страсти и последняя, самая сильная из них, плотская любовь, то пророчество исполнится, люди соединятся воедино, цель человечества будет достигнута, и ему незачем будет жить».¹⁰

Толстой с помощью своего alter ego (Позднышева) ставит под сомнение вопрос о том, что первично во взаимоотношениях между полами: установление глубокой психоэмоциональной привязанности или сексуальное влечение. Сходство высказываний главного героя с собственной позицией писателя особенно отчетливо видно в «Послесловии» к повести, в которой практически описывается нравоучительная доктрина Толстого. Основные положения ее выражены следующими тезисами:

– Добрачные половые отношения, в которых «люди или освобождают себя от возможных последствий его – детей, или сваливают всю тяжесть этих последствий на женщину, или предупреждают возможность рождения детей, <...> есть преступление самого простого требования нравственности, есть подлость».

– Необходимо, чтобы воспитание формировало взгляд на плотскую любовь как на «унизительное для человека животное состояние, и чтобы нарушение обещания верности, даваемое в браке, казнилось бы общественным мнением, по крайней мере, так же, как казнятся им нарушения денежных обязательств».

– Рождение детей является целью и оправданием супружеских отношений. В связи с этим недопустимо «употребление средств, лишаящих женщину возможности деторождения, <...> продолжение супружеских отношений при беременности и кормлении». Важно понимать, что «воздержание, составляющее необходимое условие человеческого достоинства при безбрачном состоянии, еще более обязательно в браке».

– Решая педагогические задачи, родители должны «поставить себе другие цели, кроме красивого, выхоленного тела», в котором рано «разжигается чувственность и формируются «ужасные половые пороки».

– И мужчины и женщины должны «перестать думать, что любовь плотская есть нечто особенно возвышенное <...> напротив, влюбление и соединение с предметом любви (как бы ни старались доказать противное в стихах и прозе) никогда не облегчает достижение достойной человека цели». ¹¹

Кроме того, сам ход истории как бы подсказывает, что разрешение проблемы перенаселения земли возможно лишь через стремление человека к целомудрию.

Толстой апеллирует к Евангелию, утверждая, что целомудрие входит составной частью в «идеал Христа», к достижению которого каждый человек должен стремиться. В некоторой степени этим тезисом писатель дискредитирует официальную концепцию о христианском браке, настаивая, что «Христос никогда не устанавливал брак» и «в истинном христианском учении нет никаких оснований для учреждения брака». По убеждению Толстого, брак следует рассматривать как обман и насилие, которое помещается в облатку церковного ритуала.

Отметим, что авторитет величайшего писателя способствовал тому, что высказанные им идеи имели серьезный резонанс как в философско-религиозной полемике, так и в повседневной жизни общества. Разворачиваются широкие дискуссии ¹² вокруг проблемы пола и значения супружества.

В них участвовали известные философы и богословы (А. В. Карташев, Д. Мережковский, В. В. Розанов, еп. Сергей Старогородский, В. А. Тернавцев, В. В. Успенский и др.).

Словами Позднышева Толстой выражает не только свои «излюбленные» взгляды на половую любовь и брак, но и назревшую необходимость пристального внимания к этим вопросам в обществе. Доминирующие из них опираются на идею «невозвращающегося назад движения человечества от распушенности к целомудрию, от полного смещения полов к многомужеству и многоженству, от многоженства к единобрачию, от невоздержанного единобрачия к целомудрию в браке».

По мысли ряда оппонентов Толстого, супружеские отношения следует рассматривать как некое охранительное напоминание о том, что элемент испорченности может присутствовать и в них, а также как «узда для сдерживания наших чувственных инстинктов». Положительное определение брака органично связывает две цели. Важнейшая из них, решает задачу соединения индивидуумов для компенсации «естественной односторонности» качествами другого, что в итоге призвано вести к духовному совершенствованию. Смысл брачной любви в стремлении уничтожить различия между двумя полами. На это как бы указывают и еврейские имена: муж – isch и жена – ischa, которые одинаково соотносятся с понятием «человек». Другая цель выражена словами книги Бытия «плодитесь и размножайтесь», что должно пониматься как благословение на рождение и воспитание детей.

Русская общественная мысль конца XIX – начала XX вв., «разбуженная» появлением «Крейцеровой сонаты», признает, что Толстой «зажег гигантский транспарант» в самом «уязвимом» пункте – в семье, бросив тем самым миру вызов: «ваша семья – ложь, мерзость, обман и притворство».¹³ Толстому удалось то, что другим писателям до него не удавалось: снять табу с так называемого «полового вопроса». В сборнике «Сущность брака» (1901) мы находим документальные материалы одного из таких диспутов. Составитель сборника С. Ф. Шарапов пошел на определенный риск, включив в него радикально противоположные мнения на сущность именно христианского брака.

Таинство брака становится фокусом споров. Можно выделить три основных вектора развития дискуссии. Согласно первому, православие упрекается за «эkleктическую нерешительность», которая выражается в том, что, канонизировав брак в религиозное таинство, Церковь одновременно выделяет духовный подвиг аскетизма как высший образ служения, что для христианина может реализоваться через отречение от брака и семьи.

Упрек к такому амбивалентному пониманию брака формулируется В. В. Розановым. Он убежден, что до тех пор, пока брак в существе своем признается как *позволительное по-
пущение*, за ним будет тянуться шлейф либо искусственного безразличия, игнорирования, избегания, либо уничижительного «допущения разврата». Брак лишь тогда наполняется таинством, когда он «мистически зиждителен» через деторождение, через «в плоть едину». Вопрос о браке труден именно потому, что суть его чувственна и основывается текстуально на «прилеплении» телесном. В религии брака открывается «религиозная чувственность», а вслед за этим и «чувственная религиозность». Возникает желание «уйти» из темы, так как слияние чувственности и отношения к Богу непривычно и даже запрещено. Попадая в конфликт запрета, человек, искренне стремясь к достижению идеала, может моделировать свое поведение по отношению к роду, как эгоистически отстраненное. В этом случае уже не так трогательно выглядит история Алексея, Божьего Человека, который, женившись на прекрасной и чистой девушке, уходит в аскетизм от брачного ложа. Здесь скорее безответственность за свой брачный выбор, за судьбу другого человека (жены), к которой надлежит «прилепиться в одну плоть» и «любить, как Христос возлюбил Церковь», и которая обречена отныне на грех прелюбодеяния. «Ложе» объявлено «неоскверненным», супружество входит в таинство, но Карфагенский Собор (IV) предписывает брачующимся в ночь, следующую за бракосочетанием, оставаться в девстве, а Алексей уходит (вот он невроз!), чтобы затем - *incognito* - возвратиться к жене.

Дискуссия обнаруживает эту невротическую амбивалентность в отношении к супружеству. Формулируется понимание, что русская мысль приблизилась к очень крупной проблеме. Она может быть выражена тезисом, что

«христианство не удалось» именно потому, что «воплощена в жизнь не полнота Истины, а какой-то обрывок, часть ее, причем даже, может быть, не главнейшая».¹⁴

Логика другого подхода основывается на постулировании христианства как религии высочайшей свободы, в том числе свободы человека от своей физической природы, от своих страстей, от всякого подчинения иным импульсам, кроме веры и чистой любви к Христу. Сексуальность человека скорее служит роду, а не индивидууму и должна рассматриваться, как печальная уступка желанию иметь детей. Если для христианина является обязательным питать и поддерживать свое тело, как индивидуума, то «его обязательство служить роду является в данном случае, по меньшей мере, спорным».¹⁵ Эволюция семьи неизбежно должна сопровождается ограничением этой функции человека. Таинство брака дает полную свободу в пространстве семьи оставаться «почти аскетом», физиологически приближаясь к жизни монаха. Но если в монашеском аскетизме «полное душевное одиночество», то у мирянина «чудная ячейка-семья, свой близкий и дорогой мир», в котором его жена, «самая дорогая и близкая женщина», является скорее его «сестрой».

Здесь доминирует идея, что таинство брака есть «освобождение человека от рабства у его полового инстинкта». В таком понимании христианского брака мы узнаем вагонную исповедь Позднышева и идеи полового аскетизма Толстого. Только девственники способны уйти из власти родового инстинкта пола, способны победить его могущество, смирить желания тела. Таким образом, таинство брака, это именно таинство воздержания, и в этом его идеал.

Сторонники данной схемы супружества утверждают, что она позволяет избегать другой крайности, когда брак профанируется абсолютным отчуждением и воздержанием. Возможность оставаться честным и чистым данному типу супружества обеспечит сама чистота «братско-сестринских» отношений.

Противоречивость данного подхода очевидна. Таинство не может иметь в своем содержании «грязь», а значит, физическая сторона брака чиста и свята. Вместе с тем, христианин, как бы ни ограничивал силу своего супружеского желания, обречен испытывать тревогу и смущение совести, наполняя

ясь «сознанием, что это дело нарушает высокое достоинство человека». ¹⁶ Авторы «схемы» чистого супружества как бы соединяют в своем проекте материалистическую и идеалистическую концепции брака. С одной стороны – это трансцендентное духовное соединение в братско-сестринском союзе. С другой, деторождение в нем является единственным условием, которое обеспечит и оправдывает всю полноту таинства.

Исходя из этого и исходя из идеи, что христианство несет в себе свободу, а всякое таинство является помощью в освобождении от внешнего рабства человека или от собственной страсти, таинство брака есть «освобождение человека от рабства у его полового инстинкта». В браке этот инстинкт не исчезает, но перестает быть хозяином человека, и занимает подчиненное человеку место. Таким образом, освящая брак, церковь благословляет союз душ, воспроизведение рода, чадорождение, и дает человеку оружие для борьбы с грехом, смысла которого в свободном воздержании: именно в нем и заключается идея таинства брака, именно на него и получается благословение.

Церковь как бы говорит, что хотя вы не можете «вместить», но, имея стремление спастись, вы можете это сделать в браке, соблюдая чистоту и воздержание. Уступив инстинкту чадорождения, вы можете победить соблазн грешного наслаждения. И плотское сожитие благословляется как уступка природе ради деторождения. Очистительные молитвы над роженицей и над прикасавшимися к ней, относятся не к самому акту родов, так как он непроизволен, а, следовательно, и неответственен, но «к акту зачатия ребенка, к добровольному падению женщины, к ее несвободному моменту, т. е. квалифицированному греху». ¹⁷

Согласно третьему подходу, взгляд на брак однозначно положительный и не имеет неясностей. Физическое соединение в браке является, безусловно, чистым и имеющим свои нравственно-религиозные задачи, как безусловным грехом являются плотские отношения вне брака. Поэтому и брак, и девство сами по себе «лежат вне области нравственных отношений и нравственного достоинства», они «ничто», но они святятся той целью, которая с их помощью достигается. Библейское благословение размножения запрещает «гнушаться» браком, но и не предписывает его как нравственную

норму. Таким образом, ни размножение, ни девство не являются нравственными императивами, но в равной степени могут быть условиями для осуществления нравственного идеала, хотя и разными средствами.

Эта позиция отражена в вошедшей в сборник статье Н. П. Аксакова «О браке и девстве». Он обращает внимание на то, что догматика и весь строй Церкви сочинены монахами. И это тот фактор, который следует учитывать, дискутируя по поводу церковной практики, традиций, учений. Церковь нельзя ни сочинять, ни придумывать: «она есть то, что она есть, в полноте пространства и времени. В Церкви нет, и не поднимается вопросов; она есть готовый уже ответ на вопрошания человеческие».¹⁸ О нечистоте брака говорят гностики и сектанты, а не учения Церкви, которая решением Гангрского собора постановила, что осуждение и уклонение от брака есть ересь. На Никейском соборе в защиту святости брака выступил девственник Пахомий Великий, что явилось главным вызовом тем, кто осуждал брак. «Свято девство, честен брак и ложе не скверно» – такова официальная позиция в понимании брака и девства у Церкви. Вместе с тем «брак не есть ложе, как и девство не есть только воздержание от ложа». Девство имеет достоинство не само по себе, а лишь как средство достижения намеченных целей, как осознанный духовный выбор.

Сомнения в ясной и определенной концепции брака у Церкви как бы ставят под церковное благословение супружества. В этом случае придется признать, что у Церкви есть и некий неофициальный взгляд. Различаются служебный долг и нравственный долг, что дает основу для двойственного отношения к пониманию брака.

Повод для такой провокации дают слова Апостола Павла о браке. В своих доводах к «оправданию» сложившихся разночтений Аксаков предлагает полагать, что, возвышая девство над браком, апостол имеет в виду не физическую сторону брака, а именно нравственные обязательства супругов по отношению друг к другу, которые и ограничивают возможность их служения Церкви. Во всяком случае, именно оговорка, что девство не есть повеление от Господа, как нравственное требование, предъявляемое ко всем или хотя бы к избранным, делает этот тезис очевидным. Половое воздер-

жание достойно не само по себе, а лишь по мере исполнения тех задач, для которых освобождает человека; как «своего рода гигиена духа, потребная для высших подвигов и высшего служения». Согласно данной логике, Иисус не может быть представлен брачным не потому, что в браке Он видел грех, а потому, что «в браке не могла бы осуществиться вся полнота Его подвижничества».

Третий подход дополняется разъяснением, что завет «плодитесь и размножайтесь» не должен пониматься как нравственный императив, вменяющий человеку такую обязанность, ибо в этом случае уже идея девственности выглядит как противоречие, нарушение завета, грех. Благословение размножения запрещает гнушаться браком, но не предписывает его как нравственную норму. «Аскетика – не этика, не нравственность, а только свод облегчающих нравственную задачу условий. Своего рода техника нравственности и притом техника непременно односторонняя, так как применима только под условием отрешения от многообразия требований мирской жизни».¹⁹

Деторождение понимается как «труд и подвиг». Но, как неправомерно делать центром брака сексуальность, так в той же мере несправедливо и отрицать ее даже как «момент» или «подробность», так как это приведет к «выпариванию» таинства и к чистому «ничто». Согласно заданной логике, сама мысль о сожительстве супругов как брат и сестра выглядит абсурдом.

Основным итогом дискуссии участники признавали тезис, что в нравственном богословии сама идея брака разработана слабо, и за двадцативековую историю так и не было выработано «обязательных постановлений» сферы, где есть область свободы и великой тайны двоих. «Христианский брак есть такое высокое и ответственное осуществление свободы человека, что мы, грешные и развратные в огромном большинстве, не только вместить, но и понять его не можем».²⁰ Таким образом, как бы подтверждается существование неразрешимой антиномии в понимании сущности таинства брака, разрешение которой есть задача будущего, но не с позиций монашества.

Популярность «Крейцеровой сонаты» Л. Н. Толстого и «Послесловия» к ней объяснялась тем, что «вопрос о браке каж-

дому представляется до очевидности важным с разных точек зрения: личной, церковной, государственной, общественной». ²¹ Сторонников идей, высказанных в этих произведениях великим писателем, упрекали в реакционизме и консерватизме, в то время как критиков считали либералами и прогрессистами. Известен сатирический рассказ «Хвост», в котором Лампад Фарисеевич Ипокритский беседует с Фарисеем Лампадовичем Искаротским о воззрениях гр. Толстого на брак и безбрачие.

В современных психоаналитических исследованиях принимаются попытки изучения особенностей генезиса «Крейцеровой сонаты», психологического влияния, как самого произведения, так и личности писателя на развитие философских, общественных взглядов на пол, брак и семью. Возвращение к документальным свидетельствам публичных диспутов столетней давности не только знакомит с существовавшими подходами к вопросам, так или иначе связанным с сексуальностью, но позволяет говорить о неисчерпаемости этой дискуссии сегодня. В условиях, когда проблема половой дуальности, в том числе, и в контексте христианского мировоззрения, осмысливается с позиций перехода от дихотомической парадигмы к эгалитарной, материалы дискуссий становятся символической отправной точкой для новых исследований.

¹ Толстой Л. Н. Послесловие к «Крейцеровой сонате» // Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 22 т. Т. 12. М., 1982. С. 206.

² См., напр: Толстой Л. Н. Правда о женщинах. Киев, 1911.; Половая похоть. М., 1911.

³ Горький М. Собрание сочинений: в 30 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1949-1955.

⁴ Розанов В.В. Семейный вопрос в России. СПб., 1903. С. II.

⁵ Толстой Л. Н. О женщинах. М., 1911. С. 16.

⁶ Толстой Л. Н. Половая похоть. М., 1911. С. 3.

⁷ Там же. С. 9.

⁸ Толстой Л. Н. О женщинах. С. 14.

⁹ Толстой Л. Н. Крейцера соната // Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 22 т. Т. 12. М., 1982. С. 126 – 131.

¹⁰ Там же. С. 146.

¹¹ Толстой Л. Н. Послесловие к «Крейцеровой сонате» // Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 22 т. Т. 12. М., 1982. С. 197 – 201.

¹² Укажем на некоторые из них: Гусев А. В. Брак и безбрачие: О «Крейцеровой сонате» и «Послесловии» к ней графа Л. Толстого. Казань, 1900; Струженцов М. Православно-христианское учение о браке...; Сущность брака.

¹³ Сущность брака. М., 1901. С. 1.

¹⁴ Там же. С. 178.

¹⁵ Там же. С. 141.

¹⁶ Лицев А., священник. Новозаветное учение о браке. С. 26.

¹⁷ Там же. С. 155.

¹⁸ Там же. С. 158.

¹⁹ Там же. С. 171.

²⁰ Там же. С. 155.

²¹ Гусев А. Ф. Брак и безбрачие. О «Крейцеровой сонате» и «Послесловии» к ней графа Л. Толстого. Казань, 1900. С. 7.

Ф. В. Каплан

Опыт материнства в художественных практиках современной России

В существующем на сегодняшний день теоретическом многоголосии гендерных исследований с их уже ставшей классической установкой перформативности гендера, и в некотором роде вытекающими из этой концепции категориями транс-гендера, квир-гендера и андрогинии, один факт различия полов все же не поддается устранению – способность женщины к воспроизводству – вынашиванию, рождению и кормлению детей. Что, впрочем, не означает неспособности мужчины к тому же самому в гипотетическом будущем. Однако останемся в настоящем и посмотрим на опыт материнства сквозь призму современного искусства, как он репрезентирован в современной России, то есть в постсоветском историческом арт-пространстве.

Как отмечают исследователи, гендерная проблематика в целом, и женская и феминистская в частности, в изобразительном искусстве и других арт-практиках, таких как инсталляции, хеппенинги, перформансы, видео-арт, в России появляются в конце 80-х, одновременно с их артикуляцией и в научном дискурсе.

Нужно отметить, что спецификой и парадигмальной установкой женских исследований на Западе во время их возникновения в 60-е годы стало включение женского жизненного опыта в рамках социальной и культурной действительности в качестве основы научной работы, а также изменения научных дискурсов с учетом этого опыта.¹ Что

же касается художественных практик, то неудивительно, что опыт материнства, как недоступный мужчине-художнику, осмыслился в первую очередь в так называемом «женском искусстве».

Исследование современного искусства тем более оправдано в свете возникновения «визуальных исследований», которые на сегодняшний день являются влиятельной исследовательской парадигмой, где происходит сближение искусства как одной из визуальных практик и философии, а также других дискурсивных полей – психоанализа, семиотики, гендерной теории, феминизма, марксистской критики, постструктурализма и т. д.² В случае опыта материнства при первом приближении наиболее релевантным становится психоаналитический дискурс.

В качестве пролога в репрезентации материнского опыта на художественную авансцену выходит травматический опыт телесного – напрямую связанный с репродуктивной функцией и воплощенный в «ужасах» дисциплинарных пространств родильных домов и гинекологических кабинетов. В инсталляции Айдан Салаховой «Бедная мама» (1990 г.) триумфальное гинекологическое кресло с парчовым сиденьем и металлическими медицинскими инструментами на золоченой подушке у его подножья соседствуют с фотографиями возлежающих одалисок и корчащихся лиц рожениц. Трансформация женщины из сексуального и обольстительного объекта «мужского взгляда» в страдающий объект «пола как судьбы» и современной медицины не предполагает места для субъективации женского. Женщина как субъект, дающий новую жизнь, здесь отсутствует. И это отсутствие «компенсируется» китчевым золоченым убранством интерьера, иронично разоблачающим стереотипы восприятия материнства как чуда, непременно сопровождающегося ликованием.

Тема травмы родов и гинекологии находит свое продолжение в творчестве не менее знаковой для гендерного российского искусства 90-х фигуры Натальи Турновой. В работе «Символический обмен и смерть», анализируя модели тела, функционирующие в современном обществе, Ж. Бодрийяр писал: «Для медицины базовой формой тела является труп. Иначе говоря, труп – это идеальный, предельный случай тела в его отношении к системе медицины. Именно его произво-

дит и воспроизводит медицина как результат своей деятельности, проходящей под знаком сохранения жизни».³ Очевидно этот пассаж напрямую коррелируется с процессом деторождения, репрезентированного в живописном изображении младенца Н. Турновой (серия «Рожаящая», 1999 г.), надпись вокруг которого гласит: «Нет чуда рождения ребенка. Есть способ вытащить его наружу. Живым. Не по частям. Гинекология – изнанка любви, ее лягушачья шкурка. Она остается даже тогда, когда и любовь, и секс уже давно прошли».

Однако парадоксальным образом фрагментированным в процессе родов оказывается не столько тело младенца, которое, как следует из теории Ж. Лакана, остается таковым вплоть до «стадии зеркала», прохождение через которую является для субъекта, т. е. младенца, механизмом первичной идентификации, сколько тело самой женщины, что также наглядно представлено художницей в инсталляции «Сидящая» (из проекта «Гинекология», 2000 г.). Нелепые цветовые сочетания, расплывающиеся, отвращающие «мужской взгляд» формы женских фигур, беззащитные позы, обнаруживающие зияние «женской дефектности» на месте «мужской самости», еще раз свидетельствуют о репрессированном и молчаливом женском в фаллократичном мире.

Как указывалось выше, тематизация травматичности и фрагментарности женской телесности, репрессированности женского «генитального», является лишь прологом в художественном осмыслении материнского. Цитируя Ю. Кристеву: «Беременность является серьезнейшим испытанием: это расщепление тела, разделение и сосуществование «Я» и «Другого», природы и знания, физиологии и речи. Этот фундаментальный вызов идентичности сопровождается фантазией о целостности нарциссической самодостаточности. Беременность есть своего рода институционализированный, социализированный и естественный психоз».⁴ И этот психоз – расщепление и распад уже не тела, но женской самости, идентичности – требует новых стратегий действия и новых механизмов обретения пусть фантазийной (опять же, следуя Лакану, любая целостность субъекта иллюзорна), но целостной нарциссической самодостаточности. Одной из таких стратегий, продиктованных социальной реальностью рубежа столетий, становится вынужденный героизм (что не исклю-

чает здесь и рефлексии над советским утверждением женского как материнского героического). Подобно тому, как героически женщины отслеживают и осознают свою постродовую телесную бесформенность, раздробленность и не востребованность, также героически они входят в пространство социума в качестве матерей. Но оборотной стороной такого процесса становится логичным образом вытекающая маскулинизация и более того – милитаризация женского, что наглядно демонстрирует фотопроjekt арт-группы «Четвертая высота» «Героическое» (2000 г.), персонажи которого – одетые в военную форму или космические скафандры девы, вскармливающие и баюкающие младенцев.

Семиотика физиологичного женского тела приобретает новые смыслы в инсталляции Ирины Наховой «Побудь со мной» (2002 г.), представляющей собой материнскую утробу, в которую предлагается войти зрителю, где его нежно обволакивает шелк.

Противоречивым образом данный объект становится художественным высказыванием, связывающим сакральную репродуктивность женского как материнского, с его заботой и любовью к плоду, с политическим – утверждением в качестве центрального и определяющего «генитального женского» в противовес доминирующему в культуре «фаллическому мужскому». С одной стороны материнское чрево – это органическая полнота, слитность с телом природы, то, что является одной из ипостасей лакановского Реального, изгнание из которого травматично, и возвращение в которое невозможно: «Феномен человека изначально возникает на месте разрыва с Реальным». ⁵ В другом прочтении Реальное у Лакана приобретает характеристики «ужасного объекта»: «Перед нами явление образа, который внушает ужас, воплощая и соединяя в себе все то, что по праву можно назвать откровением Реального в самом непроницаемом его существе, Реального не допускающего ни малейшего опосредования, Реального окончательного – того объекта, который собственно, больше и не объект уже, а нечто такое, перед лицом чего все слова замирают, а понятия бессмысленны». ⁶ Таким образом, Реальное находится за пределами языка, сопротивляется символизации. Но материнская утроба в инсталляции Наховой, вопре-

ки традиционно должному молчанию и «прислушиванию», приобретает голос – она уговаривает, вызывает вошедшего остаться – присваивая тем самым традиционную активную позицию говорящего мужского субъекта.

Красноречивую трансформацию женщины-матери в говорящего субъекта мы находим в видеомюзикле платформы «Что делать?» «Три матери и хор» (2007 г.).⁷ Фильм представляет собой последовательное повествование трех молодых женщин о тяготах и противоречиях экзистенциального опыта материнства, более похожее на исповедь или плач. Рассказы при этом комментируются репликами из хора, состоящего из колоритного разнообразия социальных (и гендерных) типов. Три матери также репрезентируют три модели и роли поведения – одинокая мать, работающая мать и мать-домохозяйка.

Визуальный, как и аудиальный, ряд фильма демонстрирует специфику опыта становления матерью в современном российском историческом контексте. Происходит отрицание женственности и женского тела как такового. «Говорящие головы» трех молодых матерей лишены тел и раздраемы какофонией тела социального, на разный лад транслирующего социальные, моральные предрассудки, стереотипы, ценности, императивы. Показательно и то, что «музыкальное», что призвано погружать во «Тьму Бытия, где кроются все начала и концы, все рождающее и питающее, материнское лоно и естество Вселенной»,⁸ более не принадлежит женскому, но противостоит ему. Таким образом, произведение искусства превращается в инструмент критического осмысления общества и культуры, в котором женщина и мать фрагментирована телесно, психологически и социально, и настойчиво вызывает к необходимости своего специфического механизма идентификации, который бы предотвратил окончательную диссоциацию и развал нарциссического женского субъекта.

Тем не менее, воображаемая идентификация – это всегда «идентификация с оглядкой на Другого. Касается ли это любого подражания тому или иному образу или любого “разыгрывания роли”, вопрос остается один: для кого субъект играет эту роль? Чей взгляд учитывает субъект, идентифицируя себя с тем или иным образом?»⁹ Любопытно, что из всего многообразия представленных характеров в вышеописанном

видео и прочих арт-практиках изгнанным из поля зрения (и вместе с тем из поля действия) оказывается мужчина, будь это отец, муж или любовник. И это, на наш взгляд, не что иное, как следствие методичного уничтожения феминистской критикой «мужского взгляда» фаллоцентричной культуры, который ранее, возможно, и обеспечивал ту самую нарциссическую женскую целостность.

Однако «изгнанное» мужское в этой новой ситуации изобретает новые стратегии самопрезентации и субъективации, которые находят свои отражения в современном российском искусстве. Так в арт-проекте Филиппа Донцова «Свидетельство о рождении» (2008 г.) в числе прочих объектов представлена анимационная работа, сюжетом которой становятся «мужские роды».

Пластифицированные и гладкие мужские и женские тела, перверсия физиологий, функций и действий, сводящие практически к нулю различия пола, возраста и родства, с одной стороны иллюстрируют размышления Бодрийара об ослаблении половой маркировки, хаосе симуляций, механической объективации знаков пола, «торжестве мужского как воплощенной несостоятельности и женского как нулевой ступени».¹⁰ Но с другой стороны, такой угол зрения обнаруживает общность психологических и экзистенциальных сущностей человеческого, вне его различий и о-предел-ений биологическим полом или гендерными конструктами. Опыт деторождения приобретает черты общечеловеческой территории.

Это, на наш взгляд, в большей степени «свидетельство о рождении» нового общества, в котором мужское и женское, материнское и отцовское, ужасное и возвышенное, биологическое и социальное потенциально имеют некую общую стратегию действия, или вернее – взаимодействия, и перспектив, в свете которых только и возможно разрешение существующих социальных, культурных, психологических противоречий. Возможно, все начинается с чистого листа, подобно тому, как во вновь возникшем «Гинекологическом кабинете» (работа 2009 г.) одной из ведущих современных российских художниц Ани Желудь, присутствуют лишь нейтральные контуры, идеи предметов, свободные от всякой

плоти, дискурса репрессии и негативного эмоционального и исторического фона.

Бытует мнение, что тот путь, который прошла западная гендерная теория с 60-х годов XX в. до сегодняшнего дня, отечественная наука осваивала за последние двадцать лет. Путь этот идет от осмысления «пола» как психо-биологического различия, через гендер как социокультурный конструкт сексуальности и роль в системе властных отношений к критике самой системы (или культуры). Рассмотренные нами в данной статье артефакты российских художественных практик с начала 90-х до конца нулевых вполне доказывают правомерность такого заключения.

¹ См.: Хоф Р. Возникновение и развитие гендерных исследований // Пол. Гендер. Культура. Немецкие и русские исследования. М., 2009. С. 31–61.

² См.: Усманова А. Визуальные исследования как исследовательская парадигма // Электронный ресурс. Режим доступа свободный: <http://viscult.ehu.lt/article.php?id=108>.

³ Бодрийар Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000. С. 216.

⁴ Кристева Ю. Время женщин // Гендерная теория и искусство. Антология: 1970–2000. М., 2005. С. 140.

⁵ Лакан Ж. Стадия зеркала и ее роль в формировании функции «Я» // Семинары. Кн. 2 («Я в теории Фрейда и технике психоанализа»). М., 1999. С. 512.

⁶ Лакан Ж. «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа (1954/55). М., 1999. С. 235.

⁷ См.: Три матери и хор. Фильм Глюкли и Цапли («Фабрика Найденных Одежд»), 2007 // Электронный ресурс. Режим доступа свободный: <http://vimeo.com/14291345>.

⁸ Лосев А. Ф. О мироощущении Эсхила // Лосев А. Ф. Форма. Стиль. Выражение. М., 1995. С. 477.

⁹ Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М., 1999. С. 112.

¹⁰ Бодрийар Ж. Соблазн. М., 2000. С. 66.

**Нищие «мужики» и «бабы»
на этюдах Антуана Ватто**

Имя Антуана Ватто ассоциируется с галантными празднествами, приятным времяпрепровождением соблазнительных дам и галантных кавалеров на лоне природы, он изображает встречи, расставания, свидания, прогулки, другими словами, сферу нежных чувств. И вдруг в его карне появляются¹ – среди традиционных персонажей – изображения нищих, бродяг, савояров, точильщиков, прях, бродячих музыкантов и других простонародных персонажей. Мастер галантных празднеств, получивший это звание в Академии Художеств, изображает простолюдинов в живописных полотнах как персонажей парадных портретов («Савояр», Санкт-Петербург, ГЭ; «Пряха»).²

Подобные изображения имеют давнюю традицию в западноевропейском искусстве XVI–XVII веков, восходящую к Средневековью, а для пространства западноевропейской живописи XVII века представляют собой достаточно распространенный сюжет. Вполне возможно, что Ватто был знаком цикла рисунков «Болонские ремесла» Аннибале Карраччи, созданный в конце XVI века и гравированный в 1646 году Сином Гийомом к сериям французских эстампов и рисунков XVII века «Крики Парижа» («Cris de Paris») или аналогичные по теме увражи. Кроме того, ему могли быть известны работы художников, в свое время оказавших влияние на Жака Калло, когда он исполнял серию офортов «Нищие»: Белланж, Жорж де ла Тур, Лаллеман, Питер Брейгель Старший, Вилламена и другие.

Особенности графической манеры позволяют разделить рисунки Ватто на две группы: созданные до 1715 г. и, условно, в период 1715–16 гг. В первую группу «входят», к примеру, «Пряха стоящая и этюд женской головы» (Нью-Йорк, Метрополитен); «Два этюда мужчины с корзиной за спиной» (Кембридж, музей Фицуильяма); «Стоящий поваренок с руками в карманах» (Лондон, Британский музей);³ «Пожилая женщина, сидящая на земле с ребенком в люльке» (Париж, коллекция Прат) и «Юноша с ящиком» (Байонна, музей Бонна).⁴

Помимо подготовительных рисунков к «Савояру» (Париж, Пети Пале, ок. 1708–1712 гг.; Копенгаген, Королевский музей изящных искусств) и «Пряхе» (Нью-Йорк, Метрополитен, ок. 1708–1713 гг.), существует целая серия набросков Ватто, тематически и стилистически близких друг другу, где изображены народные типы. За исключением трех многофигурных этюдов – «Мужчины, поднимающие раненого; женщина с детьми и собакой справа» (местонахождение неизвестно, ок. 1706–1712), «Тринадцати этюдов мужчин и женщин из народа и лекарей» (Нью-Йорк, библиотека Пирпонта Моргана, ок. 1710–1712 гг.) и «Две сидящие женщины; набросок собаки» (Париж, галерея Ж. Кайё, ок. 1712 г.) – все остальные этюды однофигурные.

Вторая группа этюдов, созданных на протяжении 1715 г.: «Старый савояр, вид в анфас» (Чикаго, Институт искусств), «Савояр стоящий, вид в три четверти» (Роттердам, музей Бойманс ван Бенинген), «Сидящий савояр» (Флоренция, Уффици), «Старая савоярка стоящая» (Нью-Йорк, Метрополитен), «Савоярка» (Лондон, Британский музей), «Точильщик» (Париж, Лувр), «Паломник» (Париж, Пети Пале), «Чистильщик обуви» (Москва, ГМИИ им. А. С. Пушкина), «Два этюда чистильщика обуви» (Роттердам, музей Бойманс ван Бенинген).⁵

Стилистически и технологически рисунки достаточно легко разделить по времени возможного создания, поскольку манера исполнения рисунков 1715 г. резко отличается от более ранних листов. Для листов 1715 г. характерно использование нескольких техник на одном листе (сангины, черного карандаша, лависа и др.), а также меняется манера нанесения штриховки и выявления формы изображаемого.

Ватто, зная листы сюиты «Дворянство» и «Три Панталоне» Калло, где использован аналогичный композиционный прием расположения фигуры во весь рост на самом первом плане, с ракурсом снизу вверх, что придает персонажу значительность и одновременно театрализацию, обратился к серии «Нищие»⁶ (Москва, ГМИИ им. А. С. Пушкина, например, «Слепой с собакой» или «Нищенка с двумя детьми»), где Калло представляет нищих без слезливости, без жалостливой нотки, он показывает их существование как типичный образ жизни.

Ватто в серии своих этюдов на тему нищих следует этому настроению: он констатирует это состояние, этот образ жиз-

ни, но ни в коей мере не осуждает, не жалеет, не брезгует, но демонстрирует. Заметим эту очень интересную общность настроения у Ватто и Калло, помимо композиционной и фигурной близости. Кроме того, Ватто мог увлечься этими принципами из своей любви к театру, где он как зритель на себе проверил эту композиционную особенность (взгляд снизу из партера наверх – на сцену).

Интерес Ватто к народным персонажам мог возникнуть на основе таких героев у Калло, которые появляются в рисунках к «Ярмарке в Импрунете» и самого офорта, где в очень характерных позах представлены крестьяне, нищие, уличные торговцы. Их изображения у Ватто также полны характерности и редкой для художника жизненной реалистичности. Если сравнить групповые этюды Калло к «Ярмарке в Импрунете» (Санкт-Петербург, ГЭ, альбом Жюльена) и лист Ватто «Двенадцать этюдов женщин и мужчин и медика» (Нью-Йорк, Библиотека Пирпонта Моргана) с многофигурными изображениями, а также лист Калло «Два крестьянина» (этюд для «Ярмарки в Импрунете», Флоренция, Уффици), то совершенно очевидна их близкая связь на уровне композиции и трактовки образа изображенных.

В составе коллекций Жюльена и Мариэтта находился большой объем подготовительных рисунков Калло с изображением народных типов для «Ярмарки в Импрунете». Если серию «Крики Парижа» Ватто мог знать, то рисунки для «Ярмарки в Импрунете», сам офорт и лист «Ярмарка в Гондревиле», он, несомненно, видел.

Этот пласт графики был использован в военных произведениях художника (персонаж с рисунка «Старая женщина, сидящая на земле с ребенком» (Париж, коллекция Прат) помещен в «Конвой» (гравюра Л. Кара), галантных («Двенадцать этюдов мужчин и женщин из народа и медик» (Нью-Йорк, библиотека Пирпонта Моргана) – «Возвращение в кабачок» и «Волшебный остров» (частная коллекция)) и театральных («Семь этюдов персонажей» (Париж, галерея Ж. Кайё) – «Комедианты на ярмарке» (Берлин, Далем) и «Ассамблея у фонтана Нептуна» (Мадрид, Прадо)).

Ватто находит этим персонажам «роли» в картинах, тематически с ними не связанных, и они не слишком хорошо «уживаются» с галантными персонажами. С одной стороны, достаточно обособленное и однозначное амплуа такого ти-

пажа, не склонного к амбивалентной трактовке и не обладающего способностями к превращениям, не позволяло ему стать постоянным участником картин Ватто. Но, с другой, резкое исчезновение этих типажей после 1715 г. свидетельствует об утрате интереса художника к этой теме, что, возможно, связано с исчерпанием возможностей этого сюжета для художника: произведения были созданы, персонажи из них не вошли в репертуарный запас, и интерес художника к этой теме угас.

В период времени с 1709 по 1716 гг. Ватто также увлечен многофигурными сценами с изображением свадеб и ярмарок (картины «Брачный контракт» (Мадрид, Прадо); «Деревенский брак» (Берлин, Шарлоттенбург); «Актеры на ярмарочной площади» (Берлин, Шарлоттенбург)). Ватто изучает принципы организации на полотне многофигурного пространства и обращается к мастерам западноевропейского искусства, в чьем творчестве он черпает идеи организации такого пространства. Примером взаимодействия может служить «Крестьянская свадьба» Тенирса (Санкт-Петербург, ГЭ), поступившая из коллекции Жана де Жюльена, и поэтому доступная Ватто, к которой чрезвычайно близка картина Ватто «Брачный контракт» (Мадрид, Прадо), где невеста и жених изображены на фоне занавеси в окружении гостей и столов с едой, или наброски Ватто с картины Рубенса «Кермесса, или Деревенская свадьба» (Париж, Лувр) и А. ванн де Венне «Праздник, данный в честь перемирия в 1609 году, или Аллегория перемирия» (Париж, Лувр).

Интерес художника к изображению народных сборищ и лиминарных персонажей очевиден, но по отношению к темам, характерным для его творчества, это направление можно назвать экстраординарным. Круг произведений, определившийся в результате сопоставлений, указывает на определенную направленность композиционных, персонажных и фигурных заимствований. По нашему мнению, серия маргинальных персонажей Ватто, скорее всего, возникла в связи с его намерением сделать картину на сюжет настоящей ярмарки, где должны быть изображены реальные персонажи. В аспекте этого вопроса, прежде всего, важна отправная точка возникновения подобных рисунков и картин. Таких отправных точек может быть несколько. Одной, и как нам пред-

ставляется, наиболее значительной, является художественный и стилистический контекст, окружавший Ватто, с рым взаимодействовал художник. Художник обращается к графическому и гравюрному наследию Калло и живописным произведениям и рисункам Тенирса Младшего, связанными с изображением ярмарок, народных гуляний и простонародных типажей. Важным фактом представляется интерес Ватто к рисункам Калло (в том числе, исполненным для «Ярмарки в Импрунете»), проявленный еще до 1711 г. Немаловажно, что фигурной и композиционной аналогией для «Савояра» Ватто стали картины «Шут» (Москва, ГМИИ им. А. С. Пушкина) и «Кермесса» (Москва, ГМИИ им. А. С. Пушкина) Тенирса, где на последней изображено многолюдное народное гулянье с фигурой шута.

Желание Ватто создать полотно на ярмарочный сюжет подтверждается письмом Сируа к госпоже Жоссе от 23 ноября 1711 г., где упоминается заказ художнику картины на тему ярмарки в Ланди. Как известно из этого письма,⁷ «Гулянье на ярмарке Ланди» живописец обещал написать за 300 ливров и эта картина должна была быть достаточно большой, если за две парные на сюжет «Хромого беса» он бы получил 260 ливров.⁸ Письменно подтвержденный факт получения задатка в 100 ливров за эту неизвестную картину увеличивает шансы, что картина была написана. Сюжет «Ярмарки», хотя и достаточно необычный для Ватто, мог быть интересен художнику, поскольку позволяя ввести в композицию любимый мотив площадного театра.

Поскольку ярмарка в Ланди происходила у собора Сен-Дени, то следует предположить, что фоном на картине Ватто являлось изображение собора Сен-Дени и окружающих площадей зданий (торговых лавок). На эскизе условной реконструкции⁹ они представлены на основании архивных материалов и изображений, относящихся к первой четверти XVIII века. На реконструкции размещены эскизы простонародных персонажей, принадлежащие руке Ватто, которые, как предполагается автором статьи, могли быть использованы при создании.¹⁰ Следует предположить, что среди изображенных персонажей могут быть «Савояр», «Пряха» и герои рисунков Ватто с нищими, бродягами и другими простонародными типажам.

Хотя нельзя полностью исключить, что картина могла быть утрачена или не написана, существует несколько причин, вследствие которых она может быть не опознана до сих пор. Во-первых, она не подписана, как и все картины Ватто. Во-вторых, своеобразие этой картины могла стать причиной для включения ее в круг, например, мастерской Тенирса, или для помещения ее среди произведений с неопределенным авторством. В полотне на тему ярмарки должно быть достаточно сильное воздействие фламандской живописи, что могло стать впоследствии одной из причин, по которой этому произведению могло быть отказано в принадлежности к французской школе.

Именно значительное количество этюдов 1715 г. позволяет увидеть, что в это время возникает пик интереса Ватто к данному сюжету, а также прогнозировать, что картина на ярмарочный сюжет была закончена к этому времени.

Это предположение будет подтверждено окончательно, если картина на тему ярмарки Ланди когда-нибудь найдется. В течение XX в. обнаружилось несколько произведений Ватто (в том числе, не вошедших в сборник, гравированный Жюльеном), которые были утеряны. Примером является найденная в 2008 г. картина Ватто «Сюрприз».¹¹

¹ С 1710 по 1715 гг.

² Картина утрачена, известна по гравюре Бенуа Одрана.

³ Рисунок использован в картине «Конвой» (известна по гравюре Л. Кара).

⁴ Характер графической манеры этюдов «Пожилая женщина, сидящая на земле с ребенком в люльке» и «Юноша с ящиком» позволяет предположить, что они были подправлены автором через несколько лет после исполнения. Сквозь отдельные, насыщенные штрихи просвечивает тонкая, дрожащая, светло-серая линия, характерная для вышеперечисленной группы рисунков до 1715 г. Необходимо обратить внимание на анатомические особенности изображения икр и ступней у «Юноши», рук у «Пожилой женщины» и на однообразную, ровную, ученическую штриховку по изображению люльки на этом же этюде. Розенберг датирует «Юношу» и «Пожилую женщину» 1715 г. под вопросом (временем создания «Савояра» и серии рисунков с Персидского посольства, к примеру «Сидящий перс, в тюрбане, вид три четверти», Париж, Лувр – Rosenberg P., Prat L.-A. Antoine Watteau. Vol. 2, № 73). Однако этюд с пожилой женщиной был использован в картине «Конвой», которая датируется 1710–12 гг., этим же годом датируется рисунок с поваренком.

В этих двух рисунках – «Юноше» и «Пожилой женщине» – обнаруживаются черты более зрелой манеры Ватто, однако есть все основания полагать, что были внесены более поздние поправки самим художником. Эти обстоятельства совсем не противоречат манере Ватто, который неоднократно переделывал свои работы в разное время, причем уже совершенно законченные (с просохшим красочным слоем). Кроме того, Ватто очень любил использовать живописные и графические контрэпревы. Не исключено, что с этих двух рисунков он сделал контрэпревы, думая использовать их в зеркальном отображении, а затем позднее немного проработал отдельные детали. На этот вывод наводит ровный серый тон, немного смазанный, находящийся под жирной пропиской грифелем. Таким образом, прописка относится к 1715 г., и тем самым подтверждена датировка Розенберга. С другой стороны, основной рисунок был выполнен до 1712 г., и поэтому был использован в «Конвое».

⁵ Датировка этих рисунков 1715 г. еще раз свидетельствует о правильности мнения И. С. Немиловой, что «Савояр» не является ранней работой.

⁶ Серия состоит из 25 офортов. Считается, что она была сделана Каалло в ранние годы его возвращения в Нанси, согласно мнению Фелибьена. См.: *Félibien A. Entretiens sur les vies et sur les ouvrages des plus excellens peintres anciens et modernes*. 2 tom. en 3 vol. Paris., 1685. Vol. 2. P. 375.

⁷ «Сируа г-же Жоссе, владелице книжной лавки в Париже 23 ноября 1711 г.. Этот оригинал столь же плодовит в живописи, как г. Ле Саж в комедиях и книгах, с той только разницей, что г. Ле Саж иной раз бывает доволен своими книгами и комедиями, а бедняга Ватто никогда не бывает удовлетворен своими картинами, что не мешает ему быть одним из нынешних королей кисти. Он обещал написать для меня «Гулянье на ярмарке Ланди» (курсив – Ю.Б.), за что я дал ему задаток в сто ливров в счет уговоренных трехсот. Это будет шедевр, если только он тщательно его отделает; но если на него опять нападет хандра и навязчивые мысли, то он улизнет из дому и тогда прощай шедевр. Г. Ле Саж устроил ему заказ на две парные картины на сюжет «Хромого беса» по сто тридцать ливров штука. Но он не надеется их получить, ибо Ватто всегда пишет, что ему вздумается, и не любит заказных сюжетов (курсив – Ю. Б.). Если ему удастся усидеть на месте, первая его картина будет для г-на Дюшанжа, но пусть тот о ней не знает во избежание просчета. Спустя пять дней после его возвращения врач опять посадил его на хину» // Антуан Ватто. Старинные тексты. М., 1971. С. 30.

⁸ Там же. С. 30.

⁹ Эскиз условной реконструкции выполнен художником И. Рудневым по материалам и указаниям, предоставленным автором статьи.

¹⁰ Поскольку, по субъективным причинам, не представляется возможным исключить какие-либо этюды Ватто, то на реконструкции они представлены в полном объеме. Кроме того, возможно, что на этой картине также присутствовали другие персонажи, но, в связи с отсутстви-

ем документальных и иных источников, не представляется возможным внести их в реконструкцию.

¹¹ Аукцион Кристи 09.07.2008, ныне частная коллекция.

А.И. Маслякова

«Андрогинистические» идеи в русской философской мысли конца XIX – начала XX веков и их отражение в музыкально-эстетической концепции композитора-космиста А.Н. Скрябина

Как известно, испокон веков одной из самых заветных целей человека является гармония с окружающим миром и самим собой. Дифференциация неизменно сменяется интеграцией (по терминологии теософии (от древнегреческого – «божественная мудрость») данный процесс есть чередование «дней и ночей Браммы»¹). Многие исследователи (С. Бем, Н. А. Бердяев, Ш. Берн, А. А. Гершеневич,² Вл. С. Соловьев, П. А. Флоренский, Н. В. Хамитов, М. Элиаде,³ К. Г. Юнг и другие) сходятся на том, что андрогин (от греческого «andros» – «мужчина», «gēn» – «женщина») является своеобразным символом целостности Мироздания.

Платон в своем знаменитом диалоге «Пир» отмечает, что прежде существовали три пола людей: мужской, женский и так называемый андрогинный. Философ «вкладывает в уста» древнегреческого комедиографа Аристофана следующие строки, характеризующие истоки возникновения пола: «мужской искони происходит от Солнца, женский – от Земли, а совмещавший оба этих – от Луны, поскольку и Луна совмещает оба начала».⁴ Андрогин, рассеченный пополам в наказание за свое «непочтительное» отношение к богам, с той поры ощущает непреодолимую потребность в восстановлении утраченной целостности. В поисках последней, «половинки» пола они неизменно устремляются друг к другу.

Как справедливо отмечает И. С. Кон, философия Серебряного века характеризуется направленностью на решение широкого спектра различных метафизических вопросов (например, о смысле жизни, бессмертии, соотношении родового и индивидуального в человеке и ряд других).⁵ При этом большое внимание уделяется проблеме андрогинности. Среди

русских мыслителей, развивающих вышеуказанные идеи Платона, нельзя не отметить Вл. С. Соловьева, который полагает, что интеграция человечества возможна на основе половой любви: «В эмпирической действительности человека как такового вовсе нет – он существует лишь в определенной односторонности и ограниченности, как мужская и женская индивидуальность (и уже на этой основе развиваются все прочие различия). Но истинный человек в полноте своей идеальной личности, очевидно, не может быть только мужчиной или только женщиной, а должен быть высшим единством обоих. Осуществить это единство, или создать истинного человека, как свободное единство мужского и женского начала, сохраняющих свою формальную обособленность, но преодолевших свою существенную рознь и распадение, – это и есть собственная ближайшая задача любви».⁶

Н. А. Бердяев, предрекая наступление «третьей эпохи божественного откровения», то есть откровения творчества (Духа), в свою очередь, говорит о появлении нового человека, который «есть прежде всего человек преображенного пола, восстанавливающий в себе андрогинический образ и подобие Божье, искаженное расpadом на мужское и женское в человеческом роде. Тайна о человеке связана с тайной об андрогине».⁷

Попутно отметим, что психолог С. Бем считает мужественность и женственность взаимодополнительными гранями личности человека.⁸ Н. В. Хамитов предлагает использовать андрогин-анализ в целях выявления способов взаимодействия «внутренней» мужественности и женственности отдельного человека, а так же для постижения специфики взаимоотношений между представителями обоих полов.⁹ Ш. Берн подчеркивает, что, несмотря на наличие дискуссионных моментов в вопросе измерения андрогинии, человеку для успешной жизнедеятельности все же «желательно обладать примерно равным количеством мужских и женских черт».¹⁰

Женщина есть подсознание мужчины, а мужчина есть подсознание женщины.¹¹ Однако парадокс заключается в том, что, зачастую, сознание и подсознание современного человека находятся в своего рода взаимной изоляции. Их «союз» становится возможным лишь «на контрактной основе», о чем

красноречиво свидетельствует Б. Вербер в рассказе-гипотезе «Манипулирование».¹²

Человек, постепенно обретая целостность бытия, стремится и окружающую его реальность «приблизить» к «андрогинности» (необходимо указать, что мы трактуем «андрогинность» главным образом метафорически, как целостность, «полноту» бытия человека, искусства, мира). Высшая задача искусства, согласно мнению Вл. С. Соловьева, и есть придание материальному миру «духовной полноты».¹³ Таким образом, становится очевидным, что, по Вл. С. Соловьеву, любовь – путь к «андрогинности» человечества, а искусство открывает возможность «андрогинизации» всего мира. Логика наших рассуждений говорит о необходимости более подробного рассмотрения критериев выявления истинного искусства.

Для Вл. С. Соловьева показателем степени «андрогинности» того или иного вида искусства является присущий ему *род* «предварения совершенной красоты (курсив наш – А. М.)».¹⁴ Первый род – *прямой или магический* (музыка и отчасти чистая лирика); второй род – *косвенный, через усиление* (архитектура, скульптура, пейзажная живопись и отчасти лирическая поэзия, религиозные живопись и поэзия); третий род – *косвенный, через отражение* (героический эпос, трагедия, комедия).¹⁵ Создание подлинно «андрогинного» искусства философ определяет как дело будущего.

Примечателен тот факт, что, исходя из точки зрения П. А. Флоренского, в живописи *обратная перспектива* является той «универсальной» мерой соотношения Духа (мужского начала) и материи (женского начала), которая вызывает ощущение «изумительной выразительности и полноты» произведения искусства.¹⁶ Говоря об «эстетической плодотворности» нарушенной линейной перспективы, Флоренский указывает на *икону* как высший образец проявления «перспективных отклонений».¹⁷

Воззрения Н. А. Бердяева, подобно идеям многих русских философов эпохи конца XIX – начала XX веков, проникнуты «устремленностью в будущее». Н. А. Бердяев противопоставляет *языческое (классическое) искусство*, с его «замкнутостью» и «посюсторонностью»,¹⁸ *христианскому (романтическому) искусству*, «разомкнутому» и «запредельному».¹⁹ Борьба «христианских и языческих стихий в человеке» с ог-

ромной силой активизируется в эпоху Возрождения.²⁰ Символизм Н. А. Бердяев трактует как последнее слово «мировой эпохи искупления и преддверие мировой эпохи творчества».²¹

В контексте рассмотренных нами выше «андрогинистических» тенденций следует особо отметить *попытку осуществления «андрогинизации» искусства и мира*, предпринятую русским композитором-космистом Александром Николаевичем Скрябиным. Позволим себе высказать предположение о том, что именно «Мистерия» (грандиозное «действие», включающее в себя помимо всех уже существующих видов искусства и новые, не известные ранее его виды) являлась для композитора не только средством достижения «полноты» бытия, но и своеобразным «эталонем андрогинности». Тогда как, например, для Рихарда Вагнера в качестве последнего выступает *драма*, где «дополняя друг друга в оживленном хороводе, объединившиеся родственные искусства смогут раскрыть себя и все вместе, и поодиночке, и по двое в зависимости от особенностей всеопределяющего драматического действия. То мимика прислушается к спокойному течению мысли; то напор мысли найдет себе выход в непосредственной выразительности жеста; то музыка одна сможет выразить движение чувства; то лишь все три искусства сообща смогут довести идею драмы до непосредственного реального действия. Ибо для всех них, объединившихся здесь видов искусства (танец, поэзия и музыка – А. М.), существует *не-что*, к чему они должны стремиться, дабы стать свободными в своих возможностях, а именно *драма*: достижение целей драмы должно стать для них всех самым главным».²² Все, что отклоняется от идеи драмы «неизбежно обречено исчезнуть в сфере неопределенного, неясного и несвободного».²³

В последней (Девятой) симфонии Людвиг ван Бетховена («человеческом евангелии искусства будущего» как назвал его Р. Вагнер) музыка «преодолевает» собственные пределы. Вагнер считает, что после этой величайшей симфонии «может следовать непосредственно лишь совершенное произведение искусства, *всеобщая драма*, художественный ключ к которой выкован Бетховеном».²⁴

А. Н. Скрябина в некоторой степени можно назвать «последователем» Людвиг ван Бетховена. В финале Первой симфонии (кантата для солистов, хора и оркестра),²⁵ вышедшей

в 1900 году, А. Н. Скрябин, «вторя» Вл. С. Соловьеву, «воспевает» гимн искусству.²⁶ Философские воззрения композитора впервые получают выражение в звуке. С. Р. Федякин указывает, что с финала Первой симфонии «начинается зрелый Скрябин». Если музыкальный язык данной части остается еще вполне «традиционным», то поэтический текст, написанный самим композитором, – «это первый подход к той сверхидее его творчества, которая потом будет названа «Мистерией». Той сверхидее, в русло которой будут ложиться все его более поздние сочинения».²⁷

Следующим наиболее значительным «шагом» к «Мистерии» можно считать Третью симфонию – «Божественную поэму» (*Roeme Divin*), изданную в 1905 году.²⁸ В этом произведении А. Н. Скрябин, как и Н. А. Бердяев, подчеркивает важность творческой самореализации личности. Человек, последовательно проходя через «Борьбу» (*Luttet*), «Наслаждение» (*Voluptes*), «погружается» в «Божественную игру» (*Jeu divin*), постигает радость свободного творчества.²⁹ «О чем “повествует” скрябинская “Поэма”? – вопрошает С. Р. Федякин, – О том, что мир узнается через творчество. Начиная творить, ты начинаешь “звучать в унисон” с мирозданием. В мгновение творчества ты равен Вселенной».³⁰

«Поэма экстаза», увидевшая «свет» позже, в 1908 году, первоначально носила заголовок «*Roeme orgiaque*» («Оргиастическая поэма»). С. Р. Федякин связывает факт изменения названия произведения со стремлением композитора наиболее полно отразить сущность созданного им музыкального материала. Исследователь указывает: «“Оргия” подразумевает действие, она уже подобна “Мистерии”. Нынешняя вещь [“Поэма экстаза” – А. М.] была пока только “четвертой симфонией”. В его [А. Н. Скрябина – А. М.] сознании это сочинение вставало между “Божественной поэмой” и будущей “Мистерией”».³¹

«Первая половина “Поэмы экстаза” (экспозиция и разработка) – это “дух” художника, рождающего произведение, дух, преодолевающий на своем пути трудности не только внешние, но и внутренние. Вторая половина (реприза и кода) – это “дух” произведения, который преобразует сознание и душу своего творца», – пишет С. Р. Федякин. Экстатическое состояние становится итогом творчества, его вершиной:

«Этим ритмом учащенным / Бейся жизни пульс сильней! / О мой мир, моя жизнь, / Мой расцвет, мой экстаз!», – восклицает композитор.³²

Позволим себе предположить, что экстаз в музыкально-эстетической концепции А. Н. Скрябина можно трактовать как своего рода синоним «андрогинности». М. К. Морозова, один из близких друзей А. Н. Скрябина, следующим образом характеризует воззрения композитора на данную проблематику: «Раз мы пошли с Александром Николаевичем в Музей Лувра, но на картины мы не смотрели, так как он вообще мало ими интересовался, слишком он всегда был как-то одержим своей внутренней работой. Мы сели на диван и говорили, главным образом, о “Поэме экстаза”. Александр Николаевич мне объяснил подробно, как он представлял себе самый экстаз. Как мировое, космическое *слияние мужского и женского начала, духа и материи*. Вселенский экстаз – это эротический акт, блаженный конец, возвращение к единству (курсив наш – А. М.).»³³ Вслед за «Поэмой» (так же в 1908 году) появляется «фортепианная “дочь” “Экстаза”» (С. Р. Федякин) – Пятая соната, где, по меткому замечанию В. В. Рубцовой, представлен не менее «сложный мир в многообразном единстве, в котором каждое мгновение сопряжено с целым и целое дробится, излучается в каждом мгновении».³⁴

В «Прометее» («Поэма огня», 1911 год), снабженном «Лусе» – специальной партией света, «андрогинность» становится более явной. «Звуковая личность» (С. Р. Федякин) здесь, в отличие от предыдущих произведений А. Н. Скрябина, есть лишь этап эволюции «Первоначала»: «Я» просыпается в звуковых недрах этой скрябинской вселенной, оно находит свое тематическое воплощение, проходит земные испытания, различные превращения, чтобы в конце произведения произвести самоуничтожительный «взрыв».³⁵ С. Р. Федякин рассматривает концепцию «Поэмы огня» с позиций теософии, как «Браму, “выдохнувшего” из себя мир и “вдохнувшего” обратно».³⁶ «Андрогинность» проявляется и в звуке, в музыкальном материале «Поэмы огня». Так, в знаменитом «прометеевом» аккорде «дуализм» «мелодии и гармонии» сменяется «монизмом» – «гармониемелодией». Кроме того, в кульминации «Поэмы» исчезают различия между цветами в партии «Лусе», все

пространство концертного зала наполняется белым светом, «множество» приходит к «Единству».³⁷

Обращаясь к поэтическому тексту «Предварительного Действа» («пролегомена» «Мистерии»), позволим себе указать на характерный диалог «Голоса женственного» и «Голоса мужественного». Порой «Голоса» звучат в унисон: «О подвиг божественный, танец всезвездный, / В тебе мы одержим победу над бездной, .../ В тебе мы блаженно друг в друга умрем».³⁸ В финале «Действа» предполагалось абсолютное «снятие» противоположностей, актуализация «полноты» бытия: «Родимся в вихрь! / Проснемся в небо! / Смешаем чувства в волне единой! / И в блеске роскошном / Расцвета последнего / Являясь друг другу / В красе обнаженной / Сверкающих душ / Исчезнем... / Растаем ...», – пишет композитор.³⁹ К сожалению, грандиозному замыслу А. Н. Скрябина не суждено было осуществиться. «Андрогин» был заменен «симулякром».

Как известно, понятие «симулякр» («видимость», «подобие») берет начало в античности, где используется как обозначение некой идеальной модели, «обрастающей» всевозможными подражаниями, подобиями, зачастую утрачивающими сходство с оригиналом. В эстетике постмодернизма, которая, по мнению П. С. Гуревича, «несет в себе печать разочарования в идеалах и ценностях Возрождения с их верой в прогресс, всевластие разума, безграничность человеческих возможностей», симулякр есть «обобщение явлений и процессов, связанных с имитацией, подменой вещи чем-то другим, ее аналогом, подделкой, копией, бутафорией, контрафактным продуктом, при том выдаваемых за саму эту вещь, за оригинал. Это квази, псевдо, “как бы”, когда, сохраняя внешнее существование, вещи теряют свою сущность и служат выражением чего-то другого».⁴⁰ Копия становится «заместителем» оригинала, а на смену культа *целостности* («андрогинности»), как показателя истинности произведения искусства, приходит тяготение к «*деконструкции*» (то есть «разборке» и «сборке» Текста), в процессе которой мы можем «расчленивать, разбрасывать, переосмысливать, обнаружить разрывы там, где предполагалось полное присутствие смысла».⁴¹ В итоге Текст (произведение искусства) «обезличивается», «теряет начало и конец и превращается в дерево, лишенное ствола и корня.

Текст обретает только ветви».⁴² Интеграция уступает место дифференциации.

Таким образом, обобщая вышеизложенное, нельзя не согласиться с точкой зрения П. С. Гуревича: «Надо поддерживать... линию за сохранение подлинности вещей и идентичности человека».⁴³ Ведь, согласно предостережению «платоновского» Аристофана, «мы были чем-то единым, а теперь, из-за нашей несправедливости, мы поселены богом порознь, как аркадцы лакедемонянами. Существует, значит, опасность, что, если мы не будем почтительны к богам, нас рассекут еще раз, и тогда мы уподобимся не то выпуклым надгробным изображениям, которые как бы распилены вдоль носа, не то значкам взаимного гостеприимства».⁴⁴ Приобщение человечества к «андрогинистическим» идеям русских мыслителей конца XIX – начала XX веков, а так же ознакомление с музыкально-эстетической концепцией композитора-космиста Александра Николаевича Скрябина, могут способствовать интеграции современного общества. Ведь целостность («андрогинность») есть необходимая предпосылка бытия личности, искусства и всего мира, их эволюционного саморазвития.

¹ Блаттская Е. П. Ключ к теософии. Избранные статьи. М., 2010. С. 77–78.

² Гершенович А. А. Андрогинизм и бисексуальность человека в социокультурном измерении: дис. канд. философских наук. Ростов-на-Дону, 2004.

³ Элиаде М. Мефистофель и Андрогин. СПб., 1998.

⁴ Платон. Сочинения в 4-х тт. Т. 2. СПб., 2007. С. 119.

⁵ Кон И. С. Клубничка на березке: Сексуальная культура в России. М., 2010. С. 136.

⁶ Соловьев Вл. С. Избранные произведения. Ростов-на-Дону, 1998. С. 454.

⁷ Бердяев Н. А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека. М., 2007. С. 209.

⁸ Бем С. Трансформация дебатов о половом неравенстве // Электронный ресурс. Режим доступа свободный: <http://tvergenderstudies.ru/cgi-bin/pagecntrl.cgi/docs/collectf/cof10.rtf>.

⁹ Хамитов Н., Крылова С., Минеева С. Этика и эстетика // Электронный ресурс. Режим доступа свободный: <http://swetly.info/books/slovar.htm>.

¹⁰ Берн Ш. Гендерная психология. СПб., 2001. С. 82.

¹¹ Юнг К. Г. Структура психики и архетипы. М., 2009. С. 107.

-
- ¹² *Вербер Б.* Древо возможного и другие истории. М., 2010. С. 70.
- ¹³ *Соловьев Вл. С.* Чтения о Богочеловечестве; Статьи; Стихотворения и поэма; Из «Трех разговоров»: Краткая повесть об Антихристе. СПб., 1994. С. 255.
- ¹⁴ *Там же.* С. 256.
- ¹⁵ *Там же.* С. 256–262.
- ¹⁶ *Флоренский П. А. Т. 2.* У водоразделов мысли. М., 1990. С. 46.
- ¹⁷ *Там же.* С. 48.
- ¹⁸ *Бердяев Н. А.* Указ. соч. С. 232.
- ¹⁹ *Там же.* С. 232.
- ²⁰ *Там же.* С. 236.
- ²¹ *Там же.* С. 245.
- ²² *Вагнер Р.* Произведение искусства будущего. М., 2010. С. 104–105.
- ²³ *Там же.* С. 106.
- ²⁴ *Там же.* С. 51–52.
- ²⁵ *Рубцова В. В.* Александр Николаевич Скрябин. М., 1989. С. 157.
- ²⁶ *Там же.* С. 433.
- ²⁷ *Федякин С. Р.* Скрябин. М., 2004. С. 129.
- ²⁸ *Рубцова В. В.* Указ. соч. С. 433.
- ²⁹ *Там же.* С. 167.
- ³⁰ *Федякин С. Р.* Указ. соч. С. 209.
- ³¹ *Там же.* С. 238–239.
- ³² *Русские Пропилеи. Т. 6.* Материалы по истории русской мысли и литературы. М., 1919. С. 197.
- ³³ *Морозова М. К.* Воспоминания об Александре Николаевиче Скрябине // *цит. по: Федякин С. Р.* Указ. соч. С. 527.
- ³⁴ *Рубцова В. В.* Указ. соч. С. 256.
- ³⁵ *Федякин С. Р.* Указ. соч. С. 399.
- ³⁶ *Там же.* С. 399.
- ³⁷ *Там же.* С. 407–408.
- ³⁸ *Русские Пропилеи.* Указ. соч. С. 237.
- ³⁹ *Там же.* С. 235.
- ⁴⁰ *Гуревич П. С.* Эстетика: учебное пособие. М., 2011. С. 448.
- ⁴¹ *Там же.* С. 430.
- ⁴² *Там же.* С. 431.
- ⁴³ *Там же.* С. 450.
- ⁴⁴ *Платон.* Указ. соч. С. 122.

**Мужские и женские образы
и возможности исследования музыкального языка**

Мир музыкальных образов. Возникновение образов при прослушивании музыки – явление, чрезвычайно трудно поддающееся анализу. Уже соответствие семиотически разнородных характеров образов и музыкального материала зачастую приводит исследователя на запутанные пути изучения психологии восприятия. С другой стороны, сред у языка, тем более музыкального, можно рассмотреть как институцию с двухсторонней связью: воздействие языковых единиц на социальные сочетается с обратным.¹

Для начала предлагается обойти сложное звено восприятия музыки и перейти к обоснованию формирования возможных образов. Итак, что может создавать музыкальные образы? Для начала, это системы обрядов. Нельзя не отметить связь речи и музицирования, подражания природе, те или иные ритмические повторы и т. д. Отдельно можно рассмотреть институт семьи, который также передает определенные образы, связанные с житейскими ситуациями и соответствующей музыкой. Церковное образование прочно привязывает мир образов в духовной сфере, как образуя большое количество специфических символов (например, мотив креста или сопоставление начал псалмов), так и позволяя прихожанину строить свои житейские концепции и представления всеокружающего культурного контекста. С другой стороны, светские школы создают более размытые границы в рамках локального этикета и локальной культуры в целом. Всеобщее образование в открытых школах дает путь к сложным пространствам профессиональных, часто национальных школ. Тематика расширяется, культуры, сменяя друг друга, образуют сложные переплетения слоев образов в общественном сознании.

В современном мире добавляются прочие массовые средства, например: кружки по интересам и ДМШ. При всех своих отличиях, на которые можно обратить внимание при изучении сравнительных трудов по музыкальному образованию,² по своей функции начальное музыкальное образование во

многих странах схоже. Так, система ДМШ, музыкальное образование в Италии, Скандинавии³ и система любительских консерваторий во Франции имеют общие черты трансляции типизированных массовых представлений о музыкальной культуре, включая ее определенную начальную базу и в какой-то степени воздействуя на функциональное положение музыкального восприятия и творчества в жизни человека. Популярная культура, которую мы уже с детства впитываем через радио, телевидение и Интернет не может не смешиваться, порой противопоставляя всеобщие стандарты мышления образовательным или семейным традициям, на которые, по сути, с той или иной скоростью сама же оказывает влияние. С другой стороны, мир нестереотипных индивидуальных образов теперь представлен в профессиональном элитарном искусстве.

Музыкальный язык: от географического положения к социальным полям. Начало музыкальных культур было неразрывно связано с географическим положением базовой культуры. Таким образом, развитие музыкальных традиций макрорегиона собиралось в виде древа с корнями, заимствованиями и прочими связями. Немалую роль играл выбор тех или иных инструментов,⁴ который зачастую был также обоснован локацией культуры – имеющимися материалами, технологиями и т. п. Не стоит забывать и о связи музыкального языка с человеческой речью, что само по себе может представлять не менее углубленное в древность и сложное исследование, нежели, скажем, сопоставление культур по географическому фактору. Еще более сложным уровнем может оказаться сравнение музыкального и вербального, так как тут речь может идти о компаративном анализе многоуровневых систем, с выходными данными, полученными с помощью различных методов.

Поздние культуры начинают активно расслаиваться на различные культурные поля. В одном и том же музыкальном языке начинают преобладать те или иные средства, лучше относящиеся к определенным условиям. Так, своеобразно развитие языка, например, в средневековой церковной музыке, опере, в музыке XIX века. Последняя, при этом, не может не вбирать в себя достижения предыдущих, привнося

свои изменения, скажем, одновременно усиливая национальные свойства за счет использования фольклора.

В современном обществе мы уже видим массовую культуру, которая по используемым средствам более привязана уже не к географическому положению, а к конкретным задачам и социальным группам. Субкультуры в узком значении имеют определенные отличия в используемых средствах музыкального языка, но при более детальном рассмотрении мы можем увидеть очень много общих параллелей – быть может, мы наблюдаем некий всеобщий музыкальный язык в рамках популярной культуры, коммуникационные средства которой, в свою очередь, по сути, даже переходя из одной субкультуры в другую, существенных изменений не претерпевают. Их внешнее изменение может происходить в зависимости от требований социального поля. В свою очередь, автономия и гетерономия тех или иных полей зависит от различных исторических процессов, соответственно также изменяются количество и характер заимствований в музыкальном языке, соответствующем тому или иному полю. Можно предположить, что всеобщее информационное пространство порождает всеобщее смешение стилей, с практически одновременным разделением, связанным со сложными механизмами социального заказа и культуры потребления.

Музыкальный язык в междисциплинарных исследованиях. Для исследования музыкального языка, как и других невербальных феноменов, может быть полезным изучение области существования образов в смежных искусствах. Сам мир искусства уже располагает большим количеством форм и жанров, в которых сочетаются различные языки (обряды, танец, музыка, театр и т. д.). *С одной стороны*, сами по себе, эти формы могут быть, условно говоря, рассмотрены с позиций изучения свержзыка как единого целого, например, интертекстуального исследования произведений в поле его же употребления. Тут мы сталкиваемся с герменевтическими проблемами междисциплинарных исследований, взаимосвязи свержзыка и социальных структур, автора и реципиента. Здесь для анализа свержзыка могут быть применены внешние методы, позволяющие изучить воздействие различных современных текстов на те или иные социальные единицы. Когда же речь заходит о конкретных языковых слоях произ-

ведений, изучение с позиции выявления связей между искусствами может так или иначе сводиться к тому, что языки делятся на метаязык и языки-объекты, осуществляется перенос концепций, например, семиотических. В произведении, содержащем в себе музыкальный и литературный языки, роль метаязыка может в некоторой степени выполнять литературный, а роль языка-объекта – музыкальный язык, не говоря уже о том, что само исследование описывается вербально.

При использовании анализа сверхязыка как единого целого можно не учесть, что порой один и тот же, скажем, музыкальный материал мы можем встречать в совершенно различных контекстах. Например, А. Швейцер описывает процесс создания М. Лютером новых музыкальных произведений для церкви порой из народных песен с совершенно житейским текстом.⁵ Однако, следует учитывать, что анализ сверхязыка по своей сути может не выдерживать ни классическую источниковедческую критику, ни ряд других, так как представляет собой средство иного уровня, позволяющее проследивать в первую очередь культурные и социальные процессы.

С другой стороны, отвлеченный анализ языков с построением теоретических систем в каждом из них позволяет эффективно выявлять индикаторы и критерии для компаративного анализа. Дальнейшие аналитические действия могут привести нас, например, к осуществлению актуальных исследований в области психологии восприятия искусств, равно как и в других областях знания. Для изучения музыкального языка имеет место построение музыкально-теоретических систем, выделение системно-структурных элементов в музыкальном языке. Также можно предположить использование музыкальной семиотики. Зачастую для нее используют различные вербальные данные, оставленные композитором. Однако в музыкальном искусстве складывается своя система внутренних знаков, кодов.⁶ Следует отметить, что основной минус отвлеченного анализа языков заключается в том, что в различных областях знания могут образовываться крайне автономные профессиональные поля теоретиков, и исследования, актуальные в рамках этих полей, могут быть практически бесполезны вне их пределов. Автономия таких полей в разных теоретических пространст-

вах отлична и зависит от изучаемого языка: так, наименьшую степень мы можем наблюдать в лингвистике, затем – литературоведении, а наибольшую – в музыкознании и изучении визуальных искусств.

Эти два противоположных способа (полагаю, их может быть и больше) можно комбинировать. Например, при сопоставлении теории живописи и теории музыки возможен анализ произведений, сочетающих визуальное и музыкальное; например, может рассматриваться сопоставление цветовой палитры и ладовой системы. Затем возможно и включение в психологические исследования раздела по цветомузыкальному сопоставлению, что позволит выявить параллели в восприятии зрительных и музыкальных образов. В данные исследования могут быть включены уже и вопросы гендерной проблематики. Не стоит забывать и о двухстороннем свойстве связи языковых и социальных единиц. Так, причина различий в восприятии музыкальных и зрительных образов может крыться в существующей в том или ином обществе системе музыкального или художественного обучения. При этом связь может оказаться и перекрестной.

Можно использовать и микроисследования для изучения музыкального языка: например, взять материал в рамках одного узкого культурного поля. При этом, если известно гендерное устройство этого поля, то теоретически возможны любые параллели с миром музыкального языка, но продвигаться в их проведении все же стоит как можно более осторожно, так как эти данные могут привести к преждевременным выводам. Если же известно происхождение материала и его отношение к изначально женской или мужской области, то можно взять отдельно женский и мужской материал одного поля и сравнить использование средств музыкального языка, и лишь затем попробовать провести параллели с гендерным устройством конкретного поля.

Мужское и женское в авторском языке. В фольклорном пространстве легко увидеть условного автора-мужчину и автора-женщину, если взять соответствующие жанры (например, женский плач, колыбельная, мужские и женские танцы и т. д.). Исходя из этого, можно проводить компаративные исследования, сравнивая средства, используемые в «женских» и «мужских» жанрах.

Переход к профессиональному творчеству с преобладанием авторов-мужчин концентрирует в их творчестве как женские, так и мужские образы. Можно рассматривать отдельные черты мужественности и женственности в свойствах музыкального языка, используемых, скажем, одним автором для создания мужских и женских образов.

Появление женщин-авторов в профессиональной музыке не могло не вызвать определенные изменения в языке. Действительно, разница в авторском языке подтверждается лингвистическими исследованиями⁷ (следовательно, в музыкальном языке также должны быть черты мужского или женского текста, чему можно посвятить отдельное исследование). Но, с другой стороны, по сути, при объединении в руках автора-профессионала всего арсенала творческих средств, при унификации института образования, можно увидеть переход к общей культуре воображения с ее всеобщей картиной мира и, соответственно, с всеобщим представлением о женском и мужском. Учитывая этот фактор, рассмотреть различия в творчестве мужчин-авторов и женщин-авторов в музыке будет значительно труднее.

Гендерные аспекты и развитие музыкальных систем.

На Востоке практически на протяжении всей музыкальной истории широко использовалась модальная система; при этом ее функции несколько отличаются от функций той же системы в Европе: на Востоке звук интересен сам по себе; привязанный к определенной системе, он представляет собой определенный символ – от системы люй-люй, музыки га-гаку⁸ до концептов в современной музыке. Естественно, тональная система не могла не присутствовать на Востоке, но она не была основной,⁹ тем более остается большим вопросом процесс возникновения и взаимодополнения тональной и модальной систем в принципе.

В средневековой Европе также широко использовалась модальная система. При всех ее отличиях, для Европы эту достаточно статичную систему можно охарактеризовать как абсолютное искусство веры, стирающее гендерный вопрос.

Западной музыке XVIII–XIX веков, напротив, присуща динамичность развивающихся систем. Требуются новые средства для обеспечения движения, музыкального времени и нарушения строгой замкнутости конструкций предыдущего

периода. В XVII–XVIII веках для обеспечения большей функциональности тональной системы происходит безусловный переход к октавной системе,¹⁰ модальная система временно претерпевает кризис, а «новая» тональная система, корни которой по своей природе уходят гораздо дальше классицистов, напротив, уместается в новоявленные каноны. В самых общих словах, большее значение теперь играет не краска звука в звукоряде, а тональная функция.

В эпоху классицизма мы можем видеть противопоставления мужского и женского в драматургии сонатных «аллегро». Хотя инструментальная музыка данного периода далеко не всегда программна (а ее тоже можно взять для анализа), но подобную параллель, например, с главной и побочной партиями провести все-таки можно (например, чем неженские образы в побочных партиях сонат и симфоний Моцарта). Вопрос остается в том, какие именно выразительные средства, а также свойства господствующей тональной системы являются причинами данных ассоциаций, и, конечно, насколько эти ассоциации весомы.

В XIX веке происходит возрождение модальности в европейском искусстве. Классицистский набор средств не может удовлетворить требования стремительно развивающегося романического искусства. В музыкальный язык проникают модальные краски, которых не было в музыке эпохи классицизма. Однако эти элементы можно одновременно расценивать как усложнение тональной системы: действительно, инструментарий функций дополняется новыми, не употребленными до этого средствами.¹¹

В XIX веке в русской музыке зачастую используются восточные мотивы, утонченные и подчас феминные. При этом используются отдельные ладовые элементы модальной системы, использовавшейся на востоке. Возможно, существует некая связь между семиотиками языковых элементов: в русской модальности и восточной.

Импрессионизм, в котором модальные свойства вышли на первый план, показал другую картину: большая статичность, меньшее тяготение породили целые ряды образов. Быть может, их суть заключается в тонкой семантике смешения тональных и модальных свойств, как в XIX, так и уже в XX веках.

Пришедшая в начале XX века в композиторскую практику серийная система, по сути, не представляет ни женских, ни мужских образов, являясь в чем-то даже параллелью функциональности средневековой европейской модальности. Ее приход был плавным, вместе с образами (в т. ч. мужскими и женскими) в творчестве ее пионеров исчезали тональная и модальная системы.

С другой стороны, если взять, например, джаз, то при всем своем разнообразии, обилии подстилей даже в самых общих чертах его в американской культуре можно рассматривать всесторонне, отчасти и потому, что этот стиль захватывает огромное поле американского общества. В целом, эта культура не отличается существенной гендерной однонаправленностью. Скорее, мы можем представить язык джаза как смешивающий мужские и женские черты, но не стирающий полностью тех или иных границ за счет игры модальных красок, использования политональности и полимодальности и всеобщего смешения различных систем; политональность зачастую используется в импровизациях при сохранении основного устоя.¹² В русской среде отдельные слои языка замещаются другими, порой при почти полном соответствии исходных текстов, стираются те модальные черты, которые подчас и являются основополагающими в формировании семиотическо-образной структуры. Причин этому несколько: с одной стороны, джаз – привнесенное в нашу культуру, с другой стороны – сама культурная среда диктует определенные условия развития отечественного джаза. В результате, можно предположить, что и гендерно-образная картина в искусстве меняется под запросы целевой аудитории – но при этом диктат идет не только при помощи формирования прямых запросов, а через развитие самого языка как институции с двухсторонней связью. Однако можно усмотреть определенную временную задержку между самим запросом и его отображением в культуре. Быть может, отчасти поэтому мы в большей мере слушаем зарубежный джаз?

В современной музыке все более и более стираются границы женского и мужского, но при этом в определенной степени сохраняются и возникают новые стереотипные стили и жанры.

С одной стороны, сфера искусства в отдельных социальных полях предстает перед нами как некая область профессионализма, существующая исключительно для профессионалов, в которой стираются женские и мужские образы за счет отдаленных от социальных реалий внутренних функций искусства. С другой стороны – в той же сфере создаются произведения чрезвычайно массовой направленности, в которой уже при все меньшем присутствии личности автора – в рамках общих стандартов порой трудно понять черты мужественности или женственности; или же они, напротив, идеализированы с простым использованием языкового стереотипа или доведены до абсурда для стороннего наблюдателя. В музыкальном языке осуществляется смена приоритетов: в массовом искусстве функцию организации музыкального времени теперь выполняет не только тональная система (отчасти из-за необходимости этой функции она и дополняет модальную), но и усиливающиеся системы повторности и четкой ритмической организации. Увеличивается энергетика, но уменьшается роль систем, различиями в которых можно охарактеризовать изначально мужские или женские музыкальные жанры. В немассовом искусстве, напротив, происходят метаморфозы женского и мужского. В перформативных произведениях мы зачастую можем видеть противопоставление стереотипных гендерных представлений, выраженных в одном языковом слое с абсолютно иным миром образов – в другом. И при анализе подобных произведений в еще большей степени необходимо сочетание изучения сверхязыка всего произведения и независимого многометодного исследования отдельных языков искусств с дальнейшим сопоставлением результатов для раскрытия как внутреннего пространства произведения, так и процессов, в рамках которых оно создано.

¹ *Пушкарёва Н.* Гендерная теория и историческое знание. СПб., 2007.

² Например, особенно интересно посмотреть статью про ДМШ в СССР: Как учат музыке за рубежом. Сост., авт. Предисл. *Харгривз Д. Дж.*, *Норт А. К.*; пер. с англ. Бронгулеев В. М., 2009.

³ Там же.

⁴ *Блауконф К.* Пионеры эмпиризма в музыкальной науке: Австрия и Богемия – колыбель социологии искусства. СПб., 2005. С. 126–130.

-
- ⁵ Швейцер А. Иоганн Себастьян Бах. М., 2004.
- ⁶ Гуляницкая Н. С. Методы науки о музыке: Исследование. М., 2009.
- ⁷ Пушкарева Н. Указ. соч. С. 265–272. Кирилина А. В. Гендер: лингвистические аспекты. М., 1999.
- ⁸ Сисаури В. И. Церемониальная музыка Китая и Японии. СПб., 2008.
- ⁹ О тональной и модальной системах см.: Гуляницкая Н. С. Методы науки о музыке: Исследование. М., 2009. С. 35. Холопов Ю. Н. Гармония. Теоретический курс. СПб., 2003. Холопов Ю., Кириллина А., Кюрегян Т., Лыжов Г., Поспелова Р., Ценова В. Музыкально-теоретические системы: учебник для историко-теоретических и композиторских факультетов музыкальных вузов. М., 2006. Середа В. П. О ладе в музыке и «разладе» в теории. М., 2010. Теория современной композиции: учебное пособие. М., 2007.
- ¹⁰ Середа В. П. Указ. соч.
- ¹¹ Гуляницкая Н. С. Русская музыка: становление тональной системы. XI–XX вв.: Исследование. М., 2005. С. 126–133.
- ¹² См., например: Чугунов Ю. Н. Эволюция гармонического языка джаза. М., 1997.

Гендерная роль певца-кастрата: жизнь и игра

Чтобы судить о гендерной роли певца-кастрата, необходимо коснуться истории вопроса о кастрации. История практики кастрации уходит далеко вглубь времен. Этой жестокой операцией подвергались пленные, которых посредством кастрации пытались превратить в послушных исполнительных рабов, часто небезуспешно; специальные слуги-евнухи охраняли султанские гаремы. Известны случаи самооскопления «во имя Божие», когда из-за неправильно понятого Писания возникали целые секты скопцов. Скопчество как ересь возникло в России в конце XVIII века. В 1772 г. императрица Екатерина II подписала указ, предписывавший расследовать дело о скопцах, появившихся в Орловской губернии. Распространители скопчества подвергались суду и ссылались в Сибирь на каторжные работы. Секта проповедовала «спасение души» в борьбе с плотью путем оскопления (кастрации) мужчин и женщин, отказа от мирской жизни. Физическое страдание от операции и преследования со стороны правительства трактовались скопцами как религиозный подвиг¹.

В Западной Европе возник и прочно укрепился культурный феномен, соединяющий кастрацию и... музыку. Связь кастрации с музыкой появилась из-за необходимости найти подходящую замену женским и детским голосам для пения в церкви. Женщинам петь в церкви было запрещено. Основанием этому запрещению служили слова апостола Павла: «Жены ваши в церквах да молчат, ибо не позволено им говорить» (1 Кор 14, 34).

В первые века христианства в церкви пели только мужчины. С развитием церковной музыки для высоких партий стали использоваться мальчики. Но это создавало много проблем, главным образом из-за того, что это использование было непродолжительным: их голоса после полового созревания «ломаются» и становятся непригодными для высоких партий.

Известно, что в IX веке в Константинополе в соборе Св. Софии стали петь певцы-кастраты (в качестве певцов ценились только те кастраты, операция над которыми была

произведена в детском возрасте – только в этом случае они, повзрослев, сохраняли нежный детский голос).

В конце XI века в Испании евнухи стали привлекаться к католической литургии. К XVI веку они достигли своим искусством пения больших успехов. Группе испанских певчих были отданы партии сопрано в папской капелле в Риме. Хотя нужно заметить, что для партий сопрано использовались и фальцетисты – певцы с естественными мужскими голосами, но работающие в верхнем регистре. Во всяком случае, когда в 1599 г. в хор папской капеллы были зачислены впервые два *итальянских кастрата* – евнух Пьетро-Паоло Фолиньяти (Petrus Paulus Folignatus Eunuchus) и евнух Джироламо Розини из Перуджи (Hieronimus Rosinus Perusinus Eunuchus)², преимущество кастратов перед фальцетистами стало настолько очевидным, что в скором времени папа Климент Восьмой избавился от всех оставшихся фальцетистов и заменил их кастратами-сопранистами. Голоса кастратов выгодно отличались от резкого и пронзительного фальцетасопрано; кроме того, из-за неестественной и насильственной манеры пения голосовые связки певцов-фальцетистов изнашивались очень быстро.

Дальнейшее укоренение феномена кастратов в музыкальной культуре Западной Европы произошло благодаря появлению нового жанра искусства – оперы. Певцы-кастраты стали пользоваться большим спросом. «Мода» на кастратов распространялась по Италии XVII века очень быстро: кастрировали по несколько тысяч мальчиков ежегодно. Официальное отношение церкви к практике кастрации было непоследовательным и противоречивым: причастный к проведению операции кастрации признавался отлученным от церкви. Однако никаких попыток запретить использование кастратов не предпринималось, и, более того, именно церковью активно использовались их голоса: кастраты пели во всех итальянских церквях, в том числе в личной папской часовне.

В связи с угрозой отлучения от церкви операции проводились «подпольно», за исключением тех случаев, когда медицина предписывала такую операцию в качестве средства от некоторых болезней. Условия, в которых проводились операции – захолустными лекарями или цирюльниками, без надлежащей анестезии, примитивными инструментами, в анти-

гигиенических условиях, – приводили к тому, что смертность в результате кастрации достигала 80%.³

Оперировались мальчики, обнаружившие высокие музыкальные способности, в возрасте от 7 до 12 лет. Важно было сделать операцию прежде активизации гормональной функции организма, поэтому чаще всего мальчиков кастрировали между 8 и 10 годами.

Под впечатлением триумфа великих кастратов многие родители видели в кастрации путь к преодолению низкого происхождения и нищеты. Этим объясняется то, что большинство кастратов (за исключением Фаринелли), были выходцами из бедных семей. Возник самый настоящий рынок, правила которого давали гарантии семье кастрата на долю в его будущих доходах. Вот что сообщает об этом Э. Хэриот: «Среди этих несчастных обычай продавать в музыкальное рабство любого ребенка мужского пола, у которого проявлялись хотя бы малейшие музыкальные способности или задатки хорошего голоса, был так же распространен, как обычай продавать детей для работы в шахтах или трубочистами в бедных семьях индустриальной Англии. Впрочем, в каждом случае ситуация складывалась по-своему: одни родители продавали своих детей учителям или в музыкальные учреждения, а другие сами ухитрялись наскрести достаточно средств, чтобы нанять сыну хорошего учителя пения. Родители считали такое вложение денег весьма надежным, так как были уверены, что именно их ребенок станет самым лучшим и известным певцом и обеспечит им безбедное существование в старости – хотя трудно понять, на каком основании они ждали от него благодарности».⁴

Социальное положение кастрата было во многом предопределено. В исторически сложившихся социальных взаимоотношениях существовала определенная дискриминация по отношению к кастратам. Гендерная роль кастрата всегда отличалась от гендерных ролей нормальных мужчин и женщин. Во-первых, кастраты лишались возможности иметь детей, так как они становились в результате операции бесплодными (хотя не бессильными: связи, и даже иногда браки, с женщинами кастратов были многочисленными). Не только голос, но и весь организм кастрата претерпевал физиологические изменения: почти полностью отсутствовал на теле волосной покров, отсутствовало адамово яблоко (играющее важную роль в формировании мужского тембра голоса). Не редко те-

ло кастрата приобретало женственные формы: отсутствие тестостерона приводило к чрезмерной активности женских гормонов, к развитию тучности, часто к огромному росту. Внешность певцов-кастратов многих приводила в недоумение. Шарль де Бросс, путешествовавший по Италии, например, замечал: «Едва ли не все сопранисты становятся огромными и жирными, как каплуны: губы, зады, плечи, груди и шеи у них круглые и пышные, словно у женщин. В обществе, бывает, просто поражаешься, когда этакий колосс вдруг заговаривает тонким, почти детским голосом».⁵

В музыкальных трактатах XVIII и XIX веков присутствует еще одно наблюдение, касающееся кастратов: отмечается, что у них с возрастом развивалась неврастения. Говоря современным языком, у многих из них развивался депрессивный психоз: многие из них, пережив триумф, известность, доживали свой век в одиночестве.

Операция кастрации (при условии, что мальчик оставался жив после нее), далеко не всегда оправдывала надежды бедных родителей. Певцами становились немногие. Голоса кастратов иногда оказывались вообще непригодными для пения. Дальнейшая судьба таких неудавшихся певцов, как правило, только усугубляла их бедственное социальное положение, обусловленное их происхождением: в обществе с давних времен установилось презрительно-неприятное отношение к кастратам. Лишь некоторые, при наличии таланта, становились актерами на женские роли в бродячих труппах, другие шли в служители церкви.

Изменение своей гендерной роли в обществе певец-кастрат ощущал в самом юном возрасте, когда, сразу же после операции, попадал в консерваторию – специально созданное учебное благотворительное заведение для бедных, в которой воспитывали и обучали будущих оперных певцов и композиторов. В консерваториях кастраты пользовались некоторыми преимуществами по сравнению с другими учениками. Их считали более слабыми, они получали пищу лучшего качества (хотя и не в большом количестве), за их здоровьем постоянно следили. «В этом учебном заведении, – пишет Берни о консерватории Сант Онофрио, – находятся шестнадцать юных кастратов, которые живут наверху, в более теплых помещениях, чем остальные мальчики, из-за страха перед холодом, который может не только помешать им развивать их нежные голоса, но и угрожает вообще погубить их».⁶ Однако несмотр-

ря на всю заботу о них, жизнь кастратов в этих заведениях не была свободна от конфликтов, связанных с их социальной «ущербностью»: за спиной учителей они становились объектами издевательств со стороны «нормальных», обыкновенных учеников, лишенных тех преимуществ, которыми были облагодетельствованы эти «калеки», «порченые». В хрониках неаполитанских консерваторий постоянно встречаются записи, что «такой-то, и такой-то, евнух, поступил...; se n'e fugito – сбежал»⁷ (другие студенты часто отчислялись за лень или недостаточные способности, но убегали они редко; этот факт говорит сам за себя).

«Мода» на певцов-кастратов оказалась в реальности гораздо более устойчивым культурно-историческим явлением: два века – XVII и XVIII – певцы-кастраты занимали доминирующую позицию в опере, подняли вокальное искусство на высочайший профессиональный уровень, были непревзойденными виртуозами и мастерами импровизации.

Оказавшись на вершине славы (а именно так можно охарактеризовать тот успех, который описывают документальные свидетельства XVII–XVIII веков), певцы-кастраты, несомненно, получали своего рода «компенсацию» за причиненный им физический ущерб, за те сложнейшие условия выживания, в которые они были поставлены в годы учебы, за кропотливый многолетний ученический труд.

Та гендерная роль, на которую общество обрекло кастрата – роль «не-мужа», «не-отца», «не-главы семейства», «не-мужчины с определенным набором мускулинных характеристик», роль аномального, женоподобного, слабого существа, – теперь дополнялась положительными, престижными сторонами: ролью любимца общества, уверенного, признанного мастера своего дела.

Эпоха, породившая певцов-кастратов, – эпоха барокко, – благоприятствовала максимальному раскрытию их творческого потенциала. В эстетических установках эпохи барокко нельзя не заметить влияния народного карнавального начала. Изменчивая, шутовская стихия игры с переодеваниями и превращениями, берущая начало из народных итальянских карнавалов, пришла и в оперу – жанр, рожденный на итальянской почве. В то же время на сценические образы, создаваемые на оперной сцене, оказала влияние барочная идея «абсолютного искусства». Эстетические вкусы эпохи требовали от художественного образа выражения измененной, пре-

образованной природы. Эти требования заходили настолько далеко, что появление на сцене женщины в образе женщины, и мужчины в образе мужчины, с присущими их полу голосами и манерами, воспринималось как нечто неподобающее искусству. И напротив, высочайшую оценку заслуживали мужчины, играющие женщин. Искусство «подражания», или, если воспользоваться терминологией Станиславского, «перевоплощения», доходило до такой степени, что иногда совершенно невозможно было определить пол исполнителя роли. Известны курьезные случаи, когда некоторые кавалеры пытались завести романы с некоторыми «актрисами», не подозревая о том, что перед ними мужчины. Безусловно, на роли этих дам более всего подходили кастраты.

Известен отзыв Гете, который пришел в восторг от игры кастратов, играющих женщин: «Я стал размышлять о причине и, мне кажется, нашел ее в том, что в подобном представлении все время оставалось живое понятие подражания в искусстве, а мастерство исполнителей создавало своего рода осознанную иллюзию. Таким образом, зритель получал двойное удовольствие оттого, что видел на сцене не женщин, а лишь актеров, изображавших женщин. Молодые люди изучили особенности поведения и бытия женского пола; они досконально знали их и воспроизводили как истинные художники; они представляли не самих себя, а природу, совершенно им чуждую».⁸

Таким образом, гендерная роль кастрата, которая была невыгодна для него в реальных жизненных ситуациях, становилась его преимуществом в условиях сценической игры: она помогала ему реализовать его наблюдательность и актерский талант. Кроме того, популярными в то время были условно-исторические и мифологические сюжеты опер. А, следовательно, главными действующими лицами были герои – Цезарь, Антоний, Александр Македонский, Геракл и другие, которые исполнялись кастратами. Исполняя эти сценические роли, певец-кастрат получал возможность выступить в той гендерной роли мужчины, которую у него отняли в жизни.

Естественные мужские голоса (басы и баритоны) в эпоху барокко были почти не востребованы. Тенора использовались, но все же предпочтение, безусловно, было отдано кастратам. Если заглянуть в списки распределения ролей того времени, то можно увидеть, что все мужские роли, в первую

очередь героические, – были отданы кастратам; второстепенные – кастратам или тенорам.

Так, в «Помпее» Алессандро Скарлатти, как указывает П. Барбье, «восемь из одиннадцати партий были написаны для высоких голосов, поровну для кастратов и женщин, но из женских партий три были для мужских персонажей и тоже могли исполняться кастратами – в итоге природных мужских голосов требовалось всего лишь три».⁹

Причиной такого положения дел было, по всей вероятности, то, что ни один естественный мужской голос не способен исполнить сложнейшие бравурные пассажи, трели, апподжиа-туры, вызывавшие восторг слушателей, и считавшиеся необходимыми для главных оперных партий. Орнаментальную вокальную технику, которой блестяще владели певцы-кастраты, можно использовать лишь в верхних регистрах. Кроме того, в XVII и в начале XVIII века, судя по всему, существовали предрассудки против теноров и басов, которые считались слишком грубыми и резкими. Тенорам обычно приходилось довольствоваться ролями стариков (впоследствии эти роли стали доставаться басам), басы же приберегались только для специальных эффектов, например для пророчества Нептуна в «Идомее».

Иногда все мужские партии были написаны для сопрано и контральто, а женских партий было, соответственно, очень мало – соотношение числа женских и мужских ролей было примерно таким же, как в драмах Шекспира.

Этот факт говорит о том, что женщины на сцене в то время были редкостью. Хотя уже в начале XVII века было много прославленных певиц, большинство из них, будучи членами высшего общества, не могли себе позволить показаться на сцене перед большой аудиторией. Женщин, выступавших на подмостках, осуждали; со времен св. Августина в обществе прочно укоренился статус актрис, отождествляемый со статусом проституток и распутниц. В Риме и во всей папской области долгое время существовал официальный запрет на появление женщин на сцене. Кроме того, в большинстве случаев, это были камерные певицы, и все изящество их искусства неизбежно терялось бы в огромном театральном помещении. В XVIII веке женщин на оперной сцене стало больше. При сохранившемся отрицательном отношении к естественным мужским голосам, распределение вокальных партий в опере стало выглядеть, с современной точки зре-

ния, еще более странным. Энгус Хэриот приводит в своей книге, например, такие факты:

«В “Коронации Поппеи” Монтеверди партии Нерона и Оттона написаны для сопрано, тогда как партии Оттавии и Поппеи исполняются контральто (женскими): таким образом, мужчины в опере поют более высокими голосами, чем женщины, хотя последних играют именно женщины.

Еще более эксцентричной оперой с этой точки зрения представляется “Гелиогабал” Кавалли: партии Гелиогабала, Александра и Цезаря написаны для сопрано, а Зении (женская партия!) – для тенора. В “Катоне в Утике” Винчи, поставленной в Неаполе в 1732 г., партию Юлия Цезаря, написанную для сопрано, исполняла женщина, Джулия Факкинелли(!), а спустя несколько лет еще одна певица пела Геркулеса в “Свадьбе Геркулеса и Гебы”. Для открытия оперы Сан Карло в 1737 г. была выбрана опера Сарро “Ахилл на острове Скирос” на либретто Метастазियो. По сюжету Ахилл на протяжении почти всего спектакля переодет в женское платье, но в конце сбрасывает его и предстает истинным мужчиной. К сожалению, для исполнения этой партии была приглашена женщина, знаменитая Виттория Тези, что сделало всю оперу совершенно абсурдной».¹⁰

Все эти нелепые с точки зрения современного зрителя факты можно объяснить той *условностью, подчеркнутой нереальностью, игровой карнавальностью*, которая была присуща барочному искусству. Сюжет, драматические перипетии, поэтический текст оказываются в этом случае второстепенными, несущественными. Ария становится центром оперы, средоточием *самодостаточной красоты музыки*, в ней останавливается течение реального времени, замирает драматическое развитие, главным оказывается лишь чувственное наслаждение музыкой.

Но, кроме того, все эти «странности» окажутся объяснимыми в контексте категории *искусственности и осознанной иллюзии*. Достаточно вспомнить точку зрения Гете, увидевшего во всех этих переодеваниях и мистификациях именно то, что доставляло зрителям особое удовольствие, вызывало восхищение мастерством исполнителя, сумевшего отойти далеко от своего естества и изобразить чуждую ему природу.

Хотя кастраты сошли со сцены в конце XVIII века, реминисценции этого явления можно встретить и в более отдаленное время, и даже в отдаленной стране, например, в рус-

ской опере. Достаточно вспомнить оперы М. И. Глинки «Жизнь за царя» и «Руслан и Людмила». Мужские роли в этих произведениях – партия Вани в «Жизни за царя» и партия Ратмира в «Руслане и Людмиле» написаны для контральто, и всегда исполняются женщинами. Партия Леля в опере Н. А. Римского-Корсакова написана для меццо-сопрано. Известно, что М. И. Глинка три года жил за границей, был в Италии, Австрии и Германии. В Италии изучал бельканто и итальянскую оперу, написал несколько романсов на итальянские темы, писал даже вставные арии в итальянские оперы, там он и задумал написать первую русскую оперу, и, по возвращении из-за границы сразу же приступил к опере «Жизнь за царя». Глинка восхищался итальянской музыкой, но, изучив чужое, еще более полюбил свое, русское искусство. Партии Вани и Ратмира – дань уважения русского композитора искусству певцов-кастратов. Глинка, как никто другой, много сделал для создания русской вокальной школы, и многие его методические установки были почерпнуты им из наследия педагогов старой итальянской школы, на которой воспитывались певцы-кастраты.

¹ Надеждин Н. исследование о скопической ереси. М., 1845, Лондон, 1862.

² *Brosses Ch. De. Lettres familiers d'Italie.* Т. II. Р. 318.

³ *Burney Ch.* The Present State of Music in France and Italy. Р. 188.

⁴ Хэриот Э. Кастраты в опере. С. 42.

⁵ *Brosses Ch. De. Op. cit..* Р. 318.

⁶ *Burney Ch.. Op. cit..* Р. 324.

⁷ Comte d'Espinhal. *Journal d'emigration.* Р. 77.

⁸ Асмус В. Ф. Гете в «Разговорах» Эккермана // Вопросы теории и истории эстетики. М., 1968.

⁹ Барбье П. История кастратов. С. 112.

¹⁰ Хэриот Э. Кастраты в опере. С. 37.

Е. С. Турутина

Женщина-мать и половое воспитание детей: история и современность

В 1904 г. русский педагог Е. Лозинский в статье «Проблемы сексуальной педагогики» отметил следующее: «Да, женщине, ...в особенности женщине-матери, будет принадлежать пальма первенства в предстоящей реформе сексуального воспитания... для такой великой и деликатной задачи годит-

ся более всего нравственная природа женщины, чем мужчины, и если до сих пор роль ее в этом деле была незначительная и пассивная, то виною тому было только ее незнание».¹ Лозинский указывал на явное противоречие между желанием и возможностью женщины в воспитании ребенка – одно идет от природы материнского чувства, другое – от социального статуса и положения женщины в обществе: «Сохранить цельной и незапятнанной телесную и духовную природу своего ребенка всегда было заветнейшей мечтой нормальной матери, но как часто не хватает ей для этого знания и сил!»²

Прошло более ста лет с момента написания этих строк, но что же изменилось с тех пор? Современные женщины стали заметно образованнее своих предшественниц, по статистике в России образованных и читающих женщин больше, чем мужчин. Со времен Е. Лозинского опубликованы тысячи работ и научных исследований, способных вооружить всех желающих родителей специальными знаниями в сексуальном просвещении детей. Однако сегодняшние мамы так и не стали главными агентами полового воспитания детей. Что касается нехватки «сил», то боюсь, что социальный прогресс не столько разгрузил женщину в заботах, создав чудо-технику в помощь к домашней работе, сколько вдвойне увеличил нагрузку женщины – она освоила профессиональную сферу, но при этом осталась «хранительницей домашнего очага», основным субъектом по уходу за домом и ребенком в силу действия традиционных стереотипов о женском предназначении. Таким образом, у нашей современницы стало еще меньше «сил» на специальное половое воспитание детей, нацеленное на подготовку молодых поколений к репродуктивной и семейной жизни. Отсюда только 10% подростков, принявших участие в одном из опросов на тему полового воспитания, признались в том, что первую информацию по вопросам пола они получили от своих родителей.³

У родителей на этот счет имеется свое мнение: именно себе они отводят главную роль в половом воспитании детей. По данным исследования И. Журавлевой, более двух третей родителей (70,5%) говорят с подростками о сексуальном поведении; подростков же, вспомнивших такие беседы, меньше – всего 57,3%, из них только 39% подростков смогли вспомнить периодичность таких бесед. По мнению исследовательницы, «это свидетельствует о завышенных представлениях ро-

дителей об их роли в половом просвещении своих детей или о непонимании подростками сути подобных разговоров».⁴

Реальный вклад родителей в половое просвещение детей незначителен. По данным ВЦИОМ, 87% родителей никогда не говорили со своими детьми о сексе или делали это эпизодически. Подростки стесняются обращаться к родителям с подобными вопросами – 67% девочек и 77% мальчиков ни разу не общались с родителями на темы секса.⁵ Отсюда вполне закономерен вывод о том, что социальный институт семьи, родительства в целом слабо выполняет функцию по подготовке детей к сексуальной жизни и реализации ими своих репродуктивных прав и возможностей.⁶

Автор данной статьи солидарен с Е. Лозинским в том, что природа матери наиболее подходит для роли сексуального просвещения детей. Однако абсурдно надеяться на то, что современная мать возьмет на себя эту функцию: если и другие сферы воспитания, более легкого характера (например, обучение счету, чтению) отдает она на долю педагогов, то что говорить об этой сложной теме, требующей от нее дополнительных знаний и моральной подготовки! Но именно сегодня роль женщин-матерей в половом воспитании детей велика, поскольку они должны инициировать возрождение сексуальной педагогики в современной России в целях заботы о физическом и нравственном здоровье молодых людей. При этом осуществлять функцию полового воспитания детей должны педагоги-профессионалы и только в общеобразовательных учреждениях.

Родители в массовом порядке никогда не занимались решением полового вопроса для детей, и впредь им заниматься не будут. По словам И. С. Кона, «уровень родительского авторитета и контроля за сексуальным поведением подростков в разных странах неодинаков, родительская семья нигде не является ключевым каналом сексуального просвещения, и это не рассматривается как катастрофа. Родительская семья – важный фактор нравственного и эмоционального воспитания детей, но собственно сексуального просвещения, как и всякого иного образования, она не дает и дать не может».⁷

Между тем, с древних времен старшее поколение активно участвовало в половом воспитании потомков, и это не было уделом родителей. Как считает И. С. Кон, «в первобытных обществах, где функции четко распределены, подготовкой подростков к половой жизни также занимались не родители,

а кто-то из старших членов рода, специально обремененный этими обязанностями. Информация столь интимного свойства, если ее сообщает близкий человек, создает напряженное эмоционально-эротическое поле, в котором неловко чувствуют себя и родители, и дети. Не только родители чувствуют себя неуютно при разговорах на половые темы, но и подростки предпочитают получать эту информацию каким-то иным путем, беседа с родителями на эти темы смущает их и шокирует».⁸

Даже в Германии, где роль родительской семьи в сексуальном просвещении подростков выше, чем в некоторых других странах, отмечена закономерность, что с возрастом у детей снижается значение родителей как информационного канала по вопросам секса и пола, и повышается роль внесемейных источников. Причем предпочитаемым источником информации у немецких мальчиков и девочек выступает мать. То же самое относится и к российским детям: на фоне низкой доли родительского участия в сексуальном просвещении, они чаще общаются на эти темы с матерями.

По данным одного из наших исследований, почти 1/5 часть учителей выразила положительное отношение к включению в школьную программу курса по половому (гендерному) просвещению детей в целях формирования и развития репродуктивного здоровья молодежи – 21% от общего числа опрошенных; большинство опрошенных (35%) отнеслись к этому курсу «скорее положительно, чем отрицательно» (см. табл. 1). Таким образом, наибольшее количество томских учителей подтвердили актуальность проблемы, связанной с половым воспитанием детей, и выразили мнение в пользу ее решения через образовательный институт, в рамках школьной программы. Наибольшее количество томских учителей, принявших участие в данном опросе, имеют собственных детей: 34,9% – одного ребенка, 36,7% – двоих, троих детей имеет только 7 опрошенных (2%), не имеют детей – 16,5%. Таким образом, учителя-родители составляют подавляющее большинство из общего числа опрошенных. Отсюда можно заключить, что почти половина учителей, как представителей социально-профессиональной группы и родительского сообщества, не выразили отрицательного отношения к введению в школьную программу курса по половому (гендерному) просвещению детей в целях формирования и развития репродуктивного здоровья молодежи.

Наибольшее количество томских учителей – в возрасте 40–44 лет (15,9%) и 50–54 лет (15%), чуть меньше в возрасте 35–39 лет (12,8%), 45–49 лет (11,3%), 55–59 лет (10,7%), 30–34 лет (9,5%). Наименьшее количество опрошенных представлено молодыми учителями: 20–24 года – 5%, 25–29 лет – 3,7%, а также учителями пенсионного возраста. Зависимость между возрастом учителей и их мнением к включению курса по половому (гендерному) просвещению в школьную программу наиболее прослеживается в том, что «отрицательное» и «скорее отрицательное» отношение не было выявлено среди молодых учителей в возрасте до 35 лет. Данное обстоятельство, с одной стороны, может указывать на то, что молодые учителя в возрастном отношении ближе к проблемам подростков, соответственно, не понаслышке знакомы с проблемами молодежи, имеющими сексуально-половую окраску, и, соответственно, наиболее заинтересованы в их решении. С другой стороны, молодые учителя, взросление и созревание которых совпало с эпохой сексуальной революции в России, более лояльны и терпимы к вопросам пола и секса, отсюда и выраженное ими положительное отношение к этому спецкурсу.

В истории русской педагогической мысли и современной литературе, посвященных данной проблеме, часто выдвигался полоролевой принцип в сексуальном просвещении детей: дочерей в этих вопросах должны воспитывать матери, а сыновей – отцы. Так, К. Сидорович в своей работе «Дети и половой вопрос» предложил два метода преподнесения теоретических сведений, объясняющих важнейший механизм «живой великой Природы» и знакомства с ее законами продолжения жизни – один для девочек, другой – для мальчиков.⁹

В. Канель в статье «Половой вопрос в жизни детей», опубликованной в «Вестнике воспитания» в 1909 году, выступает категорически против участия родителей в деле сексуального воспитания детей, ссылаясь на цитату Клары Цеткин: «Чтобы сшить сапоги, требуется пройти искус ученичества, а чтобы руководить такими хрупкими творениями, как души детей, достаточно будто бы одного материнского инстинкта. Сколько людей коверкает этот слепой инстинкт, который считают способным заменить знания и специальную подготовку».¹⁰

В известной работе «Половая жизнь ребенка» немецкого ученого А. Молля «половой вопрос» делится на две стороны – объективную и субъективную. Объективная сторона половой жизни может преподноситься уже в раннем возрасте, для

чего наиболее пригодными оказываются уроки ботаники, зоологии, биологии. Соответственно наибольший педагогический и образовательный эффект могут оказать в этом деле учителя, школьные или домашние, а также врачи. Что касается субъективной стороны вопроса о половой жизни, то здесь лучшим воспитателем, по мнению Молля, может быть только доверительное лицо, прежде всего родители, лучше всего – мать.¹¹

В книге «Происхождение человека. Сборник статей по половому воспитанию детей», опубликованной в России в 1909 г. и составленной преимущественно из работ немецких авторов, довольно часто говорится о роли матери в сексуальном просвещении детей. Так, в статье К. Агада «Работа в народной школе» предлагается дифференцировано осуществлять функцию воспитателя в вопросах половой жизни человека, в зависимости от пола: педагог-мужчина – для мальчиков, педагог-женщина (обязательно по статусу мать) – для девочек.

Значительная часть публикаций указанного сборника принадлежит авторам-женщинам: Генгриетта Фюрт, Берта Геринг, Эмма Экштейн, Эльза Вибираль, Эльза Мюке, Элизабет Ландман, Августа Абреш, Эльфрида Стриговская, Мария Мартин, Элиза Силланд. Большинство из них рассуждают о половом воспитании с позиции матери, а не профессионального педагога, поскольку даже в такой передовой стране Запада, как Германия, учительское ремесло было уделом мужчин. Однако участие женщин в решении полового вопроса для детей в немецкой педагогической мысли начала XX века показывает степень его актуальности в воспитании детей и говорит о широте и прогрессивности взглядов немецких женщин. И хотя большинство указанных авторов склонны к тому, чтобы доверять половое воспитание детей исключительно матерям или женщинам-воспитателям, имеющим материнский опыт, многие из них все же отдают себе отчет в том, что современное им поколение женщин не готово к такой роли ни культурно, ни с точки зрения образования. В частности, Мария Мартин отмечает в своей статье: «Не то, какая мать нужна будущему ребенку, а то, какая жена “нужна” мужчине для забавы и наслаждения – вот что слишком долго и основательно служило масштабом воспитания женщин».¹² Выступая критиком традиционной женственности, и косвенно – патриархатности культуры, автор статьи «О половом

просвещении юношества» возлагает «истинное» и «чистое» половое просвещение детей на «свободно и широко мыслящую мать», но по причине ограниченного числа подобных предлагает дополнить их «учительницами с материнской душой» и теми мужчинами и женщинами из числа врачей, учителей и родителей, кому не безразлична судьба подрастающих поколений в тревожное для жизни время.¹³ По замыслу М. Мартин, половое просвещение должно стать качественно новой ступенью в воспитании детей и должно осуществляться в неразрывной связи с ним.

Таким образом, анализ литературных источников показывает, что отечественные и зарубежные педагоги в истории и современности, исследующие проблемы сексуального воспитания детей, придавали в нем значительную роль женщине-матери. Однако сегодня значение матерей в этом педагогическом процессе должно быть переосмыслено: в силу разных факторов они не могут стать главными субъектами сексуального просвещения детей, но именно они должны вновь поднять проблему полового воспитания детей в общественном и педагогическом дискурсе, и в конечном итоге добиться решения «полового вопроса», актуальность которого достигла наивысшего уровня развития.

В различных сферах современного российского общества наблюдаются глубокие перемены, отразившиеся и на структуре личности. Трансформации, происходящие на аксиологическом, когнитивном, праксиологическом уровнях психики, изменили образ жизни и мышления российского населения. В условиях модернизации общества экономические, социальные и политические процессы развиваются опережающими темпами по сравнению с духовными. Формирование новых ценностей и идеалов, адаптированных к инновационным условиям жизни, осуществляется медленно и нередко болезненно для личности, воспитанной в соответствии с традиционными элементами культуры. Данная ситуация характерна для взрослого поколения людей, столкнувшихся с изменениями общественного порядка в сознательном возрасте. В частности, половая мораль советского общества, воспитавшая определенный тип мужской и женской личности и модели взаимоотношения полов, отличается от современных этико-эстетических взглядов в сфере регулирования половой жизни. И здесь не обязательно приводить специальные научные данные, чтобы понять отноше-

ние людей старшего возраста к сексуальной жизни современной молодежи. Но именно молодые люди, рожденные в новом российском государстве, несмотря на широту своих взглядов, находятся в небезопасной ситуации. Если взрослое и старшее поколение российских граждан получили прочные установки, ценности и идеалы, помогающие им сохранять свой гендерный статус и регулировать гендерные взаимоотношения, то молодежь социализируется в иных условиях. Проблема заключается в том, что подростки имеют никем неконтролируемый и нерегулируемый доступ к информации о сексе (ни со стороны родителей, ни со стороны педагогов), но при этом не получают своевременной и квалифицированной защиты и помощи в вопросах секса, половой жизни и всех последствиях, связанных с нею, в том числе, негативных – аборты, незапланированная беременность, ВИЧ-инфекция, заболевания, передающиеся половым путем и т. д. Ханжеское отношение должно смениться здравым рассудком – слишком дорогой ценой расплачиваются наши дети за лицемерность взрослых к вопросам пола и секса.

¹ Лозинский Е. Проблемы сексуальной педагогики // Вестник воспитания. 1904, № 1. С. 33.

² Там же.

³ Лузан Н.В. и др. Медико-социальные исследования полового поведения подростков Новосибирской области за 5 лет (1994–1998) // ИППП. 1999, № 3. С. 43–46.

⁴ Журавлева И. Нужно ли россиянам половое просвещение? // Электронный ресурс. Режим доступа свободный: <http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0205/tema06.php>

⁵ Кон И.С. Подростки и секс // Планирование семьи. 1994. № 4. С. 16.

⁶ Там же.

⁷ Кон И.С. Подростковая сексуальность на пороге XXI века // Электронный ресурс. Режим доступа свободный: <http://zhivistrana.narod.ru/179.htm>.

⁸ Кон И.С. Психология юношеского возраста. М., 1979. С. 137.

⁹ См. Сидорович К. Дети и половой вопрос. СПб., 1909.

¹⁰ Цит. по: Канель В. Половой вопрос в жизни детей // Вестник воспитания. 1909, № 4. С. 169–170.

¹¹ Моль А. Половая жизнь ребенка. СПб., 1909.

¹² Мартин М. О половом просвещении юношества // Писарева Л. Происхождение человека. Сборник статей по половому воспитанию детей. М., 1909. С. 275.

¹³ Там же. С. 276.

Гендерное измерение высшего образования

В современной высшей школе нормой сделалось чтение курсов, проведение дискуссий, круглых столов, семинаров, и, наконец, конференций, в рамках которых авторы анализируют гендерную проблематику и избирают возможные способы артикуляции гендерной теории в структуре академического дискурса.

Качественные изменения, которые сегодня российская система образования переживает, в том числе при вхождении в международное академическое пространство (сообщество), должны способствовать повышению уровня гендерного просвещения как в социуме, так и в высших учебных заведениях.¹ Однако в контексте высшей школы возможность реализовать подобные образовательные практики чрезвычайно ограничена. При этом значимой частью гендерного просвещения является, в первую очередь, проведение гендерного измерения высшего образования.

Понятие «гендер» является сложным и многогранным концептом, который возможно упрощенно определить как социальный пол, затрагивающий психологические, социальные и культурные особенности жизнедеятельности человека.² Иными словами, возможно рассматривать гендер как результат конструирования индивидами и приписывания обществом культурного значения полу биологическому или культурный образец саморепрезентации индивидов в обществе, который имеет основанием принадлежность людей к определенному биологическому полу.

Необходимо отметить, что авторы, осуществляющие гендерный подход при исследовании социальной действительности, используют различные термины для именования процессуальной стороны изучения того, как проявляются, (вос)производятся и поддерживаются гендерные стереотипы в обществе и его важнейших социальных институтах. Так, в гендерной теории и методологии находит широкое применение понятие гендерного анализа. Кроме того, при анализе социальной действительности авторы оперируют понятием гендерной экспертизы, а также гендерного измерения.³ В настоящем тексте используется понятие гендерного измерения высшего образования, или процесса *изучения и оценки*

того, как именно гендерные стереотипы проявляются, (вос)производятся и поддерживаются в высшей школе.

Для того, чтобы обозначить причины обращения к теме (проблеме) гендерного измерения высшего образования, необходимо артикулировать суть образовательного феномена.

Образование есть феномен культуры, и его изучение не укладывается в рамки традиционного измерения уровня необходимых знаний, умений и навыков, которые приобретают выпускники вуза, поскольку образование предполагает вхождение индивида в социум, его приобщение к мировому культурному наследию.

С. И. Гессен писал, что понимание системы образования общества означает понимание всего строя его жизни.⁴ Автор видел целью образования приобщение подрастающего поколения к культурным достижениям человечества, а также «формирование высоконравственной, свободной и ответственной личности».⁵ Гессен отмечал, что понимание системы образования конкретного общества означает понимание всего строя его жизни. Традиции общества возникают и существуют на протяжении его истории, но не определяются только этим, потому как человечество постоянно разрешает сверхвременные «цели-задания». Культура общества есть деятельность по осуществлению «целей-заданий» – ценностей, которые нельзя полностью реализовать в процессе жизнедеятельности одного поколения, поскольку они неисчерпаемы. Следовательно, по мнению Гессена, человек должен осознать себя как существо, непрерывно реализующее ценности и творящее культуру. В этом заключается цель «педагогики культуры», важной особенностью которой является взаимодействие педагогов и учеников.

Целью образования является трансляция и воспроизводство культуры, включая основные присущие данной культуре (гендерные) стереотипы. Следовательно, образование не может быть успешным, если не созданы условия для принятия студентами себя, собственной профессии и будущего, или не предоставлена возможность гендерной социализации, предполагающая смягчение или деконструкцию существующих гендерных стереотипов.⁶ Соблюдать подобные условия необходимо только при проведении диалога в образовании.⁷

Концепт диалога в образовании берет свое начало в философской концепции диалога, подходы к которой разрабатываются с начала XX века и постепенно занимают свое место

в различных областях социогуманитарного знания. В процессе выработки философского обоснования этой концепции преодолевалась узколингвистическая трактовка понятия, когда диалог начал рассматриваться как форма духовного общения между субъектами.⁸

М. С. Каган рассматривает диалог как форму общения между равноправными субъектами, противоположную монологу как форме коммуникации между отправителем и получателем сообщения. Автор указывает, что общение и коммуникация являются разнонаправленными видами деятельности. Структура общения субъектов диалогична и всегда направлена на совместную выработку всеми участниками общей информации или точки зрения, содержанием которой иногда становятся противоположные мнения партнеров, поскольку каждый субъект процесса общения является уникальной личностью, представляющей свой взгляд на ту или иную проблему. Следовательно, автор отмечает, что диалог равноправных партнеров не подразумевает обязательное утверждение правоты одной из сторон при подавлении или нивелировании мнения других участников.⁹

А. П. Валицкая указывает, что при организации образования в форме диалога и формировании диалогического способа мышления необходимы изменения в самой сути образовательной практики, которая выстраивается на основе процесса личностного развития субъекта, но не на основе процесса структурирования информации, необходимой для изучения. Подобная организация образования в форме диалога предполагает, по мысли автора, что процесс познания основан на понимании и личностной значимости получаемого учащимся знания, а также предполагает направленность взаимодействия на «Я» субъектов и на окружающий мир, что способствует формированию диалогического способа мышления учащегося.¹⁰

Организация общения и обучения именно в форме диалога способствует как конструированию, так и проявлению личностной идентичности, или, в терминах М. Бубера, «встрече» с собой, а также помогает личности обрести себя и, по мысли М. С. Бахтина, не потерять свое «Я» в другом.¹¹

Личностная (и гендерная) идентичность каждого участника диалога проявляется/конструируется в общении как множественная, потому что является подвижной структурой, состоящей из многих компонентов, содержание которых по-

стоянно меняется, и описать которые объективно представляется сложным. Кроме того, в процессе взаимодействия общение выстраивается между несколькими субъектами одновременно, что в итоге порождает множественную общность автономных участников, и, следовательно, как множественность идентичностей всех присутствующих, так и множественность высказываемых мнений, которые способствуют постоянному расширению представлений о предмете обсуждения и пересмотру возможных точек зрения.

Таким образом, одной из причин обращения к теме гендерного измерения высшего образования является суть образовательного феномена. При этом образовательные практики, организованные в терминах диалога, должны способствовать *осознанной* интерпретации воспринимаемого пространства культуры, в котором индивид (субъект образовательного процесса) анализирует, оценивает и пересматривает существующие в обществе (и культуре) традиции, гендерные нормы и стереотипы. Подобное познание происходит в процессе общения, в ходе которого возможно формирование гендерной чувствительности, а также гендерной осведомленности личности.¹²

Вместе с тем, другой причиной обращения к проблеме гендерного измерения высшего образования является присутствие системы разветвленной иерархии и подчинения в такой академической организации как высшее учебное заведение.

Рассуждение о возможности привития индивидам системы культурных ценностей, доминирующих в том или ином обществе, равно как и о развитии общества и образования, приводит к выводу о том, что этот социальный институт нуждается в управлении. Системная характеристика образования делает возможным описание этого социального института как системы. Прежде всего, управление подразумевает систему целенаправленной деятельности, в ходе которой субъект воздействует на объект для приведения его в необходимое состояние или для достижения определенных целей. В свою очередь, управление образованием есть система целенаправленной деятельности, при помощи которой осуществляется воздействие на личность, и цель которой заключается в приобщении индивидов к культурному достоянию (со)общества.

В рамках университета процесс управления его подсистемами осуществляется на основе информационного обмена: в

любой социальной системе, в том числе, в высшем учебном заведении, существующие процессы информационного обмена нуждаются в управленческом воздействии для того, чтобы система могла стабильно выполнять свои функции и продолжать развитие. Однако результатом подобных взаимодействий в системе образования может стать дихотомия «власть\подчинение», в которой взаимодействие для достижения социальной общности между участниками процесса передачи информации не реализуется.

Подобное описание процесса манипуляционного воздействия скрывает традиционное понимание концепта власти как возможности оказывать *(воз)действие\влияние* на людей. Однако определение процесса управления в терминах управления информацией или управления людьми при помощи информации вскрывает другой, более глубокий аспект проявления властных воздействий в системе образования, *скрытый* и не поддающийся описанию власти в традиционном ее понимании как «власти\подчинения», распространяющейся на субъект и объект воздействия. Иными словами, возможно понимание власти как явного и как скрытого воздействия.

История человечества есть история воздействий, результат которых фиксировался в ее многочисленных материальных и духовных творениях, по сей день осуществляющих воздействие друг на друга. Ответная реакция объекта управления предоставляет субъекту знания о себе, среде, возможности последующих воздействий и прочее. Субъект воздействия может также стать объектом в других условиях и при других обстоятельствах, предоставляя необходимую информацию иному субъекту воздействия. Поэтому окружающий мир превратился в пространство, состоящее из этих воздействий, имя которым – власть, чьим самым ценным достоянием становится производимое ею знание\информация об объектах и субъектах. Следовательно, в этом тексте мы называем властью пространство воздействий для производства знания\информации об объектах и субъектах, поддерживающих ее существование.

Идея власти как феномена всеподнадзорности и «распыленного» контроля принадлежит М. Фуко, который указывал, что власть есть определенная стратегия воздействия, суть которой не может быть сведена к простому влиянию субъекта на объект, поскольку власть не может «принадлежать» ко-

му-либо одному, но пронизывает все общество и все его многочисленные социальные институты.¹³

В процессе институционального «общения» в форме монолога, власть продолжает создавать огромный комплекс знания об объектах и субъектах, ее распространяющих и укрепляющих. При этом гендер есть универсальный, но скрытый инструмент социальной власти, который обнаруживает свое существование в социальном институте образования, когда в результате изучения составляющих профессиональной и административной вертикали учебных заведений признается присутствие гендерной асимметрии и сегрегации на всех уровнях этих организаций.¹⁴

Непрекращающееся в социальном институте образования (вос)производство и закрепление гендерных стереотипов позволяет полагать, что с их помощью становится возможным классифицировать всех индивидов как «мужчин» и «женщин», на которых необходимо оказывать разнонаправленное влияние. Иными словами, при помощи гендерных стереотипов в вузе как в социальном институте устанавливается «порядок», основанный на принадлежности индивида к определенному полу, и задающий те границы, в которых личность может осуществлять жизнедеятельность в соответствии с половой принадлежностью. Кроме того, проявление гендерных стереотипов способствует отрицанию идеи множественности самовыражения индивида, поскольку во взаимодействии каждый человек неосознанно испытывает на себе влияние гендерных установок, структурирующих восприятие окружающих в соответствии с принадлежностью к мужскому или женскому полу.

Таким образом, все вышеизложенное делает весьма актуальным обращение к теме (проблеме) гендерного измерения высшего образования и последующих образовательных практик. При этом чрезвычайно значимой является дилемма внедрения гендерной составляющей в программу обучения различным специальностям.

¹ Подробно о гендерном просвещении см.: *Шведова Н. А.* Гендерное просвещение // *Словарь гендерных терминов* М., 2002. С. 55–56.

² Подробнее о теории социального конструирования гендера см., напр.: *Здравомыслова Е., Тёмкина А.* Социальная конструкция гендера и гендерная система в России // *Феминизм и гендерные исследования*. Хрестоматия, Тверь; «Алексей Ушаков и К^о», 1999. С. 83–90; *Lips H.* Female

powerlessness: a case of "cultural preparedness"? // *Power/gender: social relations in theory and practice*, London, 1994. P. 89.

³ Подробнее см., напр.: *Воронина О. А.* Гендерная экспертиза законодательства РФ о средствах массовой информации. М., 1998. С. 3; *Шведова Н. А.* Гендерный анализ // *Словарь гендерных терминов*, М., 2002. С. 67–69; *Шведова Н. А.* Гендерный подход // *Указ. соч.* С. 71–72; *Штылева Л. В.* Педагогика и гендер: развитие гендерных подходов в образовании // *Журнал «Женщина в российском обществе»*, 2000, № 3, Электронный ресурс, режим доступа свободный: <http://www.ivanovo.ac.ru/win1251/jornal/>.

⁴ Подробнее см.: *Гессен С. И.* Основы педагогики. Введение в прикладную философию. М., 1995.

⁵ Там же. С. 22.

⁶ В этом контексте «деконструировать» не означает «разрушить до основания» или «упразднить», поскольку изменение общественного сознания не может произойти столь быстро, но подразумевает «начать проблематизировать» и говорить вслух о том, что ранее считалось «естественным» следствием общественного разделения жизнедеятельности по половому признаку.

⁷ Понятие диалога в образовании раскрывается не в узкопедагогическом смысле как метод/средство обучения/воспитания, но подразумевает философское осмысление формы межсубъектных отношений всех участников образовательного процесса, при помощи которой личность познает себя и выстраивает свое взаимодействие с окружающими. Концепт диалога в образовании представлен в том числе в трудах зарубежных ученых. См., напр.: *Brookfield S. D., Preskill S.* Discussion as a way of teaching: tools and techniques for democratic classroom, San Francisco, 2005; *Burbules N. C.* Dialogue in teaching: theory and practice, New York, 1993.

⁸ Подробнее см.: *Каган М. С.* Введение в историю мировой культуры. Кн. 2. СПб., 2003.

⁹ Подробнее см.: *Каган М. С.* Мир общения: Проблема межсубъектных отношений. М., 1988.

¹⁰ Подробнее о междисциплинарном диалоге в образовании см.: *Валицкая А. П.* Как возможна общая теория образования, или о междисциплинарном статусе понятия «диалог» // *Диалог в образовании: Сборник материалов конференции*, СПб., 2002. С. 9–16; *Она же.* Образование в России: Стратегии выбора, СПб., 1998.

¹¹ Подробнее см.: *Бахтин М. М.* Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук, СПб., 2000; *Бубер М.* Я и Ты, М., 1993.

¹² Подробно о гендерной чувствительности и осведомленности см., напр.: *Штылева Л. В.* *Указ. соч.*; *Koch J., Irby B. J., Brown G.* Redefining gender equity // *Defining and redefining gender equity in education*, Greenwich, Connecticut, 2002. P. 181–192.

¹³ Подробно см.: *Фуко М.* Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М., 1999. С. 44.

¹⁴ Подробнее о явлении гендерной асимметрии и сегрегации см., напр.: *Мезенцева Е.* Гендерная проблематика в экономической теории \ \ Вве-

Е. А. Тукмачева

**Профессиональное самоопределение молодежи:
гендерный аспект**

Соционормативные представления о том, чем отличаются или должны отличаться друг от друга мужчины и женщины по своим физическим, социальным, психологическим качествам существуют как в рамках религиозных и философских систем в культуре, так и в повседневном, обыденном сознании.

Анализ философской литературы, религиозных воззрений позволяет выделить наиболее общее содержание этих представлений: в христианстве мужское начало является сотворяющим, это начало инициативы, активности, власти; женское – начало матери, пассивности, подчинения, природы. В восточных религиозных системах, напротив, женское начало несет в себе активность и способствует просветлению.

На уровне обыденного сознания содержание соционормативных представлений также не является универсальным. Так анализ этнографических исследований свидетельствует, что дифференциация занятий мужчин и женщин, характер их взаимоотношений, прежде всего, зависят от хозяйственной деятельности общества. Поэтому одни и те же занятия и качества могут считаться в одних обществах мужскими, а в других – женскими.

Во многих культурах мужчинам приписывают такие качества как стремление быть сильными и успешными, готовность к творчеству, лидерству, риску, способность проникать в суть явлений. Женщинам приписывают стремление быть привлекательной, кроткой, терпеливой, способность объективировать себя через брак, сексуальность и рождение детей, готовность опекать окружающих. От мужчин ожидают, что они станут опорой и защитой семьи, а от женщин – хранительницей семейного очага.

Отсюда сформировалось представление, что профессиональная сфера обладает разной значимостью в жизни муж-

чин и женщин: для женщин мерило успеха – это установление отношения с другими людьми, вступление в брак и рождение детей, а профессиональные успехи (равно как и неудачи) выносятся за скобки. Для мужчин основные достижения измеряются профессиональными успехами, а личное и семейное благополучие нередко находится вне фокуса основных жизненных устремлений.

Ориентация общества сказывается на формировании выбора человека, в том числе и профессионального. Выбор профессии является важным решением в жизни человека. Это – длительный и сложный процесс: сначала человек строит свои представления относительно разнообразных профессий и выбирает среди них те, которыми хотел бы заниматься, затем определяет, какое профессиональное образование получить, далее встает перед выбором – идти работать по профессии или нет.

Социологи в своих исследованиях отмечают дифференциацию профессиональных путей женщин и мужчин, которая начинает проявляться уже в юности, на этапе формирования их профессиональных ориентаций. Несмотря на декларируемое равенство возможностей в получении образования по любой специальности, девушки отдают предпочтение одним профессиям, а юноши – другим. В отношении к профессиям у юношей и девушек заложены циркулирующие в данном обществе гендерные стереотипы, которые транслируют социально одобряемые концепции «женственности» и «мужественности».¹

Гендерные стереотипы – это сформировавшиеся в культуре представления (убеждения) о том, как действительно ведут себя мужчины и женщины.² Стереотип не только выделяет среднее статистическое мнение, но и формулирует и задает норму, некий образец социально одобряемого, социально допустимого поведения, поэтому многие люди стремятся следовать им. Описанные в литературе стереотипы можно объединить в три группы.³

Первая группа – это стереотипы маскулинности-фемининности, то есть нормативные представления о соматических, психических и поведенческих свойствах, характерных для мужчин и женщин.

Вторая группа гендерных стереотипов касается закрепления семейных и профессиональных ролей в соответствии с полом. Считается, что для женщины главными социальными

ролями являются семейные роли, для мужчины – профессиональные. Поэтому мужчин принято оценивать по профессиональным успехам, а женщин – по наличию семьи и детей. В соответствии с традиционными представлениями «нормальная» женщина хочет выйти замуж, а мужчина – сделать карьеру.

Третья группа гендерных стереотипов связана с различиями в содержании труда. Предполагается, что женский труд носит исполнительский, обслуживающий характер, является частью экспрессивной сферы деятельности. На первый взгляд, это подтверждается тем, что женщины чаще работают в сфере торговли, здравоохранения, образования. Инструментальная сфера – область деятельности мужчин, где главным является творческий, созидательный, руководящий труд.

Важно не просто описать распространенные в сознании молодежи группы гендерных стереотипов, но ответить на вопросы: как они влияют на профессиональное самоопределение молодых людей; на какие жизненные стратегии ориентируют девушек и юношей, стоящих на этапе социального и профессионального самоопределения.

Этому было посвящено исследование «Социокультурные стереотипы и их влияние на профессиональное самоопределение молодежи»,⁴ проведенное в Удмуртской Республике в 2009 г. (приняли участие 186 старшеклассников, из них 96 юношей и 90 девушек).

В ходе исследования были выделены основные гендерные стереотипы, сформированные в российской культуре; проанализировано, какие из них разделяют молодые люди 16–18 лет; определены гендерные стереотипы родителей и произведено сравнение их со стереотипными представлениями молодежи.

Приведем отдельные результаты:

1) у всех девушек ощущается стремление быть финансово-независимыми от партнера, при этом независимость воспринимается молодыми людьми как нечто само собой разумеющееся;

2) большинство девушек выражают намерение работать, однако это связано не только с их желанием быть независимыми, но и с желанием самореализоваться, поскольку мало кто из девушек считает, что «женщина реализуется, в первую очередь через семью, детей»;

3) многие из них выражают желание быть «деловыми женщинами», однако «не бросаются на любую работу, а выбирают ту, где смогут превзойти мужчин»; девушки выбирают те профессии, которые соответствуют «женским» особенностям – юрист, экономист, психолог, дизайнер, учитель, переводчик, врач, модельер, т. е. гендерно нейтральные, либо традиционно считающиеся женскими; работа, связанная с техникой, по-прежнему в кругу молодежи рассматривается «скорее, как мужская», именно последнюю юноши и называют в числе предпочтительный для себя (помимо юриста и экономиста).

Однако мотивы выбора профессий у молодых людей разные. Для девушек важно общение с людьми, интересная работа, а для юношей – самостоятельность в принятии решений и действий.

В процессе анализа различий в мотивах выбора профессии было выявлено, что независимо от пола для молодых людей важную роль при выборе профессии играет доход (97,31% от общего числа опрошенных, из них 46,8% – девушки); возможность принимать самостоятельно решения (59,1%, из них юноши – 31,7% от общего числа опрошенных, или 61,4% от общего числа опрошенных юношей, и девушки – 27,4% от общего числа опрошенных или 56,7% от общего числа опрошенных девушек).

Девушки отмечают важность условий труда (44,62% опрошенных выделили этот фактор, из них 32,24% от общего числа опрошенных или 81,1%), их больше, чем молодых людей интересует возможность общаться с другими людьми (78,8% от общего числа опрошенных девушек). Высокая заработная плата важна для тех и других, однако юноши называют эту причину чаще девушек. По всей видимости, это связано с давлением на сознание молодежи гендерного стереотипа – «мужчина – кормилец и материальная опора семьи».

Девушки значительно больше ориентированы сегодня на карьеру, чем молодые люди. При ответе на вопрос «Согласны ли Вы, что карьера – это мужское занятие?» 56,7% девушек ответили – «нет», 1% – затруднились ответить; 65,6% юношей так же ответили отрицательно. На вопрос «Смог(ла) бы я отказаться от карьеры ради семьи?» 58,9% девушек ответили – «нет, ни при каких условиях», 1% – затруднились ответить и лишь 32,2% ответили «пожалуй, да». На этот же вопрос 32,3%

юношей ответили «пожалуй, да», 6,2% – никогда об этом не думали. Юноши и девушки признают, что женщины могут работать столько же, сколько и мужчины, быть такими же настойчивыми и напористыми, успехи на работе для них важны ничуть не меньше, чем для мужчин (так считают 58,3% юношей и 62,2% девушек).

Таким образом, молодежь принимает образ материально независимой женщины, активно транслируемый средствами массовой информации, и этот образ окрашен мужскими тонами, так как девушки собираются строить карьеру, опираясь на такие качества характера как целеустремленность, энергичность, способность полностью отдаваться работе, которые традиционно в нашей культуре относят к мужским.⁵

В постиндустриальном обществе изменяются ценности культуры, в том числе меняются гендерные «соглашения».⁶ Например, для среднего класса роли мужчин и женщин обозначаются «контрактом» «равного статуса», в соответствии с которым на смену иерархии патриархата приходит выравнивание положения прав и возможностей мужчин и женщин как в публичной, так и в частной сфере. На сегодняшний день российская культура воспроизводит для женщин двойную ориентацию – на супружество и материнство, с другой стороны, на активность в публичной, а именно – в профессиональной сфере. В целом девушки принимают все основные образы женщины, которые предлагает им современная культура: женщина-мать и жена, работающая жена и мать, женщина-карьеристка или бизнес-леди.

Важную роль в формировании гендерных стереотипов, в том числе о роли и предназначении мужчин и женщин, играют родители.

Поколение родителей молодежи, сами еще не старые люди (примерный возраст респондентов-родителей около 40 лет) придерживается мнения, что женщина – прежде всего мать и жена. Родителями воспринят гендерный стереотип, согласно которому женщина ответственна за работу по дому, образ мужа-домохозяйки им не свойственен.

По мнению большинства родителей, мужчина должен быть материальной опорой семьи. Однако мнение, что муж должен зарабатывать больше жены, высказывается не всеми опрошенными.

Поколение родителей достаточно четко разделяет профессии на «мужские» и «женские». Такое разделение происходит

на основе физической силы. Большинство из них считают, что «техника – не женское дело», «у женщин слишком мягкий характер, чтобы быть руководителями». Таким образом, стереотипы, принятые родителями, отличаются большей патриархальностью.

Во многом гендерные представления родителей совпадают с гендерными стереотипами, сформированными у их детей. Большой частью, родителям не свойственен образ деловой женщины, с головой ушедшей в работу. Но образ «карьерной женщины» сформирован в сознании у сегодняшней молодежи. Почему появляются эти различия? Во-первых, семья – это лишь часть микросреды, в которой происходит социализация человека. Наряду с родителями на детей серьезное влияние оказывают сверстники, школа, СМИ. Поэтому нельзя ожидать полного совпадения гендерных стереотипов разных поколений. Во-вторых, можно говорить о том, что такие стереотипы, как «воспитание детей – женское занятие», «муж должен зарабатывать деньги для семьи», «семья держится на женщине» и некоторые другие, начинают меняться под влиянием социальной, экономической и политической реальности.

Разница в представлениях родителей и детей наиболее ярко проявилась в высказываниях о семье. На основании полученных данных, можно сделать вывод, что старшеклассники примерно в равной степени распределяют ответственность за семью: 26,3% всех опрошенных молодых людей считают, что семья держится на муже, 45% – на жене (из них 31,7% девушки), остальные считают, что все зависит от обоих супругов. В то время как 92% опрошенных родителей и учителей, независимо от пола, отводят основную роль в поддержании семьи жене.

Не совпадает мнение детей и родителей по следующему вопросу: кто должен ухаживать за престарелыми родителями? Большинство родителей и учителей считают, что это должна делать женщина. Мнение молодежи по данному вопросу распределилось следующим образом: оба супруга – 37% юноши, 40% девушки; в первую очередь муж – 38% юноши, 26% девушки; в первую очередь жена – 26% юноши, 34,4% девушки.

По вопросу, кто должен заниматься ремонтом в доме, мнение родителей и их детей совпало: большинство ответили, что муж.

Зарабатывать деньги в семье должны оба супруга, так считают 77% опрошенных девушек. В то время как их родители и большая часть опрошенных юношей придерживаются мнения, что деньги на содержание семьи должен добывать муж, а вот семейным бюджетом распоряжаться – жена. 47,8% старшеклассников, из них 26,9% – юноши и 20,9% – девушки, придерживаются мнения, что пополнение семейного бюджета – дело обоих супругов.

Уход за детьми большинство юношей (53% всех опрошенных юношей), в отличие от своих родителей (37% опрошенных родителей), так же признают делом обоих супругов. А вот мнение девушек по этому вопросу в основном совпадает с мнением родителей. Ухаживать за детьми должна женщина, так ответили 82,2% всех опрошенных девушек. Таким образом, видно, что позиция девушек более традиционна по этому вопросу. В то же время можно высказать предположение, что в современной культуре меняется образ современного мужчины.

Для исследования трансформаций в этой сфере девушкам и юношам было предложено продолжить следующие предложения: «Считаю, что зарабатывать деньги в семье должен; Я считаю, что ведение домашнего хозяйства – это занятие; Уход за детьми – это занятие; Организовывать досуг и отдых в семье должен; Ухаживать за родителями, если это потребуется, в семье должен; Хранителем семейного очага должен быть».

Полученные данные позволили сделать ряд выводов:

1) на молодых людей оказывают влияние существующие в обществе гендерные стереотипы, вместе с тем это влияние при профессиональном самоопределении носит ситуационный характер;

2) гендерные стереотипы и их влияние изменяются под давлением социально-экономических и политических факторов;

3) в современной культуре происходит исчезновение жесткого деления на «мужские» и «женские» практики во всех сферах.

В связи с этим, появилась необходимость в создании таких условий в образовательном пространстве, при которых молодые люди научились бы формулировать свою социальную позицию независимо от влияния гендерных стереотипов и совмещать профессиональные и семейные роли.

Однако необходимо признать, что, попадая в образовательное пространство, человек оказывается под воздействием

гендерных стереотипов, и они еще основательнее у него закрепляются. Возьмем, например, скрытый учебный план – организацию образовательного учреждения, включающую гендерные отношения на работе, гендерную стратификацию учительской профессии, содержание предметов, стиль преподавания.

Большинство педагогических работников в нашей стране – женщины, мужское присутствие заметно возрастает с повышением статуса общеобразовательного учреждения. Доля мужчин среди преподавателей высшего образования значительно выше, чем в школах. На начало 2000/2001 года женщины составляли 85,8% педагогических работников, включая обслуживающий персонал и руководителей образовательных учреждений.

Гендерная стратификация проявляется так же в предметной специализации учителей, отражающей особенности разделения труда по признаку пола. Анализ социологических данных показал, что гораздо чаще можно встретить мужчин среди преподавателей следующих предметов: основы безопасности жизнедеятельности, начальная военная подготовка, физкультура (55,6%), право и обществознание (25,6%), физика (25,9%), технология (24,3%). Реже – среди учителей иностранных языков (6,6%), русского языка и литературы (9,3%), биологии и естествознания (11,5%), и очень редко среди учителей начальных классов (3,7%).

Отдельными учеными анализировался разброс обращений к мужским и женским образам в учебной литературе. В таких сферах жизнедеятельности как работа–досуг–дом и в нормах, которыми они регулируются, прослеживаются все те же патриархальные стереотипы. Частота обращений в проанализированных учебниках к мужским профессиям много превышает упоминание женских (соотношение 88:12), при этом спектр мужских профессий значительно богаче. Если рассматривать гендерную окраску профессий, то по результатам исследования как мужские представлены 93% профессий физического труда и 79% – интеллектуального. Самая большая доля женских профессий, с которыми младшие школьники могут познакомиться через материалы учебников, приходится на сферу услуг (20%) и образование (57%).

Уже через структуру упражнений и рисунков бессознательно формируется гендерная асимметрия; за женщиной в большей степени закрепляются семейная сфера, дом, эмо-

циональные близкородственные отношения, мужчинам же отводится публичная сфера, профессиональные роли, то есть закрепляются традиционные представления о том, что инструментальность, организованность – удел мужчин.

Таким образом, три измерения скрытого учебного плана способствуют гендерной социализации, основанной на стереотипах доминирующего поведения мужчины и пассивного – женщины.

Анализ взглядов учителей на проблему равенства полов, показал, что большинство учителей «отдают предпочтение традиционному разделению мужских и женских ролей, придерживаются патриархальных взглядов, передают их детям, усиливая тем самым традиционное направление в воздействии других агентов социализации. Это становится одной из основных причин, обуславливающих участие в школе патриархальных стереотипов взаимодействия полов».⁷

При всей перегруженности гендерными стереотипами, система образования в целом безразлична к гендерным особенностям своих воспитанников. Как показали результаты исследования, проведенного автором в 2008 г. в школах Удмуртии, учителя не достаточно знакомы с гендерной спецификой учеников, а доминирование «бесполой» педагогики нивелирует характерные для пола личностные особенности и в отдельных случаях искажает их.

¹ Косыгина Л. В. Гендерное измерение занятости и рынка труда. М., 2001. С. 48–49.

² Чекалина А. А. Гендерная психология: учебное пособие. М., 2006. С. 35.

³ Клецина И. С. Психология гендерных отношений: Теория и практика. СПб., 2004. С. 248–251.

⁴ Подобное исследование проводилось в 1998 г. в Новосибирске Косыгиной Л. В., отдельные результаты исследования совпали, например, в части циркулирующих в современном обществе гендерных стереотипов, представления о «женских» и «мужских» профессиях и др., однако выявились некоторые расхождения, которые автор склонна объяснять социокультурными и экономическими изменениями, произошедшими в обществе за последние годы.

⁵ Вырисовывающийся образ женщины, делающей карьеру, по мнению Косыгиной, окрашен женскими тонами (мотивы выбора, применением красоты и общения для достижения целей).

⁶ Чекалина А. А. Указ. соч. С. 176.

О. А. Асадуллина

**Влияние общественных стереотипов
на гендерную социализацию младших школьников**

Современное российское общество переживает кризис, который ведет к преобразованию в новое социокультурное качество. Повсеместно происходят структурная перестройка, изменения в убеждениях разных поколений, статусных групп, ролей мужчины и женщины, изменяются ценности и идеалы современных мужчин и женщин. Трансформация происходит на протяжении определенного времени и изменения заметны не сразу. Основы трансформации закладываются в дошкольном, младшем школьном возрасте. Наиболее важным в данном аспекте является младший школьный возраст, так как влияние на социализацию ребенка оказывают не только семья, но и значимое социальное окружение – учитель, одноклассники, администрация. В этом возрасте очень сильно социальное подражание, поэтому ребенок все впитывает, как губка, и впоследствии воспроизводит.

Поэтому необходимо глубоко и всесторонне изучать структуру и динамику ценностей подрастающего поколения, их социальных стереотипов, их содержание и связь с изменением ценностного сознания различных возрастных и статусных групп населения, поведения, ролей мужчины и женщины, а также трансформацию социальных ценностей и направленности мальчиков и девочек.

Прежде чем говорить о влиянии общественных стереотипов на гендерную социализацию младших школьников, мы считаем необходимым обозначить смысловое значение употребляемых нами терминов.

Гендер – социальный пол человека, противопоставление биологическому полу.

Гендерная социализация – процесс усвоения индивидом социальных норм, правил поведения, ценностей и идеалов того общества, в котором он живет, в соответствии с его биологическим полом.

Общественный (или социальный) стереотип – неотъемлемый элемент обыденного сознания. Его суть в том, что он выражает отношение, установку данной социальной группы к определенному явлению. Именно стереотипы в значительной степени определяют моральные нормы, формируют политические, религиозные и мировоззренческие концепции. Поведенческие стереотипы очень разнообразны и во многом определяют наше поведение, наши суждения, ценности и направленность личности в соответствии с биологическим полом. К ним относятся такие частные случаи как этнические, гендерные, полоролевые и целый ряд других стереотипов.

Многие институты общества укрепляют традиционные гендерные стереотипы. В семье большое влияние на гендерную социализацию ребенка оказывает этническая принадлежность родителей, их взгляды, традиции и обычаи. Наиболее существенное влияние на формирование стереотипов и последующее их влияние на детей и подростков оказывает общество. На этих стереотипах мы остановимся более подробно.

В средствах массовой информации, например, женщины, главным образом, показывались в качестве объектов действия, жертв и заботящихся о других, в то время как мужчины обычно изображались изобретательными, сильными, умными и инициативными. В настоящее время в средствах массовой информации происходит взаимная подмена понятий мужественности и женственности. По телевидению, например, мы часто видим очень женственных мужчин, которые следят за модой, стилем, посещают косметические салоны. Это подается как нужное, правильное и как пример для подражания. В результате мальчики, которые, к слову сказать, и так воспитаны в отсутствии мужских эталонов поведения, впитывают и усваивают женские модели поведения, женские профессии – визажист, парикмахер, стилист, портной.

Девочки в свою очередь меняют первоначально направленность с приватной сферы на публичную: вместо того чтобы играть в классические дочки-матери, девочки в начальных классах мечтают о карьере модели, бизнес-вумен, о самореализации. Традиционные нормы, правила и модели поведения рассматриваются как атавизм. Для детей эти понятия разграничены по самому доступному для их возраста принципу: традиционное понятие мужественности и женственности есть плохо, а новое – есть хорошо. А кто же хочет быть плохим ребенком? Вот дети и усваивают подаваемые им СМИ и

обществом стереотипы, пытаются воспроизводить их в обществе.

Насильственно изменяют социальные роли, нормы поведения и направленность мальчиков и девочек, оказывают существенное влияние на формирование жизненных сценариев мальчиков и девочек зарубежные мультсериалы. Российская телекомпания НТВ совместно с детским психологом провела анализ некоторых мультфильмов компании Дисней. Психологический анализ показал, что эти мультфильмы формируют у девочек такие качества как: отказ от материнства (мать с детьми изображена в виде полуженщины-полупоросенка, толстой и неряшливой, в то время как незамужняя девушка – стройная, красивая, веселая и жизнерадостная), самоуверенность в отношениях с мужчинами, смелость, инициативу, напор в отношениях с противоположным полом; исключают такие качества как целомудрие, наивность, покорность, выставляя их негативными, устаревшими. В мальчиках же формируется безответственность, стремление «жить красиво», не прикладывая никаких усилий. По отношению к женщинам у мальчиков «отмирают» такие качества как осознание ценности женщины, забота о ней, инициатива в отношениях с женщинами, бережное отношение к женщине. У мальчиков формируется стереотип, что женщины это существа, способные скрасить досуг, с которыми можно весело провести время. То есть если смотреть на глубинные процессы трансформации ролей и стереотипов современного общества, постепенно происходит взаимообмен жизненными стратегиями и сценариями мужчин и женщин, к женщинам отходят мужские качества, сценарии, стратегии, направленность, в то время как мужчины осваивают женские.

В то же время, например, в учебниках для начальных классов представлены традиционные стереотипы мужчины и женщины, их роли и нормы поведения: мужчине отводится главная роль в публичной среде (работа в обществе, социальные должности, машины и техника), а женщинам – в приватной (акцент делается на рождении и воспитании детей, создании домашнего очага). Наиболее ярко это представлено на уроках математики в начальных классах. Например, дано следующее условие: на рисунке изображены два круга, девочкам предлагается дорисовать кукольную юбочку, а маль-

чикам из этих же самых кружочков предлагается дорисовать велосипед.

Как и в случае со СМИ, семья, школы и центры развлечений также несут ответственность за укрепление гендерных стереотипов. Недавнее исследование продемонстрировало, что учителя чаще оценивают мальчиков положительно, если последние активны, агрессивны, независимы, все исследуют и соревнуются с другими, в то время как девочки часто получают положительную ответную реакцию за послушание, доброту, мягкость, пассивность и положительное отношение к сообществу, то есть получают одобрение за соответствие социально требуемому поведению. Поскольку такие гендерные стереотипы формируются, преимущественно, в школьные годы, многих девочек не поощряют за независимость действий, за соперничество и активизм в общественной сфере. Девочки, не соответствующие стереотипным ожиданиям, могут подвергаться критике.

Таким образом, с одной стороны в младшем школьном возрасте дети подвергаются воздействию традиционных стереотипов, воспитываясь в семье, и с другой – они впитывают новые веяния и течения в процессе социализации. В результате у ребенка заложена одна направленность – у мальчиков быть сильным, мужественным, быть добытчиком и защитником для своей семьи, у девочек – быть мамой, женой, хранительницей очага, – а реализовать они стремятся другую, как правило, связанную с реализацией в социальной сфере. В результате страдают как мужчины, так и женщины. Поэтому процессы социализации и их направленность у детей младшего школьного возраста должны быть управляемы и контролируемы родителями, чтобы в будущем мы имели счастливых реализованных мужчин и женщин.

Квази-пол – гендерный симулякр постмодерна

В результате охвативших западный мир деструктивных процессов, совершается грандиозный по размаху демонтаж самих оснований современной культуры. На смену упорядоченному и организованному социуму приходит совершенно иной тип – плюралистичный и фрагментарный, не поддающийся никаким «тотализирующим дискурсам» (Ж. Делез), в котором над единообразием и стабильностью возобладают различия и подвижность, над устойчивостью – изменчивость. Основными характеристиками современной культуры становятся децентрация и дискретность, в постмодернистском контексте теряют смысл всякие бинарные оппозиции и иерархические конструкции, исчезает императивно-ценностный универсализм, утрачивают значение организующие принципы, сохраняющие целостность структуры, нарастают дезинтеграция и неопределенность, над порядком возобладает хаос. По оценке Ж. Бодрийяра, это «культура избытка», которая характеризуется перенасыщенностью значений и нехваткой оценочных суждений. Культура постмодерна объективно порождает принципиально иную «концепцию человека», а, следовательно, не будет заблуждением утверждать, что и пола.

Кардинальные изменения атмосферы современной эпохи и обустройство «нового сценического пространства»¹ вывели на авансцену западной культуры, в качестве основного действующего лица тип человека, который Х. Ортега-и-Гассет называл «новой породой людей».² Являясь средоточием постмодернистских инноваций и испытывая на себе в полной мере натиск происходящих перемен, современный человек невольно стал эпицентром процесса, который, на наш взгляд, представляется возможным обозначить «гендерная ризома».

Гендерная ризома – это особый тип преобразований характера половой дифференциации, которые разворачиваются в направлении беспорядочного нарастания плюралистичности и неопределенности в системе бинарной оппозиции «мужчина – женщина», сопровождаются сглаживанием, размыванием резких границ между феминными и маскулинными ген-

дерными полоролевыми стереотипами, закреплённых культурой в качестве противоположных, взаимоисключающих, крайних полюсов. Ризоматические изменения гендерных отношений представляют собой многослойный, интегративный по внутреннему содержанию, процесс, который складывается из ряда составляющих, образующих в органическом единстве целостное, уникальное социокультурное явление. Впервые за всю многовековую историю развития западная культура оказалась в ситуации, когда полоролевые различия между мужчиной и женщиной, характерные для ментальности всех без исключения предыдущих эпох, утрачивают особый смысл и значение. Контрастные, полярные гендерные формы, в нарастающем социальном хаосе, уступают место многообразным промежуточным, переходным модификациям, являющимся результатом синтезов и интеграций полоролевых структур феминного и маскулинного типа. Возникают самые неожиданные гендерные сочетания, которые отражают тот реальный факт, что и мужчины, и женщины активно осваивают «роли» друг друга, имеющие в прошлом строгую, однозначную типологическую категоризацию.

В настоящее время в развитии современной культуры все более обозначается тревожная тенденция преобладания «беспорядка» над «порядком», наблюдается исчезновение универсальных объединяющих принципов, сохраняющих целостность структуры, что, в конечном итоге, рано или поздно, может опрокинуть систему в состояние, названное в синергетике диссипативным, которое сопряжено с полной неопределённостью, близкой к абсолютному хаосу. В полной мере, отражая катаклизмы, вызванные приближением социальных систем к нестабильному, неравновесному состоянию, полоролевые структуры, наряду с другими, оказались втянуты в водоворот всеобщего «Аморфона» – так в своё время Ф. Шеллинг обозначил «первозданный Хаос», тотальный беспорядок, полностью противоположный упорядоченному Космосу. Характерные для постмодерна зыбкость и текучесть в оценках половой принадлежности, потеря четких критериев, образующих общепринятую систему координат для фиксации полоролевой определённости, оборачиваются не только разрыхлением гендерной структуры, приведением ее в диффузное состояние, но и подтачивают самые основы половой дифференциации. По мнению ряда исследователей, западная культура вплотную подошла к рубежу, когда представле-

ния о «мужчине» и «женщине» становятся расплывчатыми, неопределенными, «искусственно сконструированными». Так, Ш. Берн, известный специалист в области гендерной психологии, недвусмысленно замечает: «Я считаю, что следует ценить качества, связанные и с тем, и другим гендером, но никак не гендерные различия. Искусственное разделение качеств на мужские и женские приводит к наложению бессмысленных ограничений на оба пола и способствует развитию гендерного конфликта. Мы, естественно, должны ценить некоторые качества, которые в прошлом считались мужскими или женскими, но при этом не следует считать, что человек непременно должен принадлежать к определенному полу, чтобы обладать ими».³

В этом отношении весьма примечательно появление в феминистских исследованиях иллюстративных образов, которые наглядно выражают устремленность западной культуры к многомерности и многополярности в сексуальной сфере. Так, обращая внимание на постмодернистские предпочтения к неупорядоченному многообразию гендерных самовыражений, Ш. Берн, в частности, пишет: «Идея “плавильной печи”, которой является культура, где происходит “переплавка” женщин в мужчин, и наоборот, уже вышла из моды. Вместо метафоры “плавильной печи” появилась метафора “салатницы”, которая отражает, что разные сексуальные субкультуры могут смешиваться, сохраняя при этом свой уникальный вкус. Модель культуры как “салатницы” поддерживает и ценит сексуальное разнообразие».⁴

В этом отношении можно предположить, что гендерная ризома, будучи неким единством преобразовательных процессов, коренным образом изменяющих структуру, характер и содержание половой дифференциации, представляет собой далеко не однозначное социокультурное явление. При всех позитивных сдвигах, которые являются результатом устремленности современной культуры к многомерности и полифоничности, создающих эффект объемности культурного пространства, а так же готовности принять все многоцветье самых разных субкультур, и не только сексуальных, ризоматические изменения таят в себе серьезные опасности для будущего как человека в качестве особой онтологической данности, так и культуры в целом. Образно говоря, гендерная ризома – это мина замедленного действия. Проникая в сферу половых отношений, гендерная ризома вызывает лавинооб-

разное нарастание неупорядоченной множественности сексуально-полового разнообразия, размывает всякие границы полоролевой определенности, разрушает традиционную гендерную структуру до таких крайних степеней аморфности, что, в конечном итоге, чревато окончательным разрушением половой дифференциации. В атмосфере непрерывно нарастающего хаоса, существование человека в раздвоенности на «мужчину» и «женщину» ставится под серьезное сомнение. Более того, постмодернистские инновации, происходящие в гендерной сфере, трансформируют и деформируют пол столь разительно, что превращают его в мнимую, фантомную форму, апогеем которой, на наш взгляд, выступает «квази-пол».

Перерождение пола в квази-пол отражает общую стратегию постмодерна, пространства которого заполнены иллюзорными, «поддельными» формами, названные Ж. Бодрийяром «симулякрами», т. е. «копиями, оригинал которых никогда не существовал». Квази-пол – это тоже своего рода симулякр, псевдо-форма, своеобразная «игра в пол», в половую различенность, которая ведется вне всяких правил. Будучи вовлеченным в фантазмагорию «гендерного перформанса» – этого театрализованного представления, создающего коллаж полоролевых стилей, пол неизбежно подвергается серьезной эрозии и обретает эфемерную форму, которая лишь имитирует, подражательно копирует половые различия между «мужчиной» и «женщиной». Замещенный квази-полом, пол рискует исчезнуть окончательно в качестве атрибутивной антропологической инстанции, превратиться в фикцию.

Квази-пол – конструкт социокультурного порядка, который отражает потребительское отношение к сексуальности современного человека. Являясь порождением постмодерна, его своеобразным детищем, квази-пол замыкает на себя одну из основных установок современной западной культуры на «получение удовольствий». В мире, напоминающем своеобразное «sex реальности-шоу», все более явно проявляются тенденции превалирования «телесности» над «духовностью», что превращает жизнь человека в «бесконечный поток сексуально-эротических впечатлений», вытесняющих из его сознания все остальное. Соматизация удовольствий и утилитарно-гедонистическое отношение к сексуальности, неизбежно делают из человека, по выражению Ж. Делеза, «машину наслаждения, лишенной всякой субъективности». Квази-пол в определенном смысле ненасытен и нацелен исключительно на

получение сексуально-эротических удовольствий. При этом для его обладателя другой человек не представляет особого интереса – самоценна лишь голая эротика, лишь само «желание» и возможность его удовлетворения имеют смысл и значение. Обращает на себя внимание на то обстоятельство, что в «сценическом пространстве» постмодерна разыгрываются отнюдь не драмы, полные шекспировских страстей, а, скорее, пошлые водевили с обезличенными персонажами – «он» и «она». Подмечая тенденции нивелирования некоторых истинно человеческих форм взаимоотношений в пространстве современной культуры, Э. Фромм писал: «Любовь как взаимное сексуальное удовлетворение или любовь как “слаженная работа” и убежище от одиночества – это нормальные формы псевдо-любви в современном западном обществе, социальные модели патологии любви».⁵

По всем характеристикам квинзи-пол, как «потребляющий удовольствия», является альтерацией или полной противоположностью не только тому, что Н. А. Бердяев в свое время назвал «творческим полом» – созидającym, буквально творящим истинную андрогинистическую бытийственность, который является «новым рождением, принятием внутрь себя всей природы, подлинным раскрытием микрокосмичности человека»,⁶ но и «рождающему полу», т. е. «дифференцированному, распавшемуся полу, который становится источником раздора в мире и мучительно-безысходной жажды соединения».⁷ Квинзи-пол – это своего рода гримаса постмодерна. Современная культура, охваченная гендерной ризомой, породила «пустоцвет» – не «производящий», а «потребляющий» пол. Несмотря на эротическое напряжение и высокий тонус в желаниях, квинзи-пол как социокультурная инстанция бесплоден. Единственно, что он способен произвести – это еще одну форму человеческого «лже-бытия». В этом отношении квинзи-пол отражает процесс соматизации человека, который в условиях постмодерна эскалируется и вымещается на рынок общества потребления в виде одного из самых востребованных вида услуг – секс-индустрии. Появления на «рынке удовольствий» так называемых «леди-бойз» – этого достижения пластической, транссексуальной хирургии, результатом которой является искусственный гермафродитизм, является наглядной демонстрацией всей глубины антропологического кризиса, за которым для совре-

менного человека открывается бездна антропологического Небытия.

Для преодоления тяжелейшего кризисного состояния, которое охватило современную культуру, тем, кто сейчас обретают свою половую самоидентификацию и называют себя «мальчиками» и «девочками», понадобится неимоверное напряжение духовных сил, чтобы доподлинно стать «мужчинами» и «женщинами» не только по меркам природы, но и культуры. В этом отношении, как наставление и обращение к будущим поколениям, звучат слова Х. Ортеги-и-Гассета о том, что: «Растущая цивилизация – не что иное, как жгучая проблема. Чем больше достижений, тем в большей они опасности. Чем лучше жизнь, тем она сложнее. Разумеется, с усложнением самих проблем усложняются и средства для их разрешения. Но каждое новое поколение должно овладеть ими во всей полноте».⁸

Значительно обогатили изучение постмодернистского фазиса западной культуры исследования представительниц интеллектуального феминизма: Симоны де Бовуар, Кейт Миллит, Суламифь Фаейерстоун, Люси Иригарэй, Хален Сиксу, Юлии Кристевой, Эмми Фи и других, которые сосредоточили внимание на анализе процессов эмансипации и феминизации, и с позиций которых противостояние между мужчиной и женщиной рассматривается не столько как отражение природной реальности, где каждая из сторон противоречивого двуединства равноценна и равнозначна, сколько в социокультурном контексте. По мнению лидеров европейских интеллектуалок, «мужчина» и «женщина» – это «культурные метафоры» или «концепты, сконструированные культурой». Именно с феминистскими исследованиями связывают вхождение в научный обиход понятия «гендер», активное использование которого с конца 70-х годов в качестве аналитического инструмента, открыло новые возможности в изучении проблем общества и культуры.

В первую очередь речь идет о *гендерных коллизиях*, которые переживает культура в нынешнем своем цивилизационном фазисе. Сильнейшее влияние, которое оказывают гендерные отношения на преобразование облика современной культуры, во многом объясняет активизацию исследований в области гендерной проблематики, средоточием которых, в первую очередь, является феминный фактор. В силу опреде-

ленных исторических обстоятельств роль женщины возросла настолько, что дает весомые основания рассматривать постмодерн в качестве этапа, предвещающего наступление качественно нового периода всемирной истории.

Не вникая в подробности ретроспективного обзора вопроса об этапах развертывания процесса эмансипации, отметим, что исторические итоги борьбы женщин за свои права трудно переоценить. Однако, наряду с произошедшими за последнее столетие позитивными сдвигами, которые привели к существенному выравниванию в положении полов, процесс эмансипации имеет и теневую сторону. Высвобождение женщины из-под гнета социальной зависимости – поэтапный и разнонаправленный процесс, который разворачивался крайне неравномерно, постепенно охватывая всю систему общественных отношений – от материально-производственных до семейно-брачных. Иными словами, эмансипация – это объемный, многомерный процесс, который целесообразно анализировать в нескольких взаимосвязанных аспектах: социально-экономическом, социально-политическом, культурно-историческом и других.⁹ Стоит обратить самое пристальное внимание на то принципиальное обстоятельство, что глубинные, *сущностные* причины эмансипации располагаются не только в плоскости общественных отношений материально-производственного, социально-политического, национально-этнического, религиозного и прочего характера, но и сокрыты в самих основаниях бытия, имеющего противоречивую, биполярную природу, одним из проявлений которой, в частности, выступает различие между полами.

«Мужчина» и «женщина» как самостоятельные инстанции онтологического порядка, находясь между собой в неразрывной взаимосвязи в качестве противоположных сторон противоречивого двуединства, не только взаимодополняют, но и *взаимоотрицают* друг друга. Противостояние между мужчиной и женщиной является имманентным свойством бытия, его неотъемлемой атрибутивной характеристикой. В реалиях конкретно-исторической практики разрешение конфликтного противоборства между полами, снятие социального напряжения в системе взаимоотношений между ними, приобретало разнообразные формы – одной из них стала эмансипация. В этом отношении определенный интерес представляет позиция тех исследователей, которые полага-

ют, что социальное неравенство между мужчиной и женщиной в культурах патриархального типа имеет более глубокие, метафизические корни, уходящие в самую природу пола, в его расщепленность на две «невозможные друг без друга» субстанции.

При всех бесспорных позитивных завоеваниях массового женского движения за освобождение из-под гнета социальной зависимости, которое к концу XIX века стало неотъемлемой частью революционной борьбы рабочего класса, в онтологическом разрезе эмансипация представляет собой скорее деструктивный, разрушающий целостность пола, процесс. Процесс эмансипации лишь во внешнем проявлении нацелен против социального неравенства между женщиной и мужчиной. В сущностных предпосылках, эмансипация отражает онтологическое противостояние двух стихий пола – мужской и женской. Будучи объективно неизбежной для патриархальных культур, основанных на доминировании мужского начала и репрессивном подавлении женского, эмансипация насаждает мнимые, иллюзорные формы равенства между полами, провоцирует и закрепляет их «лже-бытие», все дальше уводя от подлинной, истинно-человеческой бытийственности, связанной с андрогинистической целостностью. К заключению подобного рода подводит ряд обстоятельств, свидетельствующих об интенсивно происходящих под воздействием эмансипации гендерных изменениях.

Во-первых, это идущий по нарастающей процесс *гендерного перерождения «женщины» в «мужчину»*. Отвоевывав все больше прав и свобод, женщина незаметно для себя перестает быть женщиной, теряет свою онтологическую определенность или «самость». Ревностно оберегая свою самодостаточность и стремясь стать тем, что Ф. Ницше называл «женщиной самой по себе», неизбежно обернулось для женской бытийственности саморазрушением, то есть преодолением в себе женственности и как следствие – превращением в свою противоположность – мужчину. Так О. Вейнингер одним из первых стал рассуждать о психосексуальной предрасположенности к эмансипации лишь определенной категории женщин, имеющих особые характерологические черты и признаки. По его мнению, стремящаяся к эмансипации женщина, испытывающая жгучую потребность в раскрепощении, представляет собой особый психосексуальный тип с явно выраженными маскулинными наклонностями, который

автор назвал «злой женственностью», поскольку в такой женщине скрыты невероятные внутренние силы, способные разрушить и уничтожить женственность, что называется изнутри. Культура постмодерна, в рамках которой сложились наиболее благоприятные условия для самореализации женщины, буквально поставила женщину перед трагическим онтологическим выбором: «Быть или не быть». Эмансипация невольно втянула женщину в порочный круг – чем больше она отвоевывает у мужчины бытийного пространства, тем меньше в ней остается женственности.

Во-вторых, отражая повышенную степень социальной активности женщин, решительно и все более настойчиво захватывающих пространства культуры, процесс эмансипации объективно детерминировал оформление уникального культурно-исторического явления – *гендерной конвергенции*,¹⁰ которое представляет собой непрерывно идущее сближение мужских и женских полоролевых функций в системе гендерных отношений. При этом необходимо подчеркнуть, что с позиций онтологии пола, гендерная конвергенция представляет собой яркую иллюстрацию того, что можно назвать «деструктивным созиданием», которое отражает общую регрессивную диспозицию культуры постмодерна. Дело в том, что в своем глубинном, экзистенциальном основании гендерная конвергенция является лишь имитацией взаимопроникновения полов и в широких масштабах продуцирует суррогатную форму «смешения полов», которая является лишь внешним подобием, искаженной копией истинно человеческой – андрогинистической целостности.

Однако драматизм современной социокультурной ситуации в том и состоит, что все глубже увязая в «онтологическом нигилизме», культура не приближается к воплощению идеала «чистого, целостного, не раздробленного, не частичного Человека», а, напротив, все дальше отдаляется от него. Набирающие темп и динамику негативные тенденции, ведущие к саморазрушению культуры, настолько неблагоприятны для сохранения «человеческого в человеке», что атмосфера антропологического тупика, в котором оказалась культура постмодерна, может быть выражена парафразом известного афоризма Ф. Ницше – «Человек умер!». При этом необходимо подчеркнуть, что ситуация, при которой происходит процесс «умирания Человека» во многом усугубляется вырвавшимся, как из долгого заточения на волю, феминным фактором, со-

циально освобожденным и полностью раскрепощенным от оков патриархальной зависимости в ходе эмансипации.

В-третьих, одной из значимых гендерных коллизий постмодерна, спровоцированных эмансипацией, является процесс, который в стилистике представителей структурализма и деконструктивизма можно обозначить как «*пермутация гендерного текста культуры*». Являясь прямым следствием гендерной конвергенции, процесс гендерной пермутации представляет собой качественную реструктуризацию мужских и женских полоролевых функций в системе гендерных отношений. Иными словами, в ситуации постмодерна лавинообразно разворачивается процесс, который можно представить в виде своеобразной социокультурной гендерной «мутации». Имеются самые серьезные основания, чтобы констатировать, что в настоящее время явно набирают силу тенденции гендерной маскулинизации женщин и феминизации мужчин. В полоролевом отношении женщина окончательно сравнивается с мужчиной, а, по сути, становится им.

Наряду с маскулинизацией феминности в настоящее время обозначилась экстраординарная тенденция феминизации маскулинности. Мужчина стремительно утрачивает ведущие позиции в тех областях общественной жизни, в которых на протяжении истории удерживал безраздельное лидерство. Массовидный характер процессов «перерождения» мужчин в женщин, а женщин – в мужчин, видоизменили гендерный пейзаж культуры постмодерна столь значительно, что дают весомые основания рассуждать о пермутации гендерного «текста» культуры, в результате чего происходит оформление некоего промежуточного, усредненного гендерного типа, названного нами «*фрауманн*». Образ фрауманна воплощает наиболее устойчивые, типические черты и характеристики гендера «нового типа», который фиксирует отсутствие резких и четких границ между естественно-природными, анатомическими и социокультурными, ролевыми характеристиками мужского и женского пола.

В-четвертых, эмансипация инициировала ряд социокультурных процессов, в которых ведущим и определяющим вектором все решительнее становится феминный фактор. Одним из таких процессов, в котором, при более пристальном и внимательном рассмотрении, обнаруживается лидерство женского начала, является тотальная *эротизация* атмосферы культуры постмодерна.

В середине 60-х годов западный мир пережил одну из самых экстравагантных революций XX века – сексуальную, которая основательно преобразила всю систему взаимоотношений между мужчиной и женщиной. В ходе сексуальной революции коренным образом изменились традиционные представления о мужественности и женственности, произошли радикальные преобразования в расстановке гендерных «сил» в пространстве культуры постмодерна. Однако позитивно преобразуя по ряду позиций отношение к проблемам сексуальности со стороны общественного мнения, которое становится все более просвещенным и терпимым, а так же кардинально меняя представления о женщине как исключительно пассивной стороне сексуальных отношений, легализуя ранее отторгаемые культурой виды нетрадиционных сексуальных ориентаций, сексуальная революция спровоцировала череду негативных процессов. Девальвация многих духовных ценностей в сфере интимных отношений, культ обнаженного тела или так называемый «бодицентризм», возводящий инстинктивные потребности плоти в разряд первостепенных человеческих наслаждений, привели к тому, что жизненная стратегия «среднего человека» в интимной сфере стала определяться, говоря словами М. Бахтина, «телесным низом».

Уже в глубокой древности во многих культурных традициях на уровне интуитивного предчувствия произошло осознание того непреложного обстоятельства, что сексуально-эротическое напряжение в природе женского пола несравнимо выше в отношении сексуального потенцирования пола мужского. Представления о женщине как о «существе совсем иного порядка, чем мужчина», у которой «пол разлит не только по всей плоти организма, но и по всему полю души», что неизбежно делает женщину более «зависимой от пола по сравнению с мужчиной», характерно для многих представителей философии, которых предметно занимала проблематика пола. В настоящее время женщина становится для мужчины не Музой, а тем, что Ж. Бодрийяр назвал «соблазном», но не в смысле искусства обольщения, а в качестве социокультурной метафоры, выражающей особую атмосферу, при которой женщина становится неиссякаемым источником эротических переживаний, выходящих далеко за рамки сексуальных, межличностных отношений. По сути дела, речь идет о тотальной эротизации массового сознания постмодер-

на, за которой скрывается женское «коллективное бессознательное». Иначе говоря, эмансипированная женщина, которой, наконец-то, удалось в полной мере обнажить, скрытую в недрах природы женского пола неимоверной силы эротическую стихию, которая вырвалась наружу из «исторического» заточения, в решающей степени предопределяет появление ряда негативных тенденций, во многом отягощающих кризисное состояние культуры постмодерна.

В-пятых, большую тревогу и озабоченность вызывает процесс разрушения таких важнейших общественных институтов и социокультурных ценностей, какими являются *брак, семья и материнство*. Произошедшие вследствие эмансипации перемены в положении женщины не могли не затронуть семейно-брачные отношения. Сегодня ценность брачных уз нивелирована настолько, что перспективы сохранения брака и семьи вызывают у исследователей серьезные опасения, которые предрекают в ближайшем будущем наступление «эры полиформизма в интимной жизни», где единобрачие перестанет быть единственной генеральной стратегией семейно-брачных отношений. Качественные изменения, произошедшие в иерархии ценностных установок эмансипированной женщины, в жизненной программе которой брак, семья и материнство занимают далеко не лидирующие, первостепенные позиции, могут иметь для дальнейшего развития культуры катастрофические последствия. Смещение мотивации у подавляющего большинства современных женщин на самореализацию в профессиональной сфере и карьерный рост, отсутствие интереса и эмоционально-психологической потребности к самоутверждению в семейно-брачных отношениях, неизбежно привели к девальвации ряда базовых, культурных ценностей – в первую очередь, материнства. Масштабы, которые принимает явление равнодушно-прохладного отношения к материнству на современном этапе и многочисленные эпизоды из глубокого исторического прошлого, к примеру, широкая практика инфантицида, заставляют серьезно усомниться в бесспорности глубоко укоренившегося мнения об универсальности природно-инстинктивных оснований материнских чувств.

Таким образом, анализ некоторых, на наш взгляд, наиболее значимых перемен, которые переживает культура в нынешнем своем состоянии, позволяет с уверенностью заключить, что процесс эмансипации активизировал природно-родовую

стихию женского пола в такой решающей степени, что женщина превращается в доминирующую историческую силу. Однако неуклонное усиление лидерства феминного фактора может иметь для дальнейшего развития культуры непредсказуемые последствия. Происходящие под влиянием эмансипации процессы гендерной конвергенции и радикальная пермутация гендерного «текста» культуры, в результате которых полоролевые, гендерные различия между мужчиной и женщиной все более становятся эфемерными, можно расценивать в качестве важнейших симптомов, набирающих силу деструктивных тенденций, предопределяющих крушение основ патриархальной культуры, перерождение ее в совершенно новое, гиноандрическое или *неоматриархальное* состояние.

При этом важно подчеркнуть, что приближение неоматриархатного периода создает противоречивую ситуацию в культуре, которая отнюдь не романтична. Парадоксальность ситуации заключается в том, что если на заре истории женская природно-родовая стихия выступила своеобразным «первотолчком» зарождения культуры, а в последующем вдохновляла и побуждала мужчину к творению и созиданию культуры, то в ситуации постмодерна феминный фактор стал оказывать сильнейшее воздействие на разрушение и самоуничтожение культуры.

У столь неутешительного, пессимистического по сути прогноза относительно будущности культуры, помимо конкретно-исторических предпосылок, имеются основания сугубо онтологического характера. Неоматриархат – это фантом, иллюзия победы, поскольку в ходе эмансипации в пространствах современной культуры возобладала тенденция приоритета «женщины» над «мужчиной», но отнюдь не доминанция *женского начала над мужским*. Несмотря на то, что вследствие эмансипации, «глубоко спрятанное, в потаенных уголках женской души», мужское начало все-таки вырвалось наружу, а социально освобожденная и во всех отношениях полностью раскрепощенная женщина все активнее присваивает и персонифицирует маскулинные полоролевые характеристики, тем не менее, женщина не становится продуцирующей, созидательной силой и не превращается в равного с мужчиной, равноценного с ним субъекта творческой деятельности, определенной формой которой, в общем-то, культура и является.

Принимая во внимание, что в онтологическом смысле женщина предстает не только как «дающая, рожающая жизнь», но и «всепоглощающая мировая деструкция», а «в женской стихии, отделенной от мужской, *нет личности* способной к творчеству»,¹¹ можно не без сожаления заключить, что «женщина», прежде всего в силу онтологических причин, не в состоянии заместить собой «мужчину», который воплощает в себе «антропологический, личностный принцип»,¹² лежащий в основании созидательной, человеческой деятельности. Иными словами, «рожающая», но не преобразующая природно-родовая стихия женского пола, оттесняя на периферийные позиции мужскую «творящую» силу, таит в себе трагические опасности, чреватые завершением бытия культуры, которая в своем существе является средоточием энергии пола, или, образно говоря, «счастливой жертвой Эроса». Не вызывает сомнений, что переход культуры постмодерна во все нарастающем темпе на гиноандрический вираж, в онтологическом смысле означает завершение целой эпохи во всемирной истории и открывает наступление качественно нового, неоматриархального цивилизационного фазиса, в котором гендерные оппозиции приобретают столь оригинальный и непривычный вид, что ставят под сомнение сохранение Человека в дихотомической различенности на «мужчину» и «женщину».

¹ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Эстетика. Философия культуры. М., 1991. С. 317.

² Там же. С. 315

³ Берн Ш. Гендерная психология. М., 2001. С. 119–120.

⁴ Там же. С. 120

⁵ Фромм Э. Искусство любить. М., 1990. С. 113.

⁶ Бердяев А. Н. Смысл творчества // Философия творчества, культуры и искусства: В 3-х тт. М., 1994, Т. 1. С. 180

⁷ Там же. С. 184.

⁸ Ортега-и-Гассет Х. Указ. соч. С. 329.

⁹ Эмансипация – лат. *emancipare* – освободить сына от отцовской власти и затем объявить его самостоятельным, формально отказываться от чего-либо, отчуждать, уступать. В научных исследованиях сложилась традиция использовать понятие «эмансипация» в более строгом контексте, т. е. как освобождение женщины от гнета социальной зависимости, подчиненного положения, неравенства и предрассудков.

¹⁰ Конвергенция – лат. *приближение, схождение*. В гуманитарные науки понятие «конвергенция» пришло из биологии. Оно было заимствовано в 60-е годы создателями «теории конвергенции» Дж. Гелбрейтом, П. Сорокиным (США) и Я. Тинбергом (Нидерланды), Р. Ароном (Фран-

ция), Дж. Стрейчи (Великобритания) и др., которые полагали, что экономические, политические и идеологические различия между двумя мировыми системами – капитализмом и социализмом постепенно сглаживаются, что приведет в конечном итоге к их слиянию.

¹¹Бердяев Н. А. Смысл творчества // Философия творчества, культуры и искусства. В 2-х тт: Т. 1. М., 1994. С. 183.

¹²Бердяев Н. А. О назначении человека. М., 1993. С. 73.

М.М. Богословский

Биологические и социальные основы женской культуры

С возникновением рода человеческого появилась и культура, которая с самого начала имела гендерный характер – женская культура существенно отличалась от мужской. На протяжении тысячелетий между этими культурами существовала жесткая граница, переходить которую было нельзя не только женщинам, но и мужчинам. Запрет на нарушение этих границ содержался в религиозных правилах (например в Торе и Библии) и юридических законах (Кодексе Хаммурапи XVIII в. до н. э.). Мужская культура традиционно была связана с охотой, рыболовством, скотоводством, строительством, ремеслами, ведением наступательных и оборонительных войн, женская – в основном с рождением и уходом за детьми, ведением домашнего хозяйства.

Естественно, что богатства и власть в первобытном обществе, а позже и в феодализме и капиталистическом обществе принадлежала мужчинам.

Так продолжалось до тех пор, пока наиболее развитая часть человеческого общества не вступила в эпоху капитализма, во время которой началось массовое привлечение женщин к промышленному труду. У женщин стала появляться финансовая и экономическая самостоятельность, в результате чего начала ослабевать изначальная зависимость женщин от мужчин. Тем самым была заложена мина, которая через сто лет взорвала общество, разрушила традиционную женскую культуру, внесла в неё новые, не свойственные ей элементы, привела к мировой революции (хотя тихой и бескровной), которая продолжается и сегодня. У женщин появилась крамольная мысль, что они такие же, как и мужчины, что меж-

ду женщинами и мужчинами нет различий, что всё, что есть у мужчин, должно быть и у них. Некоторые особы с выраженными лидерскими чертами стали требовать равных прав (но не обязанностей) с мужчинами и начали даже подбивать женщин на общественные выступления – митинги, демонстрации и т. п.

Прежде всего, они выступили против того, что являлось изначальным и традиционным занятием женщин – детей и ведения домашнего хозяйства. Таким образом, первый удар за равноправие с мужчинами они нанесли по детям и семье. Девизом социально озабоченных женщин цивилизованных стран стала борьба за то, что они стали называть «своими правами». На самом деле они боролись не за свои права, которые у них никто не отнимал, а за права мужчин, которые они хотели бы иметь тоже. За короткое время движение за мужские права в большей или меньшей степени охватило все европейские страны, а также США и Канаду, а теперь захватывает и азиатские страны (Японию и Китай), а также страны Африки.

И хотя эта борьба за мужские права началась совсем недавно, в ней женщины добились впечатляющих успехов. Сегодня женщины стали экономически и финансово независимыми. На вопрос о том, остались бы они на работе, имея независимой от неё и достаточный источник материального обеспечения, 66% женщин ответили утвердительно, такой же процент показал и опрос мужчин (Wilks Sh., Miller Th.A., 1990)¹.

Наши женщины оказались весьма способными к бизнесу. Уже сегодня из 200 предприятий бизнеса в нашей стране около 25% либо возглавляют женщины-менеджеры или же они занимают 2–3 руководящие позиции в фирме. Что касается науки, то за последние годы число женщин в российской науке настолько выросло, что позволяет говорить о её феминизации. А в таких отраслях, как искусство, архитектура, культурология и даже философия докторов наук женщин уже больше, чем мужчин! Более того, сегодня в России женщин-ученых больше, чем где-либо в мире. Кроме того, если сравнить Россию с другими странами, то доля слабой половины человечества среди преподавателей вузов и ученых самая большая в мире!

Сегодня женщины теснят мужчин в тех областях, где они ранее полностью отсутствовали. В словах женщины-

губернатора Санкт-Петербурга В. Матвиенко о том, что женщины «постоянно завоевывают сферы, традиционно считающиеся мужскими», чувствуется торжество – мол, завоёвываем и будем завоёвывать.

Сегодня во многих странах женщины добились права заниматься такой не женской профессией, как служба в армии и на флоте, правда, на должностях не связанных с боевыми действиями. В последние годы женщины не просто служат в армии и на флоте, но уже и являются министрами обороны – женщины возглавляют вооруженные силы Франции, Финляндии, Латвии, Чехии, Испании, Эквадора и Японии.

Всё больше женщин служит сегодня в рядах Российской армии – это престижно и выгодно. В то же время, несмотря на постоянные обвинения мужчин в нарушении их равноправия с мужчинами, в данном случае они вовсе не стремятся к полному с ними равноправию – не хотят служить в армии по обязанности, по призыву, так, как служат мужчины. Депутаты-женщины ни разу не потребовали, чтобы воинская повинность распространялась и на женщин. В ещё большей степени эта тенденция отмечается за рубежом. Считая себя во всём равными мужчинам, забыв о своём биологическом и социальном предназначении, женщины занимают должности, требующие от них мужских качеств. По сути, они уже готовы сражаться с мужчинами на равных.

Всё меньше остаётся занятий, которыми женщины теперь не занимаются. В 1997 г. появилась первая в Европе матадорка - 24-летняя испанка Кристина Санчес. Сегодня насчитывается уже восемь женщин-матадоров и одна из них наша соотечественница - Лидия Артамонова, которая «завалила» 270 быков! А недавно в Италии впервые за всю историю Венеции гондольером стала женщина. Уже не осталось ни одного вида спорта, которым бы женщины не занимались. Это относится даже к таким сугубо мужским видам спорта, как бокс, поднятие штанги, хоккей с шайбой, футбол и прыжки на лыжах. Активно действуют они и в политике: в настоящее время из 180 парламентов мира 14 возглавляют женщины. Женщины теперь становятся и президентами стран.

Борьба за полное равенство с мужчинами затронула и Церкви. Интересно, что Боги смотрят на это «сквозь пальцы». Первым пал бастион протестантизма. В изданной в Голландии Библии под влиянием феминисток было убрано указание на половую принадлежность самого Бога-отца! Он теперь не

Бог-отец, а бесполое божество (или гермафродит). Под мощным давлением феминисток, вопреки учению христианской Церкви о недопустимости проповедования женщинами, протестантская Церковь стала допускать женское священство. Женщины теперь появляются и на трибунах католических храмов, хотя католическая, как и православная Церковь, официально этого не разрешает.

Другой особенностью новой женской культуры является стремление стереть все грани мужского и женского и образовать один пол – «унисекс», причем «унисекс» мужского типа. В целом в женской культуре это приводит к стремлению перенять у мужчин всё то, что им кажется наиболее привлекательным, выгодным, «крутым» и сделать это своим. Прежде всего, они хотели получить то, что считали главным символом мужчин и мужской жизни – брюки. В начале XX в. в Лондоне феминистки надели брюки и вышли на демонстрацию громя витрины магазинов и офисов и требуя избирательных прав. С этого момента ношение брюк женщинами стало символом борьбы за равенство с мужчинами. В дальнейшем они стали перенимать у мужчин и другие элементы одежды – пиджаки, куртки, плащи, рубашки, футболки, майки, головные уборы – шляпы и кепки, обувь. В результате культура женской одежды резко изменилась и взяла курс на гермафродитизм или «унисекс» мужского типа.

В последние 15–20 лет женщины всё решительнее стали отказываться от женской самоидентификации, по умолчанию отождествляя себя с мужчинами! Вначале они принялись заменять женский вариант названий профессий и специальностей на мужской даже тогда, когда он официально существует. Так, умаляя своё женское достоинство, они стали отказываться быть учительницами, воспитательницами, писательницами, поэтессами, корреспондентками, художницами, продавщицами, летчицами, трактористками и т. д. Видимо, считая, что мужские названия звучат более солидно, престижно они захотели называться на мужской лад учителями, воспитателями, писателями, поэтами, корреспондентами, художниками, продавцами, лётчиками, трактористами. В этом им помогли чиновники, точнее чиновницы, закрепив в списках профессий и должностей мужские варианты их названий.

Анализ перечня должностей и профессий Общероссийского классификатора профессий рабочих, должностей служащих

и тарифных разрядов показал, что стараниями феминисток, стремящихся заниматься не столько женскими, сколько мужскими делами и должностями, подавляющее большинство профессий и должностей теперь имеют мужское звучание. Здесь мы тоже видим унисекс мужского рода. Мало того, что все названия профессий и должностей, которые ранее имели мужские и женские формы, теперь лишились женского звучания и стали только мужскими. Так, если раньше были монтажники и монтажницы, то теперь только монтажники, а монтажниц больше нет. Ладно, монтажницы – детище конструкторов социалистического строя, так теперь нет больше уборщиц, поварих, а также продавщиц, приемщиц, проводниц, прядильщиц, учительниц. По повелению составительниц этого Перечня исчезли и ткачихи, уступив место ткачам, а также доярки. Сегодня должность доярки называется дояр! Что же осталось бедным женщинам? Всего ничего! Педикурша, медицинская сестра, машинистка, няня, маникюрша, акушерка и, возможно, пара-тройка других должностей и профессий.

«Самой женской» по праву является профессия секретаря-делопроизводителя. Среди претендентов на эту должность нет ни одного мужчины! Также одна из «самых женских» профессий – инспектор отдела кадров. Женщины составляют 97% от общего числа соискателей этой должности. На третьем месте среди сугубо дамских профессий – офис-менеджер. Поддерживать чистоту и порядок в офисе – задача непростая и очень ответственная. Считается, что женщины справляются с ней лучше, поэтому среди представителей профессии, которая раньше носила название «завхоз», а ныне зовётся «офис-менеджер», 95% дам.

Продолжая политику стирания границ женского и мужского, женщины перешли к следующему этапу слияния женской и мужской культур – отказу от женского самовыражения в культуре речи. Так, вместо «участница» войны, событий, они говорят «участник», вместо «блокадница», они говорят «блокадник», вместо «поклонница» таланта какого-нибудь артиста, они теперь говорят «поклонник», вместо «свидетельница» – «свидетель», вместо «оптимистка» – «оптимист», вместо «сторонница» – «сторонник» и т. д. Если так будет продолжаться и дальше, женский род, а вместе с ним и женские окончания слов исчезнут из русского языка. Останется один унисекс мужского типа.

Стремление женщин овладеть всем мужским с 30-х годов XX в. проявляется и в эстрадном исполнении мужских песен. Они нисколько не стесняются петь мужские песни и арии, т. е. те, которые поются от имени мужчины. Нежданова, например, пела мужской романс на слова А. С. Пушкина «Я вас любил...», да и Тамара Гвердцители поёт песню, слова которой должен произносить только мужчина («...я брошусь в ноги к ней...» - «Живёт моя отрада...»). Грешили этим также Л. Русланова и К. Шульженко. Мужчинам же не придёт в голову петь песню со словами «снегопад, снегопад, не мети мне на косы...». Удивительно, что так называемые гендерные (по сути – феминистские) организации не возмущаются этими тенденциями, не защищают право женщин оставаться женщинами.

Приходится, однако, признать, что в своём стремлении ничем не уступать мужчинам, женщины подчас переходят разумные границы, установленные самой Природой, в результате чего разрушается их женское естество. Драка на ринге, поднимание огромных тяжестей в соревнованиях по пауэрлифтингу, занятия разными видами борьбы, игра в футбол, прыжки с трамплина на лыжах женскому организму противопоказаны, занятие ими приводит к перегрузкам и травматизму. Накачивание мускулов требует к тому же другого гормонального уровня, что постепенно превращает женщину в полумужчину, своеобразную гермафродитку и вносит изменения в протекание ряда важных биохимических и физиологических процессов. Это выражается в изменении их гормонального статуса: в их надпочечниках происходит блокирование синтеза глюкокортикоида кортизона и повышение синтеза андрогенов. В результате нормальное соотношение женских и мужских половых гормонов (эстрогенов и андрогенов) изменяется в пользу мужских гормонов – андрогенов. В свою очередь, эти гормональные перестройки приводят к нарушениям в половой системе (уменьшению размеров матки и грудных желез, задержке на 2—4 года первых менструаций, токсикозам беременности, затруднениям родов и т. д.). Одновременно наблюдаются многочисленные морфофункциональные особенности, отличающие маскулиновых (т. е. мужеподобных) женщин от обычных (женственных или «феминных») женщин. У них отмечается увеличение роста и мышечной массы, преобладание быстрых мышечных волокон в скелетных мышцах, снижение жировой компонен-

ты в составе тела, увеличение костной массы и содержания кальция в костях, а строение тела формируется по мужскому типу. В системе крови повышается содержание эритроцитов, увеличиваются размеры сердца и жизненная емкость легких. Даже кожные узоры на пальцах и оволосение формируются по мужскому типу.

За изменением структуры тела и физиологии неизбежно следует и изменение психологических характеристик женщин. Изменения деятельности мозга сопровождаются проявлением мужских черт поведения (повышенная агрессивность, мальчишеский тип поведения — томбойизм). Согласно данным американских авторов, студентки-спортсменки стремятся к самостоятельности, доминированию, часто проявляют агрессивность. По полученным за последние годы данным российских и иностранных учёных, у спортсменок маскулинный тип проявляется значительно чаще, чем в обычной популяции — от 44% у пловчих, до 98% у спортивных гимнасток (в среднем у 75% спортсменок). Нет сомнений, что у женщин, занимающихся мужскими профессиями (участвующие в боевых действиях военнослужащие, руководительницы городов и стран, начальницы разных рангов) тоже происходят изменения в поведении и психологических характеристиках по мужскому типу.

У женщин, профессионально занимающихся мужскими видами деятельности, в частности мужскими видами спорта, происходят нарушения полоролевого поведения, т. е. особого набора требований и ожиданий, предъявляемых обществом к индивидууму мужского или женского пола. Так, спортсменки, занимающиеся таким сугубо мужским видом спорта, как борьба, имеют более высокие показатели маскулинности, чем пловчихи и гимнастки-«художницы». Вызывает тревогу и то обстоятельство, что эти нарушения передаются по наследству. При опросе матерей этих спортсменок выявлено, что третья часть из них считали себя главными в семье. Кроме того, некоторые из них занимались сугубо мужскими профессиями (были пожарницами на нефтяной вышке, начальницами торфоразработки, начальницами цеха). Причем это регистрировалось в 1,4 раза чаще у матерей спортсменок в группе единоборств, чем в спортивных.

Отказ от традиционных форм женской культуры приводит к её девальвации, пренебрежению женской нравственностью и росту преступности. Изменение женской культуры и про-

должающееся стремление во всём уподобляться мужчинам привело к росту женского насилия и всплеску женской преступности. Это отмечают авторы социологического исследования «Общественное мнение о несовершеннолетних правонарушителях», проведенного в 2004 г. в Санкт-Петербурге, а также в Ульяновске и Саратове. Они пришли к выводу, что эти негативные явления обусловлены разрушением традиционных ролей отца и мужа, изменением значения семьи в обществе. Эксперты с тревогой предсказывают, что доля девушек в подростковых преступлениях будет расти от года к году. В США с 1967 по 1997 годы женская преступность возросла почти по всем видам преступлений. Причем, по таким, как продажа и употребление наркотиков – на 132%, вожделение автомашины в нетрезвом состоянии – на 211%!

Во всём мире так называемая эмансипация женщин всё больше принимает уродливые формы. Завоёвывая мужские права, опьянённые успехами, женщины стремясь походить на своих кумиров – мужчин, ведут их образ жизни и перенимают далеко не лучшие их привычки. Кроме ношения мужской одежды, сюда относится курение, употребление наркотиков и алкоголя, нарочитая резкость, развязная манера поведения, агрессивность, стремление командовать, всегда настаивать на своём.

Во всех развитых странах Запада темпы роста традиционных «мужских» пороков среди женщин распространяются быстрее, чем среди мужчин, примерно в три раза. Оказалось, что средний возраст начала курения у женщин для всех городов России составляет 25,5 лет. Самый ранний возраст начала курения женщин составляет 9,8 лет, а самый поздний – 61 год. В Санкт-Петербурге, например, по официальным данным сегодня курит каждая третья женщина, по неофициальным – более 70% девушек и молодых женщин! Типичной картиной на улице является молодая женщина с детской коляской и сигаретой или бутылкой пива в руке. Она не задумывается о тех последствиях её пристрастий к табакокурению и алкоголю, которые непременно скажутся на здоровье её ребёнка (детей).

На экранах телевизоров теперь показывают западные фильмы (в основном производства США), в которых молодые накрашенные и оголенные, сексапильные (т. е. по-прежнему стремящиеся понравиться мужчинам) девушки и женщины проявляют агрессию по отношению к мужчинам, нападают

на них, избивают и даже побеждают, хотя последние отнюдь не выглядят хлюпиками. Для взрослой публики предназначены фильмы, типа сериала «Шпионка» или «Charlie's Angeles», а для детей – «Зена – королева воинов». Чему могут научить девочек и девушек такие фильмы? Что они нисколько не слабее мужчин, что они могут с ними соперничать и даже побеждать? Но это неправда: в действительности - слабее, а в жизни никогда даже тренированная женщина не одолеет нескольких тренированных мужчин. А проблема сексуального преследования мужчин женщинами приобрела такой размах, что этим заинтересовались психологи (Busby D.M., Compton S.V., 1997)².

Появление таких фильмов означает вызов мужчинам и объявление им войны с целью передела мира. Неудивительно, что эти фильмы сделаны в США, где сначала хозяевами жизни почувствовали себя негры, а теперь и женщины. Объединяет их то, что те и другие на протяжении длительного времени были в неравноправном положении по сравнению с другими людьми. Получив же равные права, остановиться они не могут и теперь уже они сами нарушают права других: негры – права белых, а женщины – права мужчин.

А теперь об обратной стороне медали под названием равные права женщин и мужчин. Прежде всего, уподобляя себя мужчинам, женщины занимаются своим образованием, карьерой, развлечениями, но не рождением детей и не семьей. Согласно исследованию Комитета по науке и высшей школы (март 2008 г.), девушки стали чаще, чем юноши считать работу ценностью. Это говорит о том, что уже не любовь и семья у них на первом месте, а работа!

Как говорится в документе, отражающем позиции самой большой христианской Церкви – Римско-католической «О взаимоотношениях мужчин и женщин в Церкви и в мире», современные женщины «видят себя соперниками мужчин», вместо того, чтобы быть самими собой. По данным исследований, проведенным на базе Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры РФ в 2007 г. (СПб вед., 10 мая 2007 г.), 30% девушек 16–17 лет изначально исключают участие мужчин в создании семьи, они не ориентированы на законные браки, но не исключают рождение одного – двух детей. Проведенный недавно в Англии опрос среди женщин 15–45 лет выявил, что сегодня они не слишком нуждаются в спутнике жизни!

По данным Петростата, сегодня треть детей в Санкт-Петербурге рождаются вне брака, а количество разводов возросло на 8%. Становится всё больше женщин, которые оказываются неспособными сохранить семью (Я. Райская, 2007)³. Согласно исследованию, проведённому французским женским журналом Elle («Она»), в странах Европейского сообщества разводы в 75% случаев совершаются по инициативе женской стороны. Тоже самое происходит и в нашей стране.

Экономическая самостоятельность позволяет сегодня женщине одной растить ребёнка, а потому теперь она не задумываясь рвёт брачные узы, если её что-то не устраивает в муже или в отношениях со свекровью, от чего прежде всего страдают дети. Всё больше становится семей малодетных, состоящих из матери и её ребенка, увеличивается количество «матерей-кукушек». Положении детей в неполных семьях (состоящих только из матери и ребенка или двух-трех детей) незавидное. Занимаясь зарабатыванием денег и своей карьерой, женщины не занимаются воспитанием детей, не дарят им любви и ласки, в результате чего беспризорный и озлобленный ребенок попадает под влияние асоциальных элементов, приобщается к алкоголю, табакокурению, наркотикам, встает на криминальный путь. У таких детей не формируются установки на создание полноценной семьи.

Дети, в семьях, состоящих из одной матери и ребенка, страдают от социально-бытовой и жилищной неустроенности, несоблюдения гигиенических норм жизни, необращаемости к врачам в случае их болезни (Баранов А. А., Щеплягина А. А., 2001.)⁴. Данные восьмилетнего исследования Стокгольмского центра по вопросам эпидемиологии, в котором приняли участие 65 000 детей из неполных семей, показали, что такие дети имеют меньше шансов прожить долгую жизнь. Например, число самоубийств, смертей в результате передозировок алкоголя или наркотиков, а также вероятность погибнуть в результате актов насилия в 4–5 раз выше именно среди тех, кто вырос в неполной семье. Дети из неполных семей чаще подвержены стрессу и хуже своих сверстников могут контролировать свои действия. О меньшей защищенности детей из неполных семей говорит и следующий факт. Из 52 000 случаев сексуального надругательства над детьми в США 72 % произошли с детьми, живущими без

кого-то из родных родителей или вообще без родных родителей.

Как показали данные, полученные в разное время отечественными и западными специалистами у детей (и, впоследствии, у взрослых), выросших в неполных семьях, чаще чем у детей из полных семей возникают нервные и психические расстройства (Гарбузов В. И., 1978; Фигдор Г., 1995 и др.)⁵. У детей из неполных семей часто возникает целый набор трудностей и психологического характера. По мнению И. С. Кона (1979)⁶, дети, выросшие без отца, часто имеют пониженный уровень притязаний, у них выше уровень тревожности, чаще встречаются невротические симптомы, мальчики с трудом общаются со сверстниками, хуже усваивают истинно мужские роли, но гипертрофируют некоторые мужские черты: грубость, драчливость. Часто ребенок начинает бунтовать против крайней зависимости от матери, либо вырастает пассивным, вялым, физически слабым.

Занимаясь своей карьерой, женщины всё чаще откладывают рождение ребенка и выполнение своей природной миссии на всё более поздние сроки. Между тем, поздние роды являются наиболее частой причиной патологии развития ребенка. Здоровье детей, рожденных «старыми» матерями (30–40 лет), значительно хуже, чем у таковых, рождённых молодыми женщинами. Они чаще болеют тяжелыми заболеваниями, которые значительно сокращают их жизнь. Растет количество детей, больных болезнью Дауна и аутизмом – тяжелой аномалией психического развития ребенка, характеризующееся главным образом нарушением контакта с окружающими, эмоциональной холодностью, перверсией интересов, стереотипностью деятельности.

Обратной стороной следования мужскому образу жизни, экономической независимости и финансовой самостоятельности женщин, их отказа от своей культуры для человеческого общества является резкое старение «цивилизованного мира», вызванное снижением рождаемости, что стало практически общемировой тенденцией в развитых странах мира. Женщины не хотят выполнять свою, определённую Природой биологическую задачу – рожать и выращивать детей.

В настоящее время в России на каждую женщину приходится лишь 1,3 ребёнка! К этому добавляется огромное число абортов: в последние годы женщины в нашей стране ежегодно делают от 4 до 6 млн. абортов! По словам уполномо-

ченного по правам человека в РФ Владимира Лукина, нынешняя демографическая ситуация в России сопоставима с таковой, сложившейся после Гражданской и Великой Отечественной войн. По оценкам экспертов, сокращение численности экономически активного населения нашей страны в ближайшие 15–20 лет приведёт к серьёзным ограничениям экономического роста России и потере её экономической независимости. На одном из заседаний Совета безопасности РФ (июнь, 2006) Президент РФ В. В. Путин заявил: «Если ничего не делать, то к концу XXI века население России уменьшится вдвое». Он назвал демографическую ситуацию в стране кризисной; по его словам критическое сокращение населения, начавшееся в 1993 г., приобрело с тех пор устойчивый характер. «Фактически мы стоим сегодня у кризисной черты – за 13 последних лет число умерших граждан страны превысило число родившихся на 11,2 миллиона человек», констатировал Президент. Если так пойдёт дальше, то через 40–50 лет уже некому будет не только работать на фабриках и заводах, но и защищать Россию!

Сегодня женщины не только не хотят рожать детей, но всё же родив, всё чаще бросают их. Это дети, брошенные женщинами – своими матерями! В 2007 г. в России около 10 тыс. женщин бросили своих детей, сбежав из роддома. А детьми все чаще теперь занимаются отцы. По данным разных ведомств РФ (Совета Федерации, МВД, Генпрокуратуры, Министерства труда и соц. развития, Министерства образования и Независимых экспертов), в России в 2008 г. насчитывалось от 368 тыс. до 4 млн. беспризорных детей!

Всё усиливающееся стремление подражать мужскому образу жизни («мужчины не рожают, а мы чем хуже?») породило у женщин новую субкультуру – добровольную бездетность, т. н. чайлдфри — отсутствие детей и сознательное нежелание когда-либо их иметь. Многие чайлдфри сожалеют, что вынуждены финансировать общественные школы через единое для всех налогообложение. Для идеологического подкрепления своей непопулярной позиции сторонницы этого движения прибегли к религии. Они ссылаются на Иисуса Христа, который, согласно Евангелиям, не имел детей. А чтобы религиозное оправдание было более весомым, они основали даже новую Церковь – Кибер-Церковь Иисуса Христа. Хотя в России такого организованного движения пока нет, но сторонницы его идеологии уже существуют, например, Ксения Собчак.

Причина описанных изменений в женской культуре лежит в биологической и социальной областях. Сосредоточение в руках мужчин всей власти и богатств было связано с сугубо биологической причиной – явлением полового диморфизма, представляющим целый ряд анатомических, физиологических и биохимических особенностей организма, присущих каждому полу. Связано это с разной биологической ролью, которую они призваны играть: мужской пол должен добывать новые формы адаптации к меняющимся условиям жизни и передавать их новым поколениям, а женский – отбирать, хранить, консервировать добытые мужским полом приобретения, рожать и вскармливать детей до той поры, пока они не станут самостоятельными. Активность мужчин, как физическая, так и психическая связана с их биологической ролью. Новый полезный признак в филогенезе появляется сперва у мужского пола и лишь затем, через много поколений, передаётся женскому. Он – носитель нового, прогрессивного, она – лишь сохраняет всё полезное, что нашёл и испытал на себе мужчина (Геодакян В. А., 1994)⁷.

Эта биологическая консервативная роль женщины сказывается не только на хранении генетического материала. Она сказывается во всём – в обычаях и обрядах, во взглядах на жизнь и даже на одежду. Важнейшее значение для межполовых отношений пралюдей имело одно из проявлений полового диморфизма – большая масса и размеры тела, большая мышечная масса, а, следовательно, и физическая сила у мужских особей. А это значит, что в их общине главенствовали представители мужского пола, причём не все, а лишь лидеры, вожаки. Самки же были в подчинённом положении, что продолжалось миллионы лет.

И сегодня средний рост мужчин и масса их тела больше, чем таковые у женщин. Причём, наибольшие отличия между молодыми мужчинами и женщинами (18– 26 лет) по антропометрическим показателям наблюдаются в абсолютной величине мышечной массы. Конечно, это проявление полового диморфизма возникло не само по себе, а появилось в процессе эволюции как адаптивное, приспособительное явление, обусловленное генетической программой сохранения пралюдей, как вида. В процессе эволюции Природа не пошла по пути одинаковой заинтересованности в размножении обоих полов (Дольник В. Р., 2004). Она возложила основную заботу по продолжению вида на прамужчин, гарантировав им вы-

сокую степень удовлетворения от полового акта. В результате, независимо от того, как проходит половой акт, оргазм им всегда обеспечен. Именно для облегчения решения задачи продолжения рода Природа и пошла по пути предоставления мужчине (а также представителям мужского пола у многих других видов животных) большей, чем женщине физической силы. С этой целью половой отбор увеличивал их размеры и массу тела по сравнению с таковыми у праженин.

Имея большую массу тела и силу, прамужчина мог продолжать род, не спрашивая согласия праженины – он просто брал её силой. Преимущество прамужчин в силе имело ещё один глубокий биологический смысл. Используя её, прамужчина был способен оплодотворить большое число праженин, обеспечивая не только воспроизведение рода с разным набором генотипов, но и давая возможность постоянного обновления ДНК эмбрионов разных праженин, что способствовало лучшему сохранению вида, приспособлению его к меняющимся условиям среды. Произошли эти изменения в организме мужчин и женщин сравнительно недавно, по видимому, около 30–40 тыс. лет назад – время, когда появились наши непосредственные предки – кроманьонцы.

У огромного большинства видов репродуктивная система самцов и самок активируется раз в год, на короткий брачный период, – в остальное время она неактивна. У самок приматов молочные железы после овуляции редуцируются (как и у всех млекопитающих), а у женщин эта обратимость была утрачена, вследствие чего грудные железы постоянно пребывают в увеличенном состоянии, что сигнализирует о постоянной готовности к спариванию, даже во время беременности и кормления молоком. Биологическое значение этой гиперсексуальности женщины – быть всегда готовой к спариванию, а значит к удовлетворению мужчины. Однако, это спаривание служит не целям удовольствия, а имеет сутобо прагматическую основу – с помощью такого «поощрительного» спаривания она обеспечивает пищей себя и своего ребёнка (детей). Ведь одна она выкормить и вырастить всё более умнеющих, требующих много времени детей, не может. С этого началась зависимость женщины от мужчины.

В истории рода человеческого половой диморфизм был связан с выработкой особых психологических свойств мужчин и женщин. У женщин в результате приспособления к своему зависимому от мужчин положению выработалась и закрепи-

лась уступчивость, покорность, терпимость, мягкость, мечтательность, способность сопереживания и т. п., т. е. то, что всегда устраивало мужчин, что всегда воспевали поэты и восторгались писатели. Напротив, у мужчин вырабатывались и закреплялись такие черты, как авторитарность, напористость, агрессивность, резкость, нетерпимость, активность, рассудительность, деловитость и т. п. Однако эти мужские и женские черты не являются абсолютными, полярными и неизменными. Они изменяются с изменением условий жизни. Так, в связи с протекающей в настоящее время революцией в межполовых отношениях и изменением роли женщин и мужчин в обществе и семье, личностные характеристики мужчин и женщин подвергаются серьёзным изменениям. Занимаясь мужскими делами и профессиями, женщины всё чаще становятся агрессивными, напористыми, неуступчивыми и деловитыми, у них всё больше исчезает покорность, терпимость, мягкость, эмоциональность и мечтательность. Всё чаще они рвутся в лидеры и не только ни в чём не хотят уступать мужчинам, но стремятся даже превосходить их.

Культуру поведения женщин в целом можно охарактеризовать двумя основными направлениями. Новое направление – описанное выше уподобление себя мужчинам, стремление к финансово-экономической независимости, карьере, что представляет лишь одну линию поведения. Другая – представляет собой старое, традиционное направление, основой которого является финансово-экономическая заинтересованность в мужчине. Именно с этим направлением связаны различные способы привлечения внимания к себе яркими нарядами, украшениями и раскрашиванием лица. В результате складывалась особая культура украшения женщин, что позволяло им становиться «красивыми». Сегодня к этому добавилось стремление подчеркнуть свои половые признаки.

Главное внимание женщины уделяют своему лицу. Большинство женщин считает, что если она не накрашена, то она как бы раздета. Вот далеко не полный перечень средств используемых ими для создания красивого лица: румяна, белила, бальзамы, пудра, маски, крем-маски, косметическое молочко, пилинг, скраб (средство для чистки кожи), консилер (грим), лифтинг (крем, восстанавливающий упругость кожи). Почти все женщины подводят глаза, стараясь сделать их более выразительными и привлекательными, для чего исполь-

зуют специальные карандаши, жидкую подводку для век, а также блеск.

Наряду с подводкой глаз женщины красят губы. Привычка красить губы у женщин появилась совсем недавно – после II Мировой войны и теперь подкраска глаз и губ стали их неотъемлемыми чертами. К сожалению, чувство меры им нередко изменяет, в результате чего пожилые и даже старые женщины продолжают краситься так, как будто им по-прежнему 16–20 лет.

Не меньшее внимание уделяют они волосам. Их окрашивают в разные цвета, как целиком, так и отдельными прядями (мелируют), завивают, осветляют, балояжируют (осветляют кончики волос), делают разнообразные причёски. В волосы вплетают ленты, их украшают всевозможными шпильками, зажимами и гребнями.

Сегодня много внимания уделяется и телу. Для придания телу стройности женщины (если у них есть деньги и время) используют фитнес, аэробику, тренажёры, массаж, посещают бассейн и сауну. Известно много случаев, когда девушки ограничивают себя в пище, истощают себя настолько, что это приводит к психическому заболеванию – анорексии. Чтобы сделать свои груди более привлекательными для мужчин, пышными, наиболее продвинутые женщины заливают в них парафин и гелиевые смеси. Чтобы грудь «стояла» подтягивают её с помощью бесцветного скотча. Эти манипуляции с грудями представляют собой сексуальный вызов, направленный, однако, вовсе не на привлечение симпатичных и молодых мужчин. Его цель, увы, другая – выбрать из числа мужчин состоятельного, за счет которого они смогут жить – либо в браке, либо в сожительстве!

С помощью регулярного бритья и кремов-депиляторов, электроэпиляции или обесцвечивания с тела и ног удаляют излишний волосяной покров. А чтобы кожа не имела изъянов удаляют веснушки и бородавки.

Помимо косметики большинство женщин использует и парфюмерию – разнообразные духи, туалетную воду и одеколоны, а также великое многообразие всевозможных кремов и мазей для кожи лица, тела и рук. В последние годы у девушек и молодых женщин получил распространение пирсинг (прокалывание различных частей лица и тела с целью ношения колечек, серёг и брелков) и нанесение на тело, руки и ноги несмываемых рисунков. Почти все женщины укра-

шают свои пальцы кольцами, а многие носят ещё и браслеты. В ушах носят колечки, серьги и клипсы. И все эти ухищрения направлены лишь на то, чтобы привлечь внимание мужчин.

Сегодня, когда женщины активно стремятся к равенству с мужчинами, они вовсе не хотят отказываться от привычки краситься и украшать себя. Равенство с мужчинами здесь им не нужно. Слишком уж это удачное приобретение и слишком сильное оружие в борьбе за выбранного ими мужчину, за место под солнцем, чтобы от него так просто отказаться. Да и законы биологии и эволюции свидетельствуют, что раз приобретённое не исчезает само по себе, а только по необходимости. Если оно не мешает, то это приобретение сохраняется неопределённо долгое время.

Не секрет, что девушки определённого вида занятия активно используют свой обнаженно-эротический вид для продажи своих услуг. Характерно, что с обнажением женского тела связаны участвовавшие в последнее время случаи насилия со стороны парней и молодых мужчин. Вызывающее оголение тела девушками и молодыми женщинами является не лучшим «ответом» на естественную повышенную сексуальную возбудимость юношей и молодых мужчин. Не зная этой истины, не понимают девушки (и их матери, потворствующие этому оголению), что, по сути, такое оголение является сексуальным вызовом, провокацией, приводящей к мужской агрессии.

Здесь есть и ещё одна проблема. Такое массовое оголение очень близко психическому заболеванию, носящему название эксгибиционизм – выставлению напоказ своего обнаженного тела или его частей. Не понимают они, что обнаженное тело женщин воспринимается мужчинами совсем не так, как воспринимают обнаженное мужское тело женщины. При всем равенстве прав мужчин и женщин, их биология не изменилась и измениться не может.

Мода на обнажение дошла до стадионов и спортивных залов: фигуристки одевают коротенькие юбочки и платица, всё уменьшающиеся в размере трусики, стараясь при этом как можно больше оголить верхнюю часть туловища. Кроме обнажения девушки и женщины носят одежду, настолько плотно прилегающую к телу, что она подчёркивает все особенности их тела – все выпуклости и вогнутости – тонкие брюки, которые плотно облегают ягодицы (натянутые, как

на барабане), причём наиболее «продвинутые» особы шьют себе брюки, в которых каждая ягодица обтягивается отдельно, а спереди прорисовываются особенности строения малого таза. Но и этого им кажется мало. Поэтому часть девушек носит брюки так, что они едва не спадают с бёдер. Встречаются девушки, которые носят настолько тонкие, плотно обтягивающие тело брюки телесного цвета, что они вообще кажутся голыми.

Удивительно, что при всём этом сегодня женщины не испытывают никакого стеснения! Женская культура совершила резкий поворот: то, что всегда было запрещено и осуждаемо обществом, теперь стало возможным и допустимым. Женщины делают всё это почти бессознательно, просто потому, что их так воспитали, потому что так принято в цивилизованном обществе, а также потому, что это модно. При этом большинство уверены, что делают они всё это только потому, что им самим нравится быть красивыми и обнаженными. Но на деле бессознательная основа всех этих действий одна – *стать привлекательной, понравиться мужчине*, а, следовательно, найти хорошего жениха, удачно выйти замуж (или же, как говорят сегодня – найти спонсора), получить хорошую работу (или получить хорошее образование), хорошо устроить свою жизнь. Так, что у женской красоты есть и обратная и не очень красивая сторона. Общество – мужчины и женщины старшего возраста закрывают на это глаза.

Как откровенно говорится в к/ф «Красотки», женщины меняют (улучшают) свою внешность, обнажаются и украшаются с целью выйти замуж за мужчину со счётом в Швейцарском банке. Не всем это удаётся, но все к этому стремятся. Характерно в этом плане признание мировой топ-модели Линды Евангелисты, которая заявила, что женщины оценивают мужчин по социальному признаку. Она, к примеру, любит богатых и щедрых.

В культурном арсенале женщин, помимо украшения и оголения, для привлечения внимания мужчин используется ещё одно эффективное средство – кокетство. Возникнув, как социальная потребность завоевать расположение мужчины, кокетство приобрело значительную биологическую компоненту. Уже пятилетняя девочка вертится перед зеркалом проверяя, насколько она хороша. Пока только для себя и своих родителей.

Но особенно искусно себя разукрашивали и одевались в нарядные, красивые одежды те, для которых тело служило товаром. Помимо социального происхождения, это явление имеет и глубокие биологические корни. С биологической точки зрения, проституция есть не что иное, как «поощрительное спаривание», имеющее место также и у представителей животного мира. Однако, в отличие от самок, довольствующихся куском пищи или красивым камешком, продающие своё тело женщины требуют за свои услуги вознаграждение, которое позволяет части из них жить не только безбедно, но и просто шикарно.

Проституция представляет собой своеобразную субкультуру. Многие женщины не потому занимаются проституцией, что им нечего есть, а потому, что торгуя собой, они зарабатывают большие деньги – для этого не надо ни учиться, ни трудиться. Получив после развала СССР свободу передвижения, часть наших девушек и молодых женщин бросились за рубеж зарабатывать большие деньги. В прессе сообщается о выезде и (или) вывозе за рубеж из России не менее двух миллионов молодых, здоровых, красивых женщин; многие из них оказались там на заработках определенного рода. Согласно докладу ООН, подготовленному в конце 2005 г., около 500 тыс. проституток из стран бывшего соцлагеря ежегодно въезжают в богатую Западную Европу. Да, конечно, среди них есть и те, кто попадают на приманку, обещающую большие деньги за работу нянь, сиделок, официанток, стриптизерш и т.д. Но большинство из них не скрывают своего намерения заработать легкие деньги торговлей своим телом. Определенная часть женщин по-прежнему стремится урвать у мужчин побольше денег, соблазняя их своими прелестями. Все эти женщины выбывают на какой-то срок (если не навсегда) из ряда женщин, могущих родить ребенка.

О том, насколько популярна среди «прекрасного пола» профессия проститутки свидетельствуют данные, приведенные АиФом (№ 1-2, 2006): в настоящее время в мире насчитывается 40 млн. проституток. Это значит, что в этом бизнесе задействована каждая 25-я дама детородного возраста. По данным портала ИА REGNUM, каждая четвертая студентка на Украине мечтает о карьере проститутки. Проституция существует там, где имеется недостаточность образования, культуры, морали, избыточность трудных социально-экономических проблем, где отсутствует нормальная семья,

обычное человеческое тепло и доброта, отеческая любовь и забота.

Приобретенная с помощью мужчин финансовая и экономическая независимость принесла женщинам свободу, которая, как оказалось, больно ударила по всему человеческому обществу. Прежде всего, социальное (приобретённая свобода) вошло в противоречие с биологическим – существовавшим на протяжении всей истории рода человеческого подчинением женщины мужчине. Женщина не должна вести себя как мужчина, приобретать мужские привычки, заниматься мужскими профессиями потому, что всё плохое, что как-то воздействует на организм девочки-девушки-женщины, обязательно плохо будет действовать и на всех её ещё не рождённых детей. Ведь когда рождается девочка, в её организме уже находятся яйцеклетки всех детей, которых она сможет родить за всю свою жизнь. То есть, если женщина хочет иметь здоровых детей (хотя бы одного ребёнка), ей необходимо избегать любых негативных воздействий на своё здоровье.

Иначе у мужчин – спермы у мальчиков ещё нет, но она постоянно вырабатывается в организме взрослых мужчин (от полового созревания до климакса). То есть, отрицательные воздействия на репродуктивное качество мужчины можно (хотя бы частично) компенсировать интенсивным лечением и ведением здорового образа жизни (вновь выработанные в организме сперматозоиды могут быть неповреждёнными), а вот для женщин этот путь закрыт (ещё одно неравенство!). Мужчина может травиться и травмироваться, а потом вылечиться и иметь здоровых детей, а вот женщина – нет. Если женщина была когда-нибудь отравлена или истощена, здоровых детей у неё уже никогда не будет, на это даже не стоит надеяться.

Сегодня, когда женщина становится всё более экономически независимой, ей уже нужен не столько кормилец, сколько спутник жизни, понимающий её и разделяющий её радости и печали, отец и воспитатель её ребенка (детей). Однако пройдет еще немало времени, прежде чем между мужчинами и женщинами установятся новые отношения, отношения равноправия. Социальное не будет противоречить биологическому и тогда мужчина снова почувствует себя мужчиной, а женщина - женщиной.

Однако, как бы сейчас ни складывались отношения женщины и мужчины, их биологическая природа остаётся неизменной. Поэтому женщина и мужчина должны оставаться самими собой. На новом этапе экономического развития мирового сообщества и, соответственно, отношений полов, женщинам и мужчинам предстоит найти своё новое место, которое они должны занять с достоинством, присущим каждому из них. Это будут отношения равных, одинаково прекрасных и уважающих особенности противоположного пола.

Сегодня женщины идут против Природы, разделившей около 800 млн. лет назад наших далеких предков на два пола – мужской и женский. С момента разделения у каждого пола появилась своя биологическая задача. Этот эволюционный процесс не был направлен против женщин (самок), он был направлен на выживание видов, наилучшее приспособление их к изменяющимся факторам среды. Именно он и обеспечил появление на Земле людей. Сегодня женщины и неразумные мужчины делают всё, чтобы разрушить систему, которая создавалась сотни миллионов лет, стереть границы женского и мужского.

¹ Wilkis Sh., Miller Th.A. Working Women: How it's working out. In: Taking Sides: Clashing Views on Controversal Social Issues. Ed. by K.Finsterbuch and G.McKenna. Guilford, 1990. P.61.

² Busby D.M., Compton S.V. Patterns of sexual coercion in adult heterosexual relationships: An exploration of male vitimization // Family Process, 1997, 36, N 1: 81-94.

³ Райская Я. Формула счастья: он и она. - №1, 2007.

⁴ Баранов А. А., Щеплягина Л.А. Здоровье детей на пороге 21 века: пути решения проблемы / Педиатрия. 2001. Т. 8, № 18. С. 737-740.

⁵ Гарбузов В.И. Особенности психотерапии в семье с единственным ребенком, страдающим неврозом // Семейная психотерапия при нервных и психических заболеваниях. Л., 1978.

⁶ Кон И.С. Отец // Неделя. 1979, №11.

⁷ Геодакян В.А. Мужчина и женщина. Эволюционно-биологическое предназначение // Женщина в аспекте физической антропологии. М., 1994. С.8.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Асадуллина Олеся Анатольевна, старший преподаватель кафедры психолого-педагогического образования и дефектологии Стерлитамакского филиала МГГУ имени М. А. Шолохова, соискатель кафедры общей и социальной психологии БГПУ имени М. Акмуллы (Уфа)

Базуева Елена Валерьевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и отраслевых рынков Пермского государственного университета (Пермь)

Белова Юлия Николаевна, кандидат искусствоведения, доцент Института дизайна и декоративно-прикладного искусства (Санкт-Петербург)

Бобылева Виктория Олеговна, кандидат педагогических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного политехнического университета

Богатова Лариса Михайловна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Татарского государственного педагогического университета (г. Казань).

Бунтури Влада Вадимовна, кандидат культурологии (Санкт-Петербург)

Каплан Феодора Валерьевна, аспирант кафедры культурологии Философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета

Коленько Сергей Геннадьевич, кандидат культурологи, ассистент кафедры культурологии Философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета

Кондаков Александр Александрович, магистр социологии права, исследователь Research Committee for Sociology of Law (Испания)

Латина Светлана Викторовна, аспирант Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета, ассистент кафедры общего и профессионального английского языка (Комсомольск-на-Амуре)

Маслякова Анна Ивановна, магистр педагогических наук, аспирант кафедры музыкального воспитания и образования факультета музыки Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург)

Номеровская Анна Дмитриевна, аспирант кафедры философии Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов

Орлова Надежда Хаджимерзановна, доктор философских наук, профессор кафедры культурологии Философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Павлова Ольга Николаевна, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии социальной работы и психологического консультирования Национального института имени Екатерины Великой (Москва).

Соколова Екатерина Эльмаровна, кандидат культурологии, доцент кафедры социологии и психологии Государственной Полярной академии (Санкт-Петербург)

Сташкунас Анна Александровна, аспирантка кафедры культурологии Философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Тукмачева Елена Анатольевна, зав. кафедрой профильного обучения и профессионального образования Института повышения квалификации и переподготовки работников образования Удмуртской Республики (Ижевск)

Турутина Елена Сергеевна, кандидат философских наук, доцент и докторант кафедры философии и социальных наук Томского государственного педагогического университета (Томск)

Уваров Михаил Семенович, доктор философских наук, профессор кафедры философской антропологии Философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета

Научное издание

Парадигма: философско-культурологический альманах
Выпуск 16

Ответственный редактор выпуска *Н.Х. Орлова*

Компьютерная верстка *Ф.В. Каплан*
Печатается без издательского редактирования

Подписано в печать с авторского оригинал-макета 02.05.2011

Формат 60×84 1/16

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 11,2. Заказ №

Издательство СПбГУ

199004, С.-Петербург, В.О., 6-я линия, д. 11/21

тел. (812) 328-96-17; факс (812) 328-44-22

www.unipress.ru

Типография Издательства СПбГУ.

199061, С.-Петербург, Средний пр., 41